

ОРОО «Центр развития общественных инициатив»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

По страницам областной
Книги памяти жертв политических репрессий

Омск. 2023

ОРОО «Центр развития общественных инициатив»

**Политические репрессии
в Омской области.
По страницам областной
Книги памяти жертв
политических репрессий**

Омск. 2023

УДК 94(571.13):323
ББК 63.3(2Рос-4Омс)-361
П 50

П 50 Политические репрессии в Омской области. По страницам областной Книги памяти жертв политических репрессий. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2023. – 196 с.

Настоящий сборник представляет собой подборку основополагающих материалов по теме репрессий в Омской области, ранее напечатанных в областной Книге памяти жертв политических репрессий. Это документы, исследования ученых-историков, выдержки из архивных дел, выступления-анализы происходящих событий на партконференциях, в ведущих областных газетах того времени.

Цель сборника: помочь учащимся-старшеклассникам, студентам, исследователям и просто неравнодушным гражданам познакомиться с объективной картиной истории тех лет.

Издание осуществляется в рамках проекта
«Помня прошлое, мы обещаем будущему»,
реализуемого ОРОО «Центр развития общественных инициатив»
на средства гранта, предоставленного Правительством Омской области
при софинансировании Фондом президентских грантов.

УДК 94(571.13):323
ББК 63.3(2Рос-4Омс)-361

ISBN 978-5-8042-0811-1

© ОРОО «Центр развития общественных инициатив», 2023
© Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
Основные, наиболее массовые категории жертв политических репрессий в СССР	5
Обзор фондов государственного архива Омской области, содержащих сведения о политических репрессиях	6
Массовый и необратимый характер	18
За что ты полегла, крестьянская Россия?	20
Особенности возвращения избирательных прав «лишенцам» в 1920-е гг.	20
№ 69. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса	23
О массовом выселении крестьян на север Сибири в 1930 году	29
Тема насильственной коллективизации по страницам архивных дел	46
Информационный бюллетень № 8 от 27.02.1930 г., с. 28, 29	54
Акт обследования условий расселения кулацких хозяйств Васюганского района (Кулайский)	58
Справки, сообщения, материалы из выступлений на партконференциях и совещаниях 1930-х гг.	63
Татьяна Четверикова. На Кулае	69
Расправа за политические преступления	72
Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447	72
Из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)	79
Оперативный Приказ № 00486 народного комиссара внутренних дел Союза ССР	80
Именем партии	86
Приказ народного комиссара Внутренних дел Союза ССР за 1938 год	91
О применении «физического воздействия» в НКВД	92
Расправа над политическими ссыльными	93
Враги народа в рядах омского комсомола	104
Из писем и записок осужденных (по материалам омских архивов)	121
Год 1938-й в зеркале «Омской правды»	125
Число осужденных по делам ВЧК-ОГПУ-НКВД за 1921-1940 гг.	136
Вклад в победу омичей – узников ГУЛАГА	137
Депортация народов в Омскую область	141
Указ Президиума Верховного Совета СССР О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья	141
О выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальности	142
Информация. О приеме, размещении и политических настроениях эвакуированного в Омскую область немецкого населения	144
Решение № 907с. Исполнительного Комитета Омского Областного Совета депутатов трудящихся	148
Депортация немцев в Омскую область	149
Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: по документам Исилькульского архива	157
Президиум Верховного Совета СССР. УКАЗ от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР»	162
Постановление СНК СССР № 1432/425сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР»	163
Докладная	165
Постановление № 121-376с	167
Решение № 1118с	169
СОВ. СЕКРЕТНО. СССР. Народный Комиссариат Внутренних Дел	171
Секретарю Омского обкома ВКП(б) по кадрам тов. Никитенко. Докладная ...	172
Письмо группы спецпереселенцев-калмыков И. В. Сталину с просьбой о политической реабилитации и возвращении на родные земли калмыцкого народа	177
Еще одно преступление сталинизма	183
Депортация калмыков в Омскую область	189

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Наша история едина и непрерывна. В ней нет незначительных периодов. Любому исследователю, будь то ученый историк или обычный гражданин, интересующийся историей своей семьи, важны документы, архивные материалы.

Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого. Это значит, что нельзя объяснять события прошедших лет с позиции наших современных взглядов. А для этого необходим экскурс в историю происходящих действий.

Идея создания данного сборника возникла еще несколько лет назад, когда было завершено издание в Омской области Книги памяти жертв политических репрессий (11 томов книги «Забвению не подлежит», 5 томов книги «Крестьянская Голгофа» и 2 тома книги «Невольные сибиряки»).

За годы работы, а это около двадцати лет, сотрудниками редакции, помощниками-архивистами, учеными-историками и просто неравнодушными гражданами были изучены сотни документов, архивных дел, воспоминаний о периоде истории нашей страны 20-50-х годов XX века, называемых сейчас периодом репрессий. На наш взгляд, была создана подробная объективная картина истории тех лет.

Нынешнее молодое поколение проявляет естественный интерес к своим истокам, к истории своих семей. И практически каждый исследователь сталкивается с тем, что обойти тему репрессий в данном вопросе невозможно.

Поэтому мы попытались в помощь исследователям, учащимся, студентам на основе уже выпущенных Книг памяти собрать воедино в данном сборнике основополагающие материалы по этой теме: документы, исследования ученых, выдержки из архивных дел, выступления-анализы происходящих событий на партконференциях, в ведущих областных газетах того времени, что давало бы полную историческую картину времени.

По ряду объективных причин и в связи с тем, что в данном сборнике материалы даны в несколько укороченном виде, мы не указываем в конце каждой публикации имя автора. При необходимости любой материал в полном объеме, с указанием автора, вы сможете найти на страницах Книги памяти.

Основные, наиболее массовые категории жертв политических репрессий в СССР

Первая массовая категория – люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке. По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллиона человек. Самые ранние репрессии советской власти относятся к 1917-1918 гг. Цифры, называемые в литературе, колеблются от 50-100 тысяч до более миллиона человек.

Другая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса». Всего за 1930-1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Меньшая часть из них были арестованы и приговорены к расстрелу или к заключению в лагерь, 1,8 миллиона стали «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей. Кроме того, множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 миллионов человек.

Третья массовая категория жертв политических репрессий – народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941-1945 гг. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 миллиона человек.

Кроме этих крупных консолидированных потоков в разное время имели место многочисленные политически мотивированные депортации отдельных национальных и социальных групп, в основном из пограничных регионов, крупных городов и «режимных местностей». То же можно сказать о приблизительно 400 тысячах депортирован-

ных в 1939-1941 гг. с «новых территорий» – из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии.

Общее число лиц, подвергшихся репрессиям не в судебном (или квазисудебном), а в административном порядке, составляет 6,5–7 миллионов человек. Говоря об иных категориях населения, подвергшихся политическим преследованиям и дискриминации, нельзя забывать и о сотнях тысяч людей, лишенных гражданских прав за «неправильные» профессию или социальное происхождение, и о бессудно расстрелянных при подавлении крестьянских восстаний в 1920-е гг., о расстрелянных без приговоров в тюрьмах в 1941-м, о расстрелянных на фронте в годы войны по приговорам Особых отделов, о репатриантах (в основном бывших «остарбайтерах» и военнопленных), принудительно работавших в фильтрационных лагерях, и о многих, многих других.

А ведь кроме бесспорных жертв политического террора были еще миллионы людей, осужденных за разные незначительные «уголовные» преступления и дисциплинарные проступки. Традиционно их не считают жертвами политических репрессий, хотя многие репрессивные кампании, которые проводились силами милиции, имели явно политическую подоплеку. Судили за нарушение паспортного режима, бродяжничество, «самовольный уход» с места работы (перемену места работы); опоздание, прогул или самовольную отлучку с работы; нарушение дисциплины и самовольный уход учащихся из фабричных и железнодорожных училищ; «дезертирство» с военных предприятий; уклонение от мобилизации для работы на производстве, на строительстве или в сельском хозяйстве, и т.д., и т.п. Наказания при этом, как правило, были не слишком тяжелыми – зачастую осужденных даже не лишали свободы. Трудно подсчитать число людей, которых постигли эти «мягкие» наказания: только с 1941 по 1956 г. осуждено не менее 36,2 миллиона человек, из них 11 миллионов – за «прогулы»! Очевидно, что главная цель всех этих карательных мер – не наказать конкретное преступление, а распространить систему принудительного труда и жесткого дисциплинарного контроля далеко за границы лагерей и спецпоселений (в терминологии самой власти это и значило «установить твердый государственный порядок»).

Обзор фондов государственного архива Омской области, содержащих сведения о политических репрессиях

Тема политических репрессий в Советской России вызывает повышенный интерес в нашем обществе. Занимаются ею историки, архивисты, краеведы, в т.ч. и омские. Источниковой базой для разработки

некоторых ее вопросов стали документы нашего архива, архивов ФСБ, УВД и ряда других учреждений и организаций. И эта источниковая база огромна. Только в нашем архиве хранятся десятки тысяч дел, содержащих сведения о политических репрессиях в 20-40-е годы. А началось все сразу же после установления советской власти в Омске.

В первые же дни декабря 1917 г. по городу прокатилась целая волна саботажа против новой власти. Заведенные по этому поводу дела рассматривал только что созданный для ведения наиболее важных из преступлений революционный трибунал. А к таковым, прежде всего, относились контрреволюционные выступления. Фонд следственной комиссии Омского губревтрибунала (№ 1064) за этот период наглядно показывает раскол общества, нежелание многих служить власти советов. Было заведено дело на председателя Омского окружного суда графа М.А. Подгаричани-Петровича и кассира Т.П. Засухину (Д. 3). Здесь саботаж выразился в особой форме. Часть сотрудников этого учреждения отказалась исполнять декрет Совнаркома об упразднении старой судебной системы и во что бы то ни стало стремилась продолжать работу. Зная, что суд перешел в ведение назначенных местным Советом солдатских и рабочих депутатов комиссаров, оформили без их ведома документы на получение жалованья служащим. Председатель суда на допросе заявил, что он правительство народных комиссаров не признает, и борьба за власть окончена. Кассир на вопрос «Признает ли она советскую власть и ее распоряжения» отвечать не пожелала, по ее словам, «этот вопрос в тот момент являлся личного характера».

28 декабря 1917 г. публично следственной комиссией по этому делу была вынесена резолюция – лишить общественного доверия. К 2-3 месяцам тюремного заключения, денежным штрафам были приговорены и другие сотрудники суда, отказавшиеся от сдачи дел комиссарам, «подчиняющиеся только власти Временного правительства, отказавшиеся явиться в суд с ключами от сейфов и шкафов» (Д.5).

Ряд материалов в фонде рассказывают о расследовании дела по факту проведения 27 декабря 1917 г. в помещении Омского коммерческого училища публичного собрания (Д. 3-а, 20, 21).

Обвинялись целые группы граждан – по сорок-пятьдесят человек – в участии в этом собрании, на котором они, по словам документа, «стремились вызвать панику в населении г. Омска, внушая недоверие к рабоче-крестьянскому правительству и его органам». На предварительном следствии они заявили, что «при существующих порядках работать не желают».

Приняв во внимание «низкое революционное сознание» (не были готовы к смене существующего государственного строя), суд ограничился объявлением им общественного выговора. Сурово карать за эти выступления новые судебные органы еще не решались.

Среди материалов фонда – и дела по обвинению служащих Омской казенной палаты в отчуждении 100 тысяч «народных денег» в пользу особой конфедерации бывших правительственных служащих, открыто не признавших рабоче-крестьянское правительство, умышленно оставивших службу и устроивших стачку (Д. 4), о священнике Н. Савкине, собравшем прихожан и обратившемся к ним с призывом «не допустить разграбления церковного имущества» (Д. 16), о задержанном на Атаманском хуторе подъесауле А.М. Горбовском «под спрятанными под зипуном двумя бомбами и револьвером, не имея на то разрешения ЧК» (был обвинен в подготовке террористического акта) (Д. 14), об обвинении лидера Республиканской социал-демократической партии (Федералистов) А.А. Ляпун-Фомина «в противоправительственной агитации путем печати» (издал листовку с программой партии) (Д. 9).

И перечень таких дел можно продолжить. Колесо репрессий против инакомыслящих начало раскручиваться. Уже в апреле 1918 г. комиссар по тюремным делам докладывал в областной Совнарком, что Омская областная тюрьма рассчитана на 200 человек, а заключенных на 1 марта было 345, на 6 апреля – 480 человек. Он писал о трудностях с продуктами, появлении тифа, нехватке надзирателей. Подследственные месяцами дожидаются суда, допускают активные выступления по отношению к служащим (Ф. 1064. Оп. 2. Д. 265).

Гражданская война прервала на время работу советских карательных учреждений, возобновившуюся, но с гораздо большим размахом, после разгрома колчаковских войск. Сразу же после освобождения Омска в ноябре 1919 г. по организациям стали составляться списки белых офицеров, лиц, служивших у Колчака. Они отложились во многих фондах и хранились как в общей, так и в секретных их частях. Эти списки использовались и в те годы, и в 30-е, когда проходила массовая кампания по лишению омичей избирательных прав, которому, в первую очередь, подвергалась эта категория граждан.

В 20-е годы судебные органы Омской губернии, затем округа занимались большой разборкой дел, связанных с контрреволюционной деятельностью граждан. В объемных фондах Сибирского реввоен-трибунала, Омских окружного военно-революционного транспорт-

ного (Ф. № 37), губревтрибуналов (Ф. № 239) (трибуналы являлись судом первой инстанции по делам особой важности), губернского суда (№ 138) хранятся и дела по обвинению жителей в великом множестве видов контрреволюционной деятельности, участии в террористических актах, агитации против советской власти, участии в бандзах, распространении контрреволюционной литературы, укрывательстве бандитов и оружия, выдаче советских работников и коммунистов, службе в колчаковской армии и у Анненкова, участии в крестьянском восстании в 1921 году.

За каждым из этих дел, а некоторые из них заводились на группу граждан, стоит человеческая судьба. Помимо основных официальных документов: протоколов допросов, актов, заключений, переписки – они содержат и другой материал, позволяющий увидеть просто человека с его убеждениями, ошибками, слабостью. И этот материал также разнообразен. Собирались любые бумаги, позволявшие подтвердить обвинение, компрометирующее человека. Это могли быть письма, личные дневники, запись разговора. Так, например, в одном из дел подшиты страницы дневника бывшего белого офицера, который он вел в годы Гражданской войны. 20 июля 1918 г.: «Наверное, мать считает меня погибшим, так как я имею несчастье быть офицером русской армии, а их теперь расстреливают на каждом переулке». А в другом имеется письмо отца к сыну, обвиненному в агитации против советской власти за заявление, что продотрядовцы действуют неправильно, что нужно брать палки и вилы. «Я замечаю из твоих писем, - пишет отец, - что ты избегаешь слова «бог». Не думаю, что ты поддался коммунии, но если ты опровергаешь нашу религию, ты мне не сын».

Помимо личных дел эти фонды содержат делопроизводственную документацию: циркуляры, протоколы заседаний трибуналов, выездных сессий, переписку, позволяющие раскрыть механизм работы этой огромной машины дознаний.

Подобный материал содержат и менее объемные фонды Омской губЧК (Ф. № 950), губернского и окружного прокуроров (№ 441, 1195), народных судов (территория губерний была разделена на 51 участок по обслуживанию нарсудами). И опять та же тема: бандализм, дискредитация советской власти, саботажи.

Приведу лишь несколько примеров. Народный суд 6-го участка Тюкалинского уезда завел дело на кузнеца д. Салтаим А.Ф. Ременникова – вел агитацию против коммунистов: «Все плохо. Отобрали скот, отобрали и хлеб, и все еще не успокоятся, и все дай, а нам нет ничего». Объявлен строгий выговор по суду (Ф. 634. Оп. 1. Д. 92).

Техника полеводства пос. Ачаирский К.Я. Кайданова также обвинили в агитации среди крестьян: «Ленин и Троцкий сроду не видели как хлеб растет, а они издают приказы о разверстке, а мы, крестьяне, этих приказов не признаем» (Ф. 138. Оп. 1. Д. 153).

Получила обвинение в 1923 г. учительница Крутинской школы Е.К. Адамская. В 1920 г., узнав, что из школы заберут все книги религиозного содержания, забрала их к себе домой (78 шт.) и спрятала их в подполе (Ф. 314. Оп. 1. Д. 57). При допросе признала себя виновной, была направлена в Тюкалинский дом лишения свободы, дело передали в Крутинский суд.

О положении заключенных в те годы рассказывают документы фонда губернского прокурора (№ 443), содержащего делопроизводственную переписку, дела на «политических», их заявления-жалобы. В 1922 г. с таковым обратилась к прокурору омичка В.С. Новикова: «Около 3 месяцев с 1 июня 1922 г. арестован ГПУ мой муж Н.Ф. Новиков, и предъявлено ему обвинение в антисоветской деятельности, но в чем она заключается и какие преступления им сделаны, ему до сих пор неизвестны» (Ф. 443. Оп. 3. Д. 3).

23 сентября 1922 г. губпрокурор запрашивал у ОГПУ сведения по жалобе заключенного под стражу в Омском доме принудительных работ Д.И. Адаева: «В заключении я нахожусь с 10 мая 1920 года, вот уже свыше 2 лет 4 месяцев, и все время числюсь следственным... между тем никакого следствия не ведется за все время нахождения моего в Омске... приходится заключить, что дело обо мне было затеряно... за время заключения хворал цингой, плевритом, а теперь получил хроническое воспаление легких и чахотку». В прилагаемых далее пояснениях говорилось, что этот заключенный числится за представителем ВЧК по Сибири и обвиняется в принадлежности к Томской организации левых эсеров (Д. 3).

А обстановка в домах лишения свободы стала еще более сложной. В Омском, рассчитанном на 278 человек, содержалось уже более двух тысяч заключенных. В октябре умерло трое заключенных от истощения, было зарегистрировано 16 случаев сыпного, брюшного и возвратного тифа. Председатель губернской распределительной комиссии при губернском карательном отделе юстиции 2 ноября 1921 года писал: «Число слабосильных и цинготных дошло до ужасающих размеров... а число заключенных не уменьшается, а с каждым днем все более увеличивается». Служащие из-за продовольственного кризиса получали только по ½ фунта хлеба в день и кипяток. Губернская распределительная комиссия просила об изменении

меры пресечения в отношении «не столь важных следственных» – на поручительство или подписку о неотлучке.

Положение было настолько серьезным, что 3 января 1922 г. вопрос об Омском доме лишения свободы был заслушан на заседании президиума Омского губисполкома. Прозвучало, что на 1066 заключенных отпускается лишь 600 пайков, в декабре 1921 г. было зафиксировано 334 тифозных заболевания. 36 смертей от тифа. Были приняты решения о срочной разгрузке этого заведения. (Ф. 239. Оп. 1. Д. 2).

Политику преследования и ликвидации контрреволюционных заговоров и выступлений, предание виновных суду раскрывают и документы Омской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, известной как ГубЧК (№ 950). Официальная советская литература объяснила создание этого органа тем, что мягкость советской власти, проявленная в первое время, была расценена как слабость, и контрреволюция ответила на нее ожесточенной борьбой. Потому и наделялись чрезвычайными полномочиями ЧК. В 1921 г. постановлением ВЦИК № 138 от 26 июня 1921 г. за ЧК было остановлено право действия только в отношении лиц, «уличенных в принадлежности к антисоветской партии или к явно белогвардейским элементам». Все остальные дела подлежали разрешению в судебном порядке.

В фонде Омской губЧК отложились документы о деятельности комиссии, обвинительные дела, списки белых офицеров, в т.ч. и находящихся в Омском концентрационном лагере принудительных работ. Часть дел долгое время находилась на секретном хранении и не так уж давно была рассекречена. И среди них – группа дел на членов федерации анархистов, обвиненных в противосоветской агитации (Л.И. Воскресенский, В.В. Потанин и др.), в разложении ими красноармейцев, «которые все свободное время убивают» в библиотеке анархистов (№ 1, 7).

На заседании расширенного пленума Омского губернского суда 23-27 декабря 1924 г. было отмечено, что с 1 января по 1 декабря 1924 г. было возбуждено 1879 дел по преступлениям против порядка управления.

Значительное место в этих фондах занимают материалы на лиц, обвиненных в оскорблении вождей революции, руководителей партии и правительства. В 1921 г. нарсуд 2-го участка Калачинского уездного бюро юстиции рассматривал дело гражданина деревни Соловецкой С. Жукова в поношении Ленина и Троцкого

(Ф. 618. Оп. 1. Д. 3). Крестьянин пояснял и оправдывался: «Ругал, но я не знал, кто они есть». Были обвинены граждане деревни Беспаловой Саргатского района С. Тюленцев и Е. Полеваев в оскорблении памяти вождя пролетариата (Ф. 314. Оп. 1. Д. 99). Во время похорон В.И. Ленина на собравшемся митинге на маслозаводе на предложение сделать сбор в память вождя говорили оскорбительные слова. И далее – дела о бандитизме, сношениях с иностранцами, терроризме.

Общую картину положения дел в губернии, округе, о применяемых наказаниях дают ранее секретные сводки губисполкома, ОГПУ – ежедневные, недельные, месячные, в которых рассказывалось о самых значительных событиях того периода, выступлениях и действиях против советской власти.

Самый большой комплекс документов по политическим репрессиям связан с лишением избирательных прав и раскулачиванием. Эти почти 30 тысяч дел хранятся в фондах райисполкомов – и только на тех, кто обжаловал данные решения как незаконные и неправильные. Большинство личных дел дают информацию о состоянии хозяйства, составе семьи, выселении из района, содержат переписку официальных органов о правильности лишения избирательных прав.

Списки раскулаченных по сельским советам с указанием причины, протоколы заседаний исполкомов, избиркомов, комиссий по пересмотру списков и жалоб лишенцев, документы о выявлении и выселении кулацких хозяйств, акты изъятия имущества и множество других документов характеризуют это время как великое потрясение среди сибирского крестьянства.

Создание колхозов, ликвидация кулачества как класса вызвали бурный взрыв количества обвиняемых. В фонде Прокурора Омского округа (№ 1195) содержатся доклады, сводки, таблицы о колхозном строительстве и в свете этого – документы, отражающие борьбу со всеми, кто находился на других позициях: рапорты, докладные записки, переписка, наблюдательные обвинительные дела.

Прокурор отчитывался: в 1928 г. о кулацком терроре прошло 12 дел, а за 10,5 месяца 1929 г. – 62 (148 чел. привлечено: кулаков – 62,8 процента, середняков – 27,7 процента, бедняков – 6,7 процента). Неуклонный рост террористических актов (32 из них прошло по линии ОГПУ) объяснили: 1) обострением классовой борьбы на селе в связи с успешным наступлением социалистической стройки, с одной стороны, и бешеным сопротивлением анти-советского элемента и кулачества против мероприятий партии и

власти, с другой; 2) теракты имеют рост при проведении кампаний, больно ударяющих по экономике «чисто капиталистических элементов» (Ф. 1195. Оп. 1. Д. 25). За террор было осуждено судами за январь – 15 ноября 1929 г. 38 человек, 5 из них приговорили к расстрелу, 7 – на срок до 5 лет, 14 – до 3 лет, 3 – принудительные работы, 9 – оправданы.

Вывод прокурора по этим цифрам был таков: «Карполитики, говоря строго, вообще нет, а есть какая-то кислятина, кулак-террорист не чувствует удара пролетарской диктатуры». Именно прокуратура осуществляла от имени государства надзор за соблюдением законности со стороны всех учреждений, отдельных лиц.

А сопротивление нарастало. Вечером 31 октября 1929 г. в Тарском районе была убита учительница Разгуляева. По делу привлечено 13 человек.

4 ноября 1929 г. в Иконниковском (ныне Горьковском. – Авт.) районе выстрелом в окно ранен уполномоченный РИКа Тянин – стрелял кулак Ефремов из-за того, что тот «наложил на него много хлеба».

В ночь на 1 ноября 1929 г. в с. Грязновка Калачинского района обстреляна квартира милиционера Бедрина, он получили 3 ранения, ранена и его жена.

Колхозы «Батрак» и «Путиловец» Называевского и Борисовского районов распущены, а правления отданы под суд из-за отказа выполнить план хлебозаготовок и распределения всего хлеба по членам колхоза.

Говорилось о наличии у отдельных судей мягкой к кулаку линии репрессий (Крутинский, Павлоградский, Исилькульский, Называевский районы). Крутинский нарсудья Булатов ни к одному «злостному кулаку» не применил высылки, приводились и другие примеры.

Из 46 приговоров, рассмотренных кассационными органами, было утверждено 28 (60,8 процента). Остальные были отменены.

Вопрос о карательной политике судов в связи с хлебозаготовками был поставлен на заседании бюро обкома ВКП(б) 26 октября 1929 г. Была отмечена слабость карполитики и запоздалая подготовка органов юстиции к хлебозаготовкам. Речь шла о том, что «кулак бешено сопротивляется, пуская в ход террористические действия» (Ф. 1195. Оп. 1. Д. 25). Было приведено немало примеров: кулак Серебренников в Омском районе сжег 2000 пудов общественного хлеба. 29 октября 1929 г. дело рассматривалось показательным процессом выездной сессии окрсуда. Обвиняемого приговорили к расстрелу.

Окружной прокурор разработал план посылки в районы «двоек» – выездных сессий судов. Были проведены показательные процессы в

Покровско-Иртышском сельсовете, в Омском районе и других местах. 20 октября 1929 г. проходил показательный процесс в д. Куломзино Исилькульского района. Судили четырех человек за сопротивление хлебозаготовкам и коллективизации, приговорив их к 1,5 – 3 годам лишения свободы. Окружной прокурор потребовал немедленно назначить новый процесс, через газету взбудоражить общественное мнение – слишком мягкими оказались приговоры. На 10 ноября 1929 г. с начала хлебозаготовительной кампании было осуждено 356 человек, из них 83 приговорили к высылке, конфисковали 5 989 тонн хлеба (Ф. 1195. Оп. 1. Д. 34. Л. 65).

Лишение прав, раскулачивание, выселение – для многих крестьянских хозяйств эта цепочка стала неизбежной. В разряд выселяемых попали и крепкие хозяйства, но были и другие. Вот опись изъятого имущества у «кулачки» из Исилькульского района Пелагеи Ставской: «Горшков – 4, сельница – 1, чашка – 1, самопрялка – 1, корыто деревянное – 1, пила поперечная – 1, печка железная – 1, хомутов старых – 1, кадушка – 1. Всего на сумму 8 рублей». И такими были «кулацкие» хозяйства.

Сельские советы формировали отряды выселяемых, составляли маршруты следования. Группы сопровождалась уполномоченными, милиционерами, которые сдавали сопровождаемых представителям комендатур.

Большой интерес в этом комплексе документов представляют заявления и жалобы «лишенцев» в различные инстанции. Простым, порой нескладным языком крестьяне описывают всю свою жизнь. По этим документам можно проследить и пути миграции в Сибирь, и экономическое состояние крестьянских хозяйств в различные периоды. Вот заявление сосланного в Кулай из села Славянки Ново-Омского района Якова Лешкова – участника Первой империалистической войны, партизанившего в Азербайджане и получившего в Красной армии инвалидность: «Имел посева 6,5 десятины, 2 лошади, 2 коровы, 9 овец, сельхозмашин не имел, налог платил все время. Я не кулак, за что?»

При исследовании данной темы невозможно обойти фонд № 1120 – «II-е отделение отдела исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений УНКВД по Омской области». Основную часть фонда составляют материалы кулаков, высланных на спецпоселение в 1930 году - списки этапированных, личные дела. Но в фонде имеются и сведения о дислокации трудпоселков, о расселении кулацкой ссылки в 13 районах (после образования 7 декабря 1934 г. Омской области), где размещалось 120 трудовых поселений, в них на 1 января 1935 года состояло 52 330 человек.

На территории Омской области в современных границах «кулацкая» ссылка размещалась в Тарском, Знаменском, Тевризском районах. В Тарском округе дислоцировалось 30 трудпоселений.

Списки этапированных, акты на их прием комендатурой, докладные записки о «политико-моральном» состоянии поселенцев отложились в фонде. Документы рассказывают о тяжелейшей жизни ссыльных, в них приводятся статистические данные о рождаемости и смертности. Так, Тевризская райкомендатура сообщала: в 1934 г. рождаемость составила 0,99 процента, в 1935 г. – 1,41 процента, а смертность – 5,16 и 4,25 соответственно (Ф. 1120. Оп. 1. Д. 1). Материалы информируют о трудовой повинности, о занятии спецпоселенцев сельским хозяйством, кустарными промыслами, о создании сельхозартелей.

Начинали с плугов и лопат, затем стали появляться сельхозмашины. Сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, бобы, лен, коноплю, картофель, овощи, разводили скот, устраивали мельницы, занимались дегтекурением, рогожеплетением, пимокатным и бондарным делом, валили лес. В документах отражена организация среди спецпереселенцев и стахановского движения. Тарская спецкомендатура отчитывалась: «На работе Тевризского лесоучастка, Тарского леспромхоза имеется 66 трудпоселений. На отдельных объектах трудпоселенцы дают объем производительности труда больше, чем вольнонаемные» (Ф. 1120. Оп. 1. Д. 10).

Снабжение продовольствием, условия содержания, строительство землянок и бараков (на одного человека полагалось 3 кв. метра), школ и изб-читален, культпросветработа – об этом тоже содержатся сведения в данном фонде, как и справки о «политфизиономии» высланных, о побеггах и поиске бежавших, хранятся перехваченные письма из мест поселений. Основную причину побегов представители карательных органов видели в жилищно-бытовой неустроенности. Встречаются телеграммы о следовании поездов со спецпереселенцами через Омск. Вот одна из них от 7 сентября 1938 г.: в Москву, в ГУЛАГ НКВД из Омска: «Шестого пропустили два эшелона переселенцев, моральное состояние удовлетворительное, вагоны без печей, мерзнут. Новосибирску дали задание приготовить печные приборы. Горячая пища один раз в сутки и нерегулярно, есть жалобы. В эшелоне № 51021 гриппом, ангиной, малярией больных 24 человека. Подробности почтой» (Ф. 1120. Оп. 1. Д. 12. Л. 103).

Материалы на бежавших из мест поселения раскулаченных крестьян, о заключении их в дома лишения свободы содержит фонд Омского окружного исправительно-трудового дома (№ 995).

Из 103 личных дел состоит фонд Тарской спецкомендатуры – на небольшое количество лиц, проживающих в трудпоселках под ее наблюдением.

Фонды институтов (педагогического, СибАДИ) также содержат документы 30-х годов, характеризующие политическую неблагонадежность студентов. В институты приходил «компромат» на студентов и преподавателей. «Доброжелатели» в своих письмах периодически ставили перед их руководством вопрос об исключении то «поповского сынка», то «ярого контрреволюционера». Проходили в институтах и общественные товарищеские суды. Так, в фонде СибАДИ имеются материалы о проведении 26 февраля 1933 г. суда, на котором семь студентов были обвинены в «антиобщественности». Кроме обычного набора обвинений студентам ставилось в вину «расхождение с Лениным в вопросе вооруженного восстания, защита правой теории Бухарина». Там же имеются списки исключенных из ВКП(б). Основные причины исключения: «классово-чуждый, сокрытие участия близких родственников в Ишимском восстании 1921 г., за связь с контрреволюционерами».

Период «большого» террора отражен в фондах областного суда (№ 1126, 12,5 тыс. дел, 1926-1942 гг.), прокуратуры Нижне-Иртышского бассейна (№ 14250) и ряда других менее объемных фондов. В них наибольшую часть составляют дела политической направленности: контрреволюционная агитация, пропаганда и т. д. Одно из них – дело на Кульчицкого Александра Дмитриевича – работника Омской пристани. Он был арестован с обвинением «систематически ведет среди работников водного транспорта контрреволюционную агитацию провокационного характера. Распространяет клевету на руководителей советского правительства и партии». Через 2 месяца после ареста был вынесен приговор: «Подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией личного принадлежащего ему имущества».

Среди других хранится дело на Ловягина Сергея Ефимовича – зав. магазином № 35 в г. Омске, 1893 года рождения (Ф. 1126. Оп. 1. Д. 2077). Его обвинили в 1924 г. в клевете на действительное положение в стране, восхвалении жизни при старом строе, высказывании пораженческих настроений по отношению к войне СССР с Германией. В протоколах допроса свидетелей записано, за какие слова его подвергли аресту: «...бойцов кормят плохо... Что за порядки... за 5 минут опоздания дают 10 лет лишения свободы, кто это постановил такие порядки». У него на квартире прошел обыск, составили опись вещей и ценностей на конфискацию: патефон с пластинками, железная кровать, ручная швейная машинка, 5 штук

кожи – хром, облигации на 250 рублей, 2 пары чулок, рубашка мужская, отрезы материала, женская блузка и т.д. Подшито в дело и заявление его жены: «Прошу оставить вещи, которые попали в опись. Я не считаю себя его женою за подлые дела». Ловягин С.Е. был осужден на 10 лет.

Заключением прокурора области от 29 ноября 1991 г. был реабилитирован.

В 1934 г. к расстрелу был приговорен житель Адамовского сельсовета Большеуковского района Ф.В. Шермахер, к различным срокам заключения – еще 13 человек этого же сельсовета немецкой национальности. Их обвинили в связи с Германией, получении от нее помощи, в том, что «прикрывались религиозной деятельностью», развернули работу против советской власти. Затем расстрел у руководителя этой группы заменили 10 годами лишения свободы (Ф. 1126. Оп. 2. Д. 68).

Старшего бухгалтера колхоза «Лесная поляна» Черлакского района Я.П. Алексеенко приговорили к 8 годам как «представителя контрреволюционной политической партии, ставящей задачу вооруженной борьбы против советской власти» (Ф. 1126. Оп. 2. Д. 414), за его разговоры, что «по первому зову их партии будет с оружием в руках выступать против СССР, что у него имеется много оружия и даже бомбы».

И тут же – к 10 годам приговорили задержанного за убийство семьи остяков (3 чел.) в Вагайском районе Омской области.

2796 дел составляют фонд Омского областного военного трибунала на лиц, осужденных по указу от 26 декабря 1941 г., запрещавшему рабочим самовольно увольняться с предприятия (№ 1548).

Документов, связанных с политическими репрессиями в 50-е годы, практически нет – кроме фонда строительного-монтажного треста № 6 (ранее Управление строительства и исправительно-трудовых лагерей по строительству нефтеперерабатывающего завода) и ТЭЦ № 3 – «Омкстрой МВД СССР». Он содержит сведения об использовании труда политзаключенных, а среди них был, например, Лев Гумилев, при возведении нефтезавода, переводе из Кузнецка Камышевлагеря политзаключенных, об организации их обучения строительным профессиям, их замене прибывающими по путевкам комсомола молодыми и профессиональными строителями.

Это лишь общая характеристика тех документов политических репрессий, которые хранит Государственный архив Омской области. Хранит, чтобы об этом времени не забыли будущие поколения россиян, которые будут жить в свободной России, не зная страха за сказанное слово.

Массовый и необратимый характер

(Обзор фондов архивного отдела УФСБ по Омской области)

В архивном отделе УФСБ РФ по Омской области хранятся архивные уголовные дела на жителей Омска и области, военнослужащих – уроженцев Омской области, осужденных судебными и внесудебными органами исполнительной власти и военными трибуналами.

Особенность этих дел заключается в том, что, как правило, проходящие по ним лица обвинялись по статьям УК РСФСР, отнесенным к государственным преступлениям. Самый большой объем занимают дела по «политической» ст. 58 УК РСФСР.

Первые документальные материалы, положившие начало образованию фондов, относятся ко времени установления советской власти на территории Омской области (1919-1921 гг.), история дальнейшего их формирования охватывает весь социалистический период нашего Отечества.

Однако большая часть дел приходится на периоды усиления политических репрессий.

1919-1921 гг. – уголовное преследование бывших чиновников царского и буржуазных правительств, участников белого движения, омского казачества.

1937-1939 гг. – политические репрессии в отношении Омской интеллигенции и духовенства, ранее раскулаченного зажиточного крестьянства, представителей различных национальностей – жителей области.

1941-1946 гг. – ужесточение внутренней политики государства в связи с Великой Отечественной войной.

Отдельным фондом в массиве уголовных дел хранятся дела, прекращенные в связи со смертью подсудимых, с истечением срока розыска обвиняемых, по признанию незначительности совершенного преступления, а также дела, производство по которым прекращено в связи с отсутствием состава, события преступления – реабилитирующими статьями УК РСФСР.

Первый этап реабилитации, как исправления перегибов «бесовщины», относится к 1939 г. Как правило, рассмотрению подвергались дела на лиц, находящихся в тот момент под следствием.

Второй этап начался в 1954 г. с развенчания культа личности Сталина и восстановления норм социалистической законности в судопроизводстве. Тогда пересмотру подвергались дела на лиц, отбывавших заключение. Однако в основном уголовные дела пересматривались лишь при поступлении соответствующего заявления.

Эта кампания не получила своего логического завершения: хотя некоторые дела пересматривались в 70-е годы, уже в начале 60-х годов наметился ее спад; родственникам реабилитированных сообщались лишь в устной форме и зачастую недостоверные сведения об их судьбе и месте смерти.

На третьем, современном этапе реабилитации (1989 г. – по н. в.) пересмотру судебными органами и прокуратурой подлежат все архивные уголовные дела на граждан, осужденных по 58 статье, в том числе дела, прекращенные ранее по нереабилитирующим основаниям.

В настоящий момент фонд прекращенных архивных уголовных дел составляет 15 130 единиц хранения.

В фонде непрекращенных уголовных дел, насчитывающем 1275 единиц хранения, находятся дела на лиц, которым за обоснованностью обвинения в реабилитации отказано, либо 58 статья была переклассифицирована на общеуголовную статью, а также на лиц, реабилитированных частично в связи с наличием в их обвинении общеуголовных статей УК.

Сотрудниками архива ведется поисковая работа по заявлениям граждан, запросам учреждений и общественных организаций, связанная с реабилитацией, признанием граждан, пострадавших от политических репрессий, установлением судеб необоснованно репрессированных, подтверждением фактов утраты имущества в период репрессий и т. д.

В соответствии с законодательными актами России родственники реабилитированных имеют возможность лично ознакомиться с материалами уголовных дел.

К материалам фонда получили доступ представители научных и творческих организаций, ведется их всестороннее исследование, готовятся научные труды, публикуются в периодической печати очерки и статьи, издаются книги.

Работа по реабилитации необоснованно пострадавших жертв политических репрессий, по восстановлению исторической правды в наше время получила действительно массовый и необратимый характер.

ЗА ЧТО ТЫ ПОЛЕГЛА, КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ?

Особенности возвращения избирательных прав «лишенцам» в 1920-е гг.

Массовый виток политических репрессий начался не сразу, его пик пришелся на 1937 год. Естественно, предпосылки стали складываться намного раньше, начиная с середины 1920-х гг., когда стала постепенно формироваться система сталинизма. Затем последовали такие известные события, как «шахтинское дело», 1928 г., «процесс промпартии», 1930 г., «академическое дело», проходившее за закрытыми дверями в 1929-1931 гг., процесс «союзного бюро меньшевиков», 1931 г.

Но следует обратить внимание на то, какие события стали предтечей массовых репрессий. В качестве примера может послужить лишение избирательных прав граждан, показавшихся властям неблагонадежными. Даже сейчас, несмотря на разрешенный доступ к ранее засекреченным архивным делам, не всегда можно найти документы, касающиеся судеб репрессированных родственников. Поэтому первые шаги в поисках сведений зачастую приходится начинать с исследования дел «лишенцев». Если обратить внимание на них, можно увидеть, что в те годы лишение избирательных прав еще не означало коренного изменения жизненного пути человека. Граждане постоянно подавали заявления на обжалование решений суда. Документы о лишении избирательных прав отложились в фондах Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (РИКов) в связи с тем, что в 30-е гг. исполкомы осуществляли контроль за организацией и соблюдением избирательных прав граждан. Существовали избирательные комиссии различных уровней: сельские, районные, городские.

В середине 20-х гг. репрессии еще не носили массового характера. В то же время власти шли навстречу, восстанавливая граждан в избирательных правах, чтобы не настраивать против себя население. Количество жалоб, ходатайств о восстановлении избирательных прав было велико. Первую значительную группу «лишенцев» дала конституция 1924 г. Избирательных прав лишались следующие категории граждан:

- лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления имущества и т. п.;

-
- частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
 - монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков;
 - служащие и агенты бывшей полиции и охранных отделений.

В качестве примера приведем два дела, находящиеся на хранении в Государственном архиве Омской области, касающиеся лишения избирательных прав. Это дела на Жигалова Михаила Ивановича, лишённого избирательных прав в 1926 г., восстановленного в 1927 г., и Бухаткина Бориса Павловича, лишённого в 1928 г. и восстановленного только после принятия конституции 1936 г., благодаря которой были сняты все ограничения, выборы стали всеобщими, и все «лишенцы» были восстановлены в избирательных правах.

Жигалов Михаил Иванович на тот момент являлся счетоводом омского кожзавода № 1 и был лишен избирательных прав по причине службы в белой армии в годы Гражданской войны. Следует рассмотреть подробно факты его биографии, чтобы понять причины, по которым советская власть прощала гражданам их прежние «прегрешения». Приведем заявление Жигалова М. И. от 1 февраля 1927 г.:

«Прошу Избирательную комиссию восстановить меня в правах гражданства и избирательного права, при этом учитывая, что я происхожу из бедной крестьянкой семьи, с 8-летнего возраста находился в работниках (батраках). По призыву на действующую военную службу в 1905 г. был назначен писарем и по окончании военной службы выдержал испытание на классную должность в военное время. Во время русско-германской войны произведен в чиновники военного времени, в виду этого был во время колчаковщины мобилизован».

Далее Жигалов М. И. сообщает о прохождении службы в Красной армии с 1919 по 1923 гг., указывая и то, что в данный момент в должности командира взвода находится его сын.

Интересен и его ответ на вопрос анкеты о пребывании в белых или иностранных армиях, а также антисоветских партизанских отрядах:

«В армии Колчака на должности казначея в чине чиновника военного времени с 3 сентября 1918 по 23 декабря 1919 г. Снят с особого учета по бывшим белым в 1925 г.».

Видимо, учитывая послужной список Жигалова М. И., его биографию, а особое внимание в первое десятилетие советской власти уделялось социальному происхождению состава армии, было принято решение восстановить его в избирательных правах, о чем свидетельствует данное постановление:

«Горисполком сообщает, что ходатайство Ваше о восстановлении в избирательных правах рассмотрено и постановлением Пленума Горисполкома от 02.03.27 г. протокол № 3 п. 6 Вы восстановлены в избирательных правах и исключены из списков лишенных по городу Ново-Омску».

Далее рассмотрим пример Бухаткина Бориса Павловича, бывшего белого офицера, работающего на момент лишения избирательных прав в Омске сапожником. Он так и не был восстановлен в избирательных правах, несмотря на то, что его судьба мало отличалась от рассмотренного выше случая. Но в армии Колчака он значился офицером, что и предопределило его дальнейшую жизнь, несмотря на то, что в прилагаемой к делу автобиографии он указывает на то, что на службе находился совсем недолго.

«В 1916 г. был призван на военную службу и назначен в 25-й Сибирский стрелковый полк в Томске. В 1917 г. командирован в Омскую школу прапорщиков и окончил последнюю 7 июня 1917 г. Назначен младшим офицером в 38-й Сибирский стрелковый полк в Томск, где и служил до мобилизации в 1918 г. Мобилизован в армии Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г., но из-за расстройства нервной системы оставался в резерве. Затем переведен в первую клинику, где и оставался до октября 1919 г. В ноябре 1919 г. переведен в Омск. После отступления отправлен в Новосибирск, где и остался до прихода советской власти. Здесь был арестован и направлен в Омск, затем в Москву, а оттуда в Архангельск, в лагерь принудительных работ».

Вскоре Бухаткин Б. П. освобожден из лагеря, но, видимо, пребывание в армии Колчака в качестве офицера, пусть и в резерве, делало его подозрительным для новой власти. Сложно судить о том, удалось ли ему предоставить убедительные доказательства нахождения в больнице. Новая власть посчитала, что бывший колчаковский офицер, прошедший через лагерь и не принимавший участия в общественной работе, вряд ли заслуживает доверия. О чем свидетельствует и отказ в восстановлении прав от 10 марта 1929 г.:

«В ходатайстве гражданина Бухаткина Бориса Павловича, лишённого права голоса, как бывшего белого офицера, отказать, как не служившего в Красной армии и ничем не проявившего себя по отношению к советской власти и не занимающегося в данное время общественно-полезным трудом».

Таким образом, можно увидеть, что в 1920-е гг. случаи нарушения прав граждан еще не приобрели жестоких черт, характерных для

середины 30-х гг. Люди, находившиеся в стане белых на второстепенных должностях, тем не менее, должны были заслужить прощение, показывая своими делами лояльность к власти. Заявления от «лишенцев», которые после окончания Гражданской войны оставались в стороне от общественной жизни, подлежали, как правило, отказу. В случае грамотно изложенной биографии, подкрепленной документами и коллективными подписями в поддержку заявителя, можно было добиться восстановления прав, тем более, учитывая нехватку грамотных специалистов в то время, что можно проследить на примере представленных дел.

№ 69
Приказ ОГПУ о мероприятиях
по ликвидации кулачества как класса

2 февраля 1930 г.

№ 44/21

г. Москва

В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь, в районах сплошной коллективизации – в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезные, сложные и ответственные задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ.

От наших органов больше, чем когда-либо, потребуются исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий.

Поставленные задачи будут успешно осуществлены только при условии безусловной поддержки их основной батрацко-бедняцкой и середняцкой массой; только тогда, когда задачи эти будут органически связаны с процессом массовой коллективизации. Поддержка батрацко-бедняцких и середняцких масс будет наиболее полной при условии строгой классовой выдержанности наших мероприятий.

Удару должны подвергнуться исключительно кулаки. Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество.

Мероприятия органов ОГПУ должны развернуться по двум основным линиям:

1. Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (первая категория).

2. Массовое выселение (в первую очередь, из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которого формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (вторая категория).

Для наиболее быстрого и безболезненного проведения кампании по выселению кулаков и их семейств в первую очередь необходимо, чтобы наши органы решительно и немедленно ликвидировали все действующие контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские кадры и, особенно, созданные ими и оформленные контрреволюционные организации, группировки и банды.

Ликвидация таких контрреволюционных образований и отдельных, наиболее активных лиц уже начата по всем основным районам Союза, согласно телеграфным директивам ОГПУ.

Операция эта должна быть в основном закончена к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. Решительные оперативные действия в отношении таких контрреволюционных элементов и особенно проявлений организованной контрреволюции и бандактивности, естественно, должны проводиться и в период кампании по выселениям и после нее.

В первую очередь удар должен быть нанесен по активным действующим кулацким элементам первой категории:

1) Кулаки – наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социальной реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки – активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организованного порядка.

3) Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки – наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

По отдельным районам СССР намечено для изъятия при операции следующее количество указанных ниже активных кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов (первая категория):

Украина – 15 тыс.

Северный Кавказ и Дагестан – 6–8 тыс.

Средняя Волга – 3–4 тыс.

ЦЧО – 3–5 тыс.

Нижняя Волга – 4–6 тыс.

Белоруссия – 4–5 тыс.

Урал – 4–5 тыс.

Сибирь – 5–6 тыс.

Казахстан – 5–6 тыс.

Арестованные по этой категории концентрируются в окр- и облделах ОГПУ. Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря; в отношении наиболее злостного и махрового актива контрреволюционных организаций и группировок и одиночек должны применяться решительные меры наказания вплоть до высшей меры наказания.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть выселены в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных, и степени социальной опасности этих семейств.

Имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков.

Кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся, в первую очередь, в следующих районах СССР:

УССР – выселяется 30–35 тыс. семейств.

Северный Кавказ и Дагестан – выселяется 20 тыс. семейств.

Средне-Волжский край – выселяется 8–10 тыс. семейств.

ЦЧО – выселяется 10–15 тыс. семейств.

Нижне-Волжский край – выселяется 10–12 тыс. семейств.

Белоруссия – выселяется 6–7 тыс. семейств.

Сибирь – выселяется 25 тыс. семейств.

Урал – – « – 10–15 тыс. семейств.

Казахстан – – « – 10–15 тыс. семейств.

В отношении остальных областей и республик соответствующие расчеты будут произведены в ближайшее время, по согласованию с ПП ОГПУ.

Места отправления и количество могут быть изменены в зависимости от условий.

Места поселения для выселяемых кулаков и их семейств и семейств изъятых кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива ориентировочно таковы:

- а) из СКК – 23 тыс. на Урал; 5 тыс. в Казахстан;
- б) из УССР – 50 тыс. в Северный край,
из ЦЧО – 20 тыс. в Северный край;
- в) из НВК – 18 тыс. в Сибирь,
из СВК – 14 тыс. в Сибирь,
из БССР – 12 тыс. в Сибирь.

Ориентировочные сроки начала операции по выселению таковы:

По СКК, СВК, НВК – 10 февраля 1930 г.;

по УССР, ЦЧО – 15 февраля 1930 г.;

по БССР – 1 марта 1930 г.

Сроки начала отправки выселяемых со сборных пунктов эшелонами таковы:

По СКК, СВК, НВК – 15 февраля 1930 г.;

по УССР, ЦЧО – 20 февраля 1930 г.;

по БССР – 1 марта 1930 г.

Для выполнения всех указанных задач, приказываю:

1. В кратчайший срок закончить ликвидацию всех действующих контрреволюционных организаций, группировок и активных контрреволюционных одиночек. Ликвидировать действующие банды. Обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам и срочное рассмотрение дел во внесудебном порядке – в тройках ПП ОГПУ. Без малейшего промедления ликвидировать все возникающие дела поданных категорий в период кампании по выселению кулаков.

2. Для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория), немедленно создать в ПП ОГПУ тройки с представителями от крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Состав тройки выслать на утверждение коллегии ОГПУ.

3. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков и их семейств (вторая категория) во всей ее совокупности, для концентрации всех материалов по операции и для организации постоянной связи с центром и периферией – распоряжением ПП организовать оперативные тройки.

Для той же работы в округах (областях) и окротделах ОГПУ создать оперативные тройки во главе с начальником отдела ОГПУ.

В районах для непосредственного участия в операции создать районные оперативные группы.

Для приема, учета, бесперебойной отправки выселяемых создать сборные пункты во главе с комендантом. При пунктах организовать агентурно-следственные группы. Комендантам сборных пунктов непосредственно связаться с ячейками органов ТО ОГПУ на местах, ведающими составлением и отправкой эшелонов.

4. При ПП ОГПУ, на случай возможных осложнений, обеспечить чекистско-военный резерв. В распоряжение окротделов ОГПУ, особенно в районах наиболее угрожаемых (в смысле возможных осложнений), – организовать маневренные группы из частей ОГПУ.

Части Красной армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с краевыми организациями и РВС – ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей войск ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной армии.

5. ПП ОГПУ – УССР, СКК, НВК, СВК, ЦЧО, БВО – представить не позднее 7 февраля на утверждение окончательно и подробно разработанные планы операции, руководствуясь данными указаниями.

Остальным ПП ОГПУ представить план к 20 февраля с. г.

Для окончательного уточнения расположения сборных пунктов и количества подлежащих выселению через эти пункты ПП ОГПУ: УССР, СКК, НВК, СВК, ЦЧО – представить не позднее 10 часов 4 февраля с. г. точные, согласованные с краевыми организациями, данные. ПП ОГПУ БВО эти данные представить к 10 февраля с. г.

6. Обеспечить (особенно в районах и округах) тщательное наблюдение за составлением списков кулаков и их семейств (для выселения и конфискации имущества), а также за самой кампанией по выселению. Принимать через рай- и окрисполкомы соответствующие меры по линии сигнализации и устранения замеченных дефектов, перегибов и т. п. Следить за точным исполнением сроков операции и размеров ее в соответствии с имеющимися директивами.

7. ТО ОГПУ организовать бесперебойную перевозку выселяемых в эшелонах; срочно разработать инструкцию о порядке следования и охране эшелонов.

При отправке выселяемых им разрешается брать с собой имущество и продовольствие в пределах нормы. Обязать выселяемые

кулацкие семьи, в части средств производства, брать с собой топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности, хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не больше 25–30 пуд. на семью. При посадке топоры, пилы, лопаты (и другие средства производства) отбираются и грузятся в отдельные вагоны тех же эшелонов. Тара должна быть мягкая.

Органам ТО ОГПУ обеспечить бесперебойное снабжение выселяемых кипятком на всем пути следования эшелона, а также обслуживанием и медицинской помощью по линии НКПС. ТО ОГПУ организовать питательные пункты на станциях, (не предназначенные для войсковых частей) с подачей горячей пищи не реже раза в двое суток. Дислокацию питательных пунктов и время прохождения эшелонов своевременно сообщить соответствующим ПП.

8. Принять меры к окончательной разгрузке мест заключения к началу массовой кампании по выселению.

9. ПП ОГПУ Северного края, Урала, Сибири и Казахстана в кратчайший срок закончить организацию приема и расселения выселяемых, а также представить свои соображения о порядке управления выселяемыми.

10. Всемерно усилить информационную и агентурную работу на протяжении всего периода указанных мероприятий, обеспечивающую глубокое и всестороннее освещение районов.

Обеспечить особую бдительность в деле своевременного выявления всех готовящихся активных контрреволюционных выступлений и активных действий банд контрреволюционных организаций, с целью предупреждения таких выступлений, а в случае их возникновения – немедленной и решительной ликвидации.

ТО ОГПУ усилить информационно-агентурную работу по линии железных дорог. Особым отделам – в армии, особенно в территориальных формированиях и тех частях, которые могут быть привлечены к операции.

На время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить 100% просмотр писем, идущих в Красную армию, а также усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы. Усиление аппаратов политконтроля провести за счет мобилизуемого чекистского запаса.

11. ПП ОГПУ, на территории которых не будет проводиться сейчас выселение кулаков, обеспечить информационно-агентурную работу со специальной задачей наиболее полного выявления отражений проводящихся выселений.

12. Всемерно усилить охрану границ.

Усилить охрану всех важнейших госсооружений и предприятий. Особое внимание обратить на элеваторы.

Усилить охрану и агентурное обслуживание всех тех пунктов, где хранится оружие, артиллерийское имущество и т. п.

13. Всемерно усилить работу наших органов в городе, для полного выявления настроений городских прослоек, их связей с деревней и ликвидации проявлений организованной контрреволюционной активности.

14. Добиться всемерного усиления борьбы с уголовным бандитизмом и уголовщиной вообще по линии УГРО.

15. Установить четкую и бесперебойную связь всех ПП ОГПУ с центром. Связь эта должна полно и повседневно отражать ход операции. В деле связи руководствоваться изданными инструкциями.

Установить тесную связь между территориально граничащими ПП ОГПУ для полной согласованности действий.

16. Принять все меры к полному уяснению всем составом наших органов исключительной серьезности и ответственности задач, возложенных на органы ОГПУ. Особенно заострять внимание на строжайшей классовой линии всех мероприятий. Уяснить наряду с этим, что выполнение всех важнейших линий текущей работы наших органов ни в коей степени не должно ослабляться в период кампании по выселению.

Копии всех приказов и принципиальных директив, изданных ПП по периферии, в связи с кампанией по выселениям, выслать в ОГПУ.

Ориентировочные инструкции об организационной структуре операции, о работе сборных пунктов и агентурно-следственных групп в этих пунктах, а также инструкции по линии ТО ОГПУ прилагаются.

*Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода
(ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17–25. Копия)*

О массовом выселении крестьян на север Сибири в 1930 году

Кампания по лишению кулаков избирательных прав была тесно связана с процессом сплошной коллективизации. 1 февраля 1930 года Сибирский Крайисполком принял постановление о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В результате к «кулакам» были отнесены практически все зажиточные крестьяне, в том числе использовавшие батраков, а также и те, кто не желал вступать в колхоз. Все они были лишены прав избирать и быть избранными, а часть крестьян целыми семьями

была выслана в северные районы области. В сельских районах в категорию лишенных избирательных прав попали граждане, отнесенные к разряду «кулаков».

Первоначально решения о лишении избирательных прав выносились на общих собраниях граждан, собраниях бедноты, затем списки «лишенцев» рассматривались исполкомами сельсоветов, сельскими избиркомами, пленумами райисполкома, райизбиркомом.

Инструкция о выборах, принятая ВЦИК 4 ноября 1926 года, вводила еще более жесткие ограничения в избирательных правах, количество граждан, лишенных избирательных прав, значительно увеличилось. Нередко субъективный подход, перегибы в отнесении граждан к категориям «лишенных права голоса» привели к большому количеству жалоб, ходатайств о восстановлении в избирательных правах.

В 1929 году для пересмотра списков лиц, лишенных избирательных прав, и рассмотрения жалоб и ходатайств о восстановлении в правах были образованы специальные комиссии при ВЦИК, окрисполкомах, крайисполкомах, облисполкомах.

После принятия новой Конституции СССР Постановлением Президиума ВЦИК № 38 от 19 декабря 1936 года деятельность комиссии по рассмотрению жалоб и ходатайств лиц, лишенных избирательных прав, была прекращена. Рассмотрение ходатайств о восстановлении в избирательных правах было вновь отнесено к компетенции исполнительных органов власти.

Рассекреченные в 1990-х годах архивы содержат множество новых документальных материалов. А от реального свидетеля, то есть подлинного архивного документа, уже не отмахнуться. Небольшую часть из этих документов представляем с краткими пояснениями и комментариями.

О том, как выселяли крестьян из родных мест — из деревень Центральной России, Украины, Кубани, запада и юга Сибири — в непригодные для жизни северные края, в каких условиях их везли, кто оплачивал то вынужденное мучительное «путешествие», — свидетельствуют сухие протокольные строки решений, постановлений, донесений, исходивших из недр высоких властных органов.

*Из постановления Сибкрайисполкома от 19 февраля 1930 г.:
«О подготовке к переселению кулацких хозяйств
в отдаленные необжитые районы. Строго секретно.*

Предупредить все выселяемые хозяйства, что никакого государственного снабжения их не будет производиться ни в пути следования, ни на местах поселения... Питание будет производиться за счет переселяемых семейств в расчете на пребывание в пути следования до 2 месяцев. Выселяемые кулацкие хозяйства должны уплачивать по 25 рублей на расходы по выселению».

*Из записки полномочного представителя ОГПУ по Сибири,
переданной по прямому проводу в Москву 21 февраля 1930 г.:
«У экспроприруемых отбирают полностью все имущество, вплоть
до белья, ложек, снимая последние пимы, шапки»...*

По Омскому району: отбирались сухари, мыло, сало, полотенца, подушки, валенки, подошвы, гармошки, портянки, детские рубашки, иконы, приготовленное в дорогу мясо, деньги — до копейки.

В Татьяновском сельсовете Борисовского района активисты Чуриков Захар, Ранец Григорий, Попович Петр при отчуждении имущества растащили и разделили между собой мануфактуру, мясо... При дележке дело дошло до драки. Чуриков забрал масло и сало, спрятал за пазухой. А когда пришел в сельсовет, масло растаяло и потекло...

Иконниковский район, Ельновский сельсовет. Кулака Харитоненко раздели прямо в сельсовете, сняли брюки и френч.

Ирбейский район, деревня Подъянда. Председатель сельсовета Мозгалевский при входе в дом к кулаку прежде всего брался за одежду и за ящики, которые стояли в квартире. Он и с ним активисты забирали все, оставляя членам семьи только то, что было на них. Где попадалось варенье, сметана, масло, часть съедали на месте, остальное забирали с собой. Мозгалевский пришел в сельсовет, а у него все лицо было выпачкано вареньем... Кроме того, им было взято пальто, брюки и другие вещи для личных надобностей.

Масляницкий район, село Гусельниково. Выселили, отобрав все имущество, семью крестьянина Дмитрия Гусельникова, который в 1928 году получил кредит из бедняцкого фонда для восстановления хозяйства, 20 рублей на три года, и за два года сумел поднять свое хозяйство до уровня середняцкого.

В Исилькульском районе, в селах Кольцовка, Плотниковка, Беженка снимали с веревки сырое белье и уносили... Отнимали

деньги и тут же пропивали. Забирали детскую одежду, и дети в дороге замерзали насмерть.

Колыванский район, поселок Тропинино. У кулака Чернигина сельсоветские отобрали сапоги, 3 пары подошв, 2 пары стелек, говоря: «Походил в сапогах, теперь поезжай в тайгу, привыкай там ходить босиком. Вас, кулаков, должен обогреть Бог духом своим».

Жену кулака Ковригина с 5 малыми детьми посадили полураздетых в сани, и они по дороге обморозились.

В Завьяловском районе красноармейку Шарову раздели, насильно стянули пальто. Ребенка тоже раздели, выкинули на снег.

В деревне Шуточкино помощник начальника районного административного отдела Малахов и старший милиционер Кучин в доме колхозника-бедняка Шуточкина Герасима вымазали икону медом и соплями и посыпали мукой... Потом стали выдергивать паклю, чтобы дом побольше продувался.

До чего ж изобретательной была наша советская власть! Сама грабила и тут же требовала с ограбленных содержать себя и платить за дорогу к смерти. Какая-то разбойничья логика! Совсем как в том анекдоте времен застоя: на профсобрании объявили, что завтра всех будут вешать, явка обязательна. «Вопросы есть?» – «Есть! – раздается из зала. — Веревку с собой приносить?» Приносить! Так это было — не в смешном анекдоте, а в страшной реальности тридцатых годов.

В донесении из Томского округа секретарю Сибирского крайкома партии Р. Эйхе от 23 февраля 1930 г. с грифом «Сов. секретно» сообщалось:

«В Нарым заброшены кулацкие семейства без домашних вещей, без запасов продовольствия... Люди совершенно раздетые, всю одежду у них отобрали».

*Из постановления коллегии Наркомзема
от 1 апреля 1930 г. Строго секретно:*

«Поселки должны находиться... возможно далеко от расположения железных дорог, шоссейных и водных путей».

«При отводе сельхозугодий для поселков с кулацкими хозяйствами необходимо учесть, что земли должны быть худшего качества».

*Из протоколов заседания комиссии по хозяйственному устройству
кулаков на севере. 19 августа 1930 г. Сов. секретно:*

«Комиссия по обследованию Кулайской комендатуры докладывает: кулаки расселены по реке Ягыл-Яг, за болотами. От последнего населенного пункта Тарского района – это хутор Каун – 70 с лишним километров.

На устье реки Пулцис – 22 поселка. Построены на весьма низком месте. В момент весеннего паводка заливаются водой. Избушки построены без крыш – кое-как заброшены березовой корой. Окна без стекол...

Почва здесь почти не оттаивает, самое большее – на 1 метр глубины. В июле днем температура около нуля градусов. Земля покрыта мхом и бесплодна. Нужны огромные капиталовложения для ее освоения».

*Из докладной записки информотдела ОГПУ Сибкрая
председателю крайисполкома Клименко.
25 апреля 1930 г. Сов. секретно:*

«Ни на одну базу вселения не заброшены семена, очень затруднительна заброска продовольствия... Выселенные в большинстве случаев ютятся в землянках или балаганах, расположенных под открытым небом. Среди поселяемых много больных... Заболели еще в пути следования. Запас медикаментов незначителен. Медперсонала очень мало... Заболеваемость составляет более 80% населения: желтуха, опухоли, дизентерия, истощение. Вместо чая заваривают перегнившие шишки. К муке добавляют древесные суррогаты, траву. Лошадей пало до 80%. Люди еле ползают — распухшие и пожелтевшие. Дальнейшее пребывание кулаков на расселенном в данный момент месте невозможно».

Каким же было решение вышестоящей инстанции по этому обращению Кулайской комендатуры (да и многих других комендатур)?

*Из постановления Сибкрайисполкома
22 октября 1930 г. Сов. секретно:*

«Кулаков с расселенного в данный момент места не выселять».

Тем самым был фактически подписан смертный приговор тысячам людей, в том числе из поселков по рекам Пулцис и Ягыл-Яг.

Правда, Сибкрайисполком обсудил докладные комендатур и констатировал отсутствие повсюду продовольствия, спецодежды, «неснабжаемость промтоварами», а также то, что женщины приносят в комендатуры младенцев и говорят со слезами: «Дайте им еду или мы их сами поубиваем!»

Однако из Центра не поступало приказа что-то менять в положении высланных. А собственная инициатива была наказуема! А что виделось в перспективе?

Из протоколов обсуждения вопроса «О хозяйственном устройстве переселенных кулаков». 2 июня 1930 г. Сов. секретно:

«Сумеет или не сумеет посеять? Скот чрезвычайно заморен. Часть лошадей непригодна для работы. В наличности лишь 15-20% хлеба, который необходим для семейств кулаков, обитающих там...

Мы имеем в Омске, Чаинске и даже в Томске эпидемии сыпняка. Большая вшивость, потому что никакой медико-санитарной работы среди этих групп не проводилось, не было достаточного количества бань. Обнаружена трахома... Немало случаев смерти от голода. Нет средств для организации медобслуживания.

Основная масса поселенцев обречена на голод в ближайшем будущем. Люди пытаются бежать. Стараются оформить разводы, чтобы женщины с детьми могли отсюда уйти в обжитые районы и там, в деревнях, если повезет, выйти замуж и спасти детей от голода... Мужчины сбиваются в банды для нападений из тайги».

А из Москвы все шли строго секретные указания.

Из Постановления СНК РСФСР 18 августа 1930 г.:

«Максимально использовать раб. силу спецпоселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных районах... В сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах».

Строго секретно предписывались и условия оплаты труда выселенных крестьян:

«Установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата их труда должна быть на 20-25% ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими. Законы о соц. страховании на них не распространяются».

Люди обрекались на бесправный, рабский, каторжный труд. Между тем Сибкрайисполком не раз обращался в Москву, в Наркомторг с просьбой выделить «хлебные фонды для снабжения кулацких семей». Ведь все — до фунта хлеба, до зернышка — распределялось только из Центра. Без разрешения «с самого верха» человек и корочку хлеба не мог съесть...

Каков же был ответ на эти ходатайства? Он пришел через два месяца — от Центросоюза РСФСР:

«Вследствие напряженности хлебных ресурсов контингент хлеба, выделенный для снабжения переселяемых кулацких хозяйств... согласно распоряжению НКторга РСФСР уменьшается с 3056 тонн до 1461 тонны муки... Для спецпереселенцев ввести «нормы снабжения».

Каковы же были те нормы?

Из циркулярного письма Наркомторга РСФСР 2 июля 1930 г.:

«Хлеба выдавать в день 300 г, крупы – 20 г, сахару – 6 г. Растительное масло не назначается».

Столь «щедрые» нормы приводили к трагическим результатам. Из донесения коменданта Пудинской распорядительной базы ОГПУ: «Явное болезненное состояние народа с каждым днем увеличивается. Смертность детей на 1600 хозяйств более 200... Прошу о скорейшем командировании в район базы врача, присылке медпрепаратов и проч.».

*Из сообщения Усть-Ягильятского фельдшерского пункта
31 мая 1930 г.:*

«Болезни прогрессируют... Кровавые поносы, сверлящие боли в животе, общее опухание тела... Вздутие животов и перитониты... 75% населения имеют вид тела истощенного, землистого цвета... Грудных детей кормят тоже суррогатами... Мучения и смертность детей огромные... Ни молока нет, ни мяса, ни сахара, никаких жиров и круп. Идет полнейшее вымирание детей».

Очевидно, под градом подобных сообщений из округов и районов Сибирский краевой отдел здравоохранения направил просьбу о помощи кадрами медиков и средствами в Москву.

Из циркулярного письма Наркомздрава:

«Денежные ассигнования Сибкрайздраву на медико-санитарное обслуживание переселенцев в середине текущего бюджетного года резко сокращены, а с начала нового бюджетного года будут прекращены совершенно».

Вряд ли по своей воле Наркомздрав прекращал финансирование. Он лишь получал ту или иную долю средств из госбюджета. А бюджет тоталитарного государства с разоренной дотла деревней и слабой промышленностью, подчинившего все созданию военной мощи, не оставлял надежд на развитие здравоохранения и других отраслей, связанных с нуждами населения. Что уж говорить о положении «классово чуждого элемента». Проще всего было вообще избавиться от такового самым дешевым способом: пусть голод и болезни сделают свое дело...

Хранящиеся в архиве спецсводки ОГПУ не оставляют сомнений: попытки сопротивления были.

Из оперативной сводки ОПТУ на 31 января 1930 г. Сов. секретно:

«Устроенная в с. Горное массовая волынка продолжалась 3 дня. Местные учреждения — сельсовет, потребительское общество, школа прекратили работу... Устроили собрание, в котором участвовали 600 человек, преимущественно женщины. Требовали

возвращения имущества, восстановления всех лишенцев в избирательных правах. Избито три активиста.

В деревне Комарье устроена массовая волынка с требованием «долгой коллективизацию». С помощью разъяснительной работы ликвидирована. Арестовано 13 человек.

В селе Озерки устроена массовая волынка — участвовало 110 человек. Инициаторы арестованы».

*Из информационного письма Бийского Оккрадмтдела
начальнику крайадмтдела Сумину:*

«В 4 часа утра 10 марта в селе Уч-Пристань в помещение РАО явился уполномоченный ОГПУ района Добытин с группой неизвестных лиц. Выстрелом из револьвера убил дежурного старшего милиционера, после чего открыл каталажную камеру, в которой находилось значительное число арестованных кулаков. Добытин их освободил и начал с ними производить аресты членов ВКГП(б) и активистов, забирая оружие — всего около 140 винтовок и много патронов. Арестованный актив, около 80 человек, был заключен в каткамеру (каталажную камеру) РАО. Но вскоре были освобождены и приняли участие в организации боевых отрядов для борьбы с бандой. В банде Добытина было 400 человек — кулаков и других несоветских элементов.

Под натиском наших отрядов бандиты оставили с. Уч-Пристань и пошли по направлению к Ойротской области через с. Коробейниково на Михайловский район, где и находятся. Состав милиции приведен в боевой порядок. Принять меры к охране важнейших пунктов в городе (почта, телеграф, домзак)».

*Из записки ОГПУ, посланной в Москву по прямому проводу
из Сибири 21 февраля 1930 г. Сов. секретно:*

«С 15-го по 20-е февраля ликвидирована одна повстанческая организация из села Усыган Иркутского округа, которая готовилась к вооруженному выступлению 17 февраля и которое было предупреждено ликвидацией...

При аресте 26 человек собралась толпа женщин у сельсовета, поднявшая истерический плач... Толпа была рассеяна... Арестовано дополнительно 31 человек».

Число арестованных, судя по донесению, росло как снежный ком: несколькими строками ниже в «Записке» фигурирует цифра — 311 арестованных. Потом еще — 1054. И — всего за неделю — 6113! Эта огромная для села цифра показывает, что, скорее всего, аресты велись поголовно, чтобы отбить охоту к выступлениям не только в этом селе.

Множество информационных писем ОГПУ «наверх» сплошь было составлено из доносов «доброхотов», не оставлявших без внимания ни единого слова против советской власти, сказанного земляками. Вот, к примеру, донос на Кузьму Якимцева из села Алексеевка Новосибирского района, говорившего: «Что же это за напасть такая на бедных крестьян — везде грабеж, загоняют в коммуны, а не хочешь – вышлют тебя к чертовой матери или осудят».

Беднячка Вера Лаптева из села Шарчино Битковского района: «Черт знает что творится. Кулаков угоняют, середняков разоряют, а бедноту не снабжают хлебом. Как видно, всем придется заживо приготовить себе могилы и подышать от голода».

В поселке Мостовой Гусино-Бродского сельсовета Новосибирского района середняк Родионов Александр на сборном пункте, где отправляли кулаков на высылку, призывал: «Товарищи! Что же мы смотрим, какие они кулаки? Сегодня отправляют их, а завтра отправят нас. Не нужно этого допускать, надо нам их освободить и поставить вопрос так, чтобы их не брали». Большинство собравшихся Родионова не поддержало.

В том, наверное, и заключалась беда, что по разным причинам не поддерживали люди друг друга. Не взялись за руки, чтобы отстоять свое право свободно работать на родной земле, не сумели сплотиться, когда творилось насилие. Одни боялись связываться с властями, которые не знали снисхождения, другие польстились на имущество высылаемого соседа — на его пимы или поросенка, на шапку, банку сметаны... Так или иначе, но не услышали своих здравомыслящих земляков - и проиграли все. И страна на долгие годы погрузилась в нищету и неволю.

Приводим несколько архивных историй людей, лишенных избирательных прав, а затем высланных вместе с семьями, где прослеживаются причины и основания для их выселения.

Заявление Ново-Омскому президиуму и членам избиркома члена Новокурской сельхозартели «Герой труда»

Зеленопольского с/с Ново-Омского района Ф.К. Локотченко

«1 апреля сего года у нас проводились перевыборы правления, перед перевыборами проходила самоочистка колхоза, на которой я был исключен из колхоза и лишен права голоса...»

Прокурору Ново-Омского района заявление.

При перевыборах правления артели «Герой труда» меня исключили из колхоза, а 7 мая провели через пленум с/с, лишили голоса. Бумаги отослали в РИК, но до сего дня результатов нет никаких. Меня

никуда не принимают на работу, не выпускают на работу в з/совхоз, и я два месяца (с 1/IV) без работы, и нечем кормить семью...

Паек муки я получил из артели до 15 мая. А с того времени совсем без хлеба. Семья 4 едока. Выработал в 1931 году 474 трудодня и сейчас голодаю. Обращался в с/совет, с/совет дал правлению артели отношение, чтобы выдавать мне паек до решения моей судьбы из расчета выработанных трудодней. Но правление артели выдать паек категорически отказалось.

Прошу Вас, т. Прокурор, решайте скорей мою судьбу и дайте хлеба кормиться, пока вышлете. Ведь преступников сажают в тюрьму и там кормят же. За что же нас морят? Или дайте работу. Заявляю, что я не кулак.

Локотченко. 4 /VI-32 г. (ГАОО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 52)

*Предписание от 22/ III – 31 г. Н-Ом. РИКа
тов. Горбунову Василию Терентьевичу.*

1) Вы назначаетесь уполномоченным Н-Омским Райисполкомом по сопровождению выселяемых из района кулаков и их семей в Кулаевскую комендатуру Тарского района по маршруту следования: Мельничное, Любино-Малорос, Верблюжье, Саргатская, Больше-реченское, Евгацино, Тара, Петровка, Кулаевская комендатура.

2) Вам в помощь назначаются тов. Сидорко, Злобин, Чалышев, Мельников, Киселев.

3) В с. Мельничное от уполномоченных Райисполкома по выселению кулаков и их семей принять по семейным спискам выселяемых кулаков и по актам натурфонда, следуемых с выселяемыми, в составе которых должно быть:

1) лошадь, 2) скат колес, 3) один комплект сбруи, 4) одни сани, 5) один топор, 6) одна поперечная пила, 7) две косы, 8) один плуг на три хозяйства, 9) одна борона на 4 хозяйства, 10) одна корова на 10 хозяйств.

Продовольствия не менее месячной потребности из расчета не менее 300 г на едока в день (!!!) и фуража на 15 дней из расчета 10 фунтов на лошадь и сена 12-15 фунтов в день.

4) Следовать с обозом выселяемых вы должны не менее 25 км в сутки, через каждые 100 км пути в случае надобности допускать дневки.

5) О движении обоза выселяемых первые 5 дней ежедневно, а в последующем через каждые 3 дня телеграфом доносить в Ново-Сибирский комендантский отдел Крайисполкома о состоянии следуемого обоза.

*Уполномоченный Зап.Сибкрайисполкома (Конопелько)
Пред. Н-Омского РИКа (Шарашин)*

Подписка

г. Ново-Омск 14 мая 1931 г.

«Мне, гр. объявлено, что я из пределов г. Ново-Омска переселяюсь и должен иметь при себе следующее имущество и натуральные фонды: плугов 1, борон 1, телег 1, к/с (?) 2, серпов 2, компл. молоток и бабку 1, топоров 2, лопат 2, кирок-мотыг 1, пил поперечных 1, пил продольных 1, сбруи 1, вилы железные 1, дуг 1.

Продовольствие для семьи:

Муки по 1200 г в сутки на 2 месяца, крупы по 80 кг (?) в сутки на 2 месяца и соли по 60 кг (?) в сутки на 2 месяца.

Фураж иметь при себе: сена 42 пуда, овса 90 кг, отрубей за неимением муки 90 кг. Продовольствие и фураж должны быть в обязательном порядке приготовлены натурой, а при неимении инвентаря обязан за таковой его стоимость в сумме 264 руб. 25 коп. внести деньгами к 15 мая в Горсовет и сдать тут же натуральный фонд фуража и продовольствия.

Подпись: («кулака»)

(Такие подписки есть во многих делах «лишенцев», назначенных к высылке.)

Подписка

Я, нижеподписавшаяся гр-ка, проживающая в с. Троицком того же с/с Ново-Омского р-на Маханова Александра Максимовна, даю настоящую Троицкому с/с в том, что я беру на свое обеспечение одну девочку, принадлежащую кулаку Маханову Евгению, девочку Любовь 2 года, и обязуюсь воспитывать как собственного ребенка до особого распоряжения органов власти, в чем и подписуюсь. 28 февраля 1930 г.

(ГАОО. Ф. 231-Р. Оп. 2. Д. 58. Л. 2)

БЛИНОВ Ульян Иванович: 1889 г. р. Житель пос. Сибирский Сибирского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за «выдачу белым некоторых граждан», полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Александра Акимовна, 1890 г. р., дочь Анна, 1915 г. р., сын Василий, 1918 г. р., сын Михаил, 1919 г. р., дочь Валентина, 1923 г. р., сын Николай, 1927 г. р., сын Анисим, 1929 г. р., теща Прасковья Андреевна Сусоева, 1860 г. р. Высланы в 1930 г. на Васюган: «Получаю доверие от Кулайской ко-

мендатуры, был старшим по производству работ по проведению дороги от базы комендатуры и через Васюганское болото до 2-го Петровского с/с и ныне работаю старшим по производству в кедраче по выработке клепки... имею благодарности». Восстановлен в правах краевой комиссией в августе 1934 г. Возвратился в пос. Сибирский, просил вернуть дом. Отказали. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 126, 127).

БОБЫЛЕВА Анастасия Петровна: 60 л. Жительница с. Кисляки Кисляковского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишена избирательных прав сельхозбиркомом в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники. Вместе с ней лишен избирательных прав сын Евгений Иванович, 21 г. Высланы в 1931 г. «...мне было 10 лет, когда отец умер от тифа в 1920 г., мать осталась одна с 5 детьми», - из заявления сына. Отказ в восстановлении прав: «был участником трактора». Сын с высылки скрылся, жил в Челябинске. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 133).

БОГДАНОВ Николай Лаврентьевич: 1881 г. р. Житель д. Бузан Бузанского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Прасковья Поликарповна, 1882 г. р., дочь Елизавета, 1926 г. р., сын Август, 1929 г. р. Высланы в мае 1931 г. «При вступлении в колхоз зарезал, т.е. растранижил 5 овец, имеются недовольства со стороны колхозников о растраниживании скота» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 135).

ВАХРУШЕВ Дмитрий Васильевич: 33 г. Житель д. Редкое Редковского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1931 г. за участие в Ишимском восстании. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Елизавета Платоновна, 32 г., дочь Александра, 11 л., сын Павел, 8 л. От высылки скрылся. «Удалить из пределов с/с, как кровожадного хищника» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 196).

ВАХРУШЕВ Николай Васильевич: 1874 г. р. Житель д. Редкое Редковского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Екатерина, 1874 г. р., сестра Ефимия, 80 л. Раскулачен и выслан в 1931 г. «Разбазарил злостно хозяйство с целью быть бедняком» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 108).

ГОНЧАРОВ Егор Иванович: 1886 г. р. Житель д. Фомиха Масловско-го с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Анна Нестеровна, 1886 г. р., сын Семен, 1914 г. р., сын Михаил, 1921 г. р., дочь Мария, 1922 г. р., сын Василий, 1929 г. р., отец Иван Михайлович, 1860 (1855) г. р., мать Наталья Павловна, 1862 (1857) г. р. Высланы в 1930 г. в Томский округ. «Старуху выслали зимой, но вернули. Оба движутся могут. Постановили: имея ввиду их, старика и старуху, к/рев. брюзжание, считать необходимым выслать» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. д. 241).

ДУДОЛАДОВ Федор Андреевич: 68 л. Житель д. Редкое Редковского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда, полностью раскулачен: «окулачили, все отобрали и выбросили на произвол судьбы голых и голодных». Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена, 69 л., сын, 27 л., «болен идиотизмом». Высланы в 1930 г. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 309).

КАЛЕЧИН Тимофей Ефимович: 1876 г. р. Житель с. Муравьевка Муравьевского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Улита, 1883 г. р., дочь Матрена, 1918 г. р., дочь Варвара, 1922 г. р. Высланы в 1933 г. «Представляется святым, ездит собирает куски». Восстановлен в правах РИКом в 1934 г. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 433).

КРЮКОВ Анатолий Никифорович. Житель д. Рыбье Покровского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельхозбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена и трое детей. Глава семьи отправлен в ИТД, семья выслана в 1930 г. Из заявления главы семьи: «...жену с 3 детьми отправили в ссылку, но последняя, отъехав от своего села 10 верст, родила сына и, благодаря этой случайности, вернулась в село» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 520, 521).

МАСТЕРСКИХ Павел Михайлович: 1889 г. р. Житель д. Бычки Дурбетовского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Федосья Леоновна, 1889 г. р., сын Василий, 1911 г. р., сын Петр, 1913 г. р., сын Арсений, 1922 г. р., дочь Нина, 1925 г. р., сын Михаил, 1928 г. р. Высланы в 1930 г. в Тарский район, Кулайскую комендатуру. В решении сельсовета о Федосье: «выслать, как мешающую строительству социалистического хозяйства» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 671).

МАЧУЛА Василий Сидорович: 1900 г. р. Житель д. Богодуховка Кочковатского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, а также за агитацию: «Пусть я с голоду помру, но в колхоз не пойду». Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Ефросинья Наумовна, 1901 г. р., дочь Серафима, 1923 г. р., дочь Мария, 1925 г. р., дочь Елизавета, 1926 г. р., дочь Надежда, 1930 г. р., отец Сидор Трофимович, мать Улита Дементьевна, брат Федор. Высланы в мае 1931 г. в Томский округ, Каргасокский район, пос. Неготка. Восстановлен в правах Зап-СибокрИКом в 1933 г. и возвращен на прежнее место жительства (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 676).

МИРОНОВ Анисим Петрович: 1887 г. р. Житель д. Драгунка Драгунского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Арина Яковлевна, 1889 г. р., сын Дмитрий, 1929 г. р., дочь Марина, 1917 г. р., дочь Анастасия, 1925 г. р., дочь Клавдия, 1928 г. р., теща Дарья Денисовна Романова, 1859 г. р. Глава семьи осужден на 1,5 года принудительных работ, семья выслана в 1930 г. в Верхний Васюган. Из протокола сельской тройки по раскулачиванию: «...поймана кулачка Миронова Арина. Последняя была лишена избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. и выслана в Верхний Васюган в 1930 г. ... самовольно возвратилась в д. Драгунку, где и скрывалась...» Высланы вновь в мае 1931 г. в Нарымский край: «...и там им пришлось умереть» – из заявления главы семьи – в ссылке умерли жена, теща и двое детей» (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 686).

МЫЛКИН Владимир Антонович (Андреевич): 1875 г. р. Житель с. Покровка Покровского с/с Называевского р-на Омского округа

Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда, извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники и участие в Ишимском восстании, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Аксинья Павловна, 1875 г. р., сын Андрей, 1904 г. р., сноха Фекла Васильевна, 1905 г. р., дочь Мария, 1914 г. р., сын Василий, 1918 г. р., сын Владимир, 1921 г. р., внучка Ольга, 1925 г. р., внук Александр, 1927 г. р. Глава семьи арестован и сослан в 1930 г., отбывал наказание в Новосибирской колонии, где занимался сельхоз. трудом, и в Енисейской колонии, где работал на лесозаводе. Семья выслана в 1930 г. Сын Андрей был осужден за забой своего быка. Из письма Андрея Сталину: «Неужели это мое хозяйство влекло за мной лишение, или же лишить, отобрать последнюю клячу, а потом восстановить... Если бы вы заглянули, тов. Сталин, сюда в сельсовет и посмотрели б работу исправления ошибок, то здесь проводится так: берут взятки, восстанавливают кого не надо, пьют вино с их, а кто не дает, гонят силой на выселение, бьют женщин... (Председатель сельсовета) выгнал жену с детьми на мороз, поразграбил всю мою одежду, позабрал последний хлеб и оставил нас голодом». Андрей восстановлен в правах РИКом в 1932 г. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 709).

РАГОЗИН Ермила Афанасьевич: 1877 г. р. Житель д. Бузан Бузанского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за разбазаривание собственного скота. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Аграфена, 1877 г. р., сын Степан, 1900 г. р., сноха Варвара, 1899 г. р., внук Николай, 9 л., внук Василий, 1,5 г., внучка Нина, 3 г. Глава семьи осужден, семья выслана в 1930 г. по 1-й гр. Из заявления главы семьи: «в марте 1930 г. в урмане были высажены среди леса в глубоком снегу... Внук умер от голода. Сноха заболела туберкулезом и умерла... В апреле самого выпустили из тюрьмы и отправили туда же...» Вернулись в 1931 г. Восстановлен в правах РИКом в 1933 г. за революционные заслуги (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 844).

ШУДРИК Ефим Демьянович: 1865 г. р. Житель д. Носовка Кисляковского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда: «держал батрака под видом племянника». Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Анна, 66 л. Высланы в 1930 г. по 3-й категории. Восстановлен в правах РИКом в 1933 г. (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 1168).

А это воспоминания одного из участников тех давних событий Г. К. Чукреева, который волею судьбы находился по другую сторону «баррикад»: «Мне довелось участвовать в хлебозаготовительной кампании 29-го года еще до раскулачивания. Вот как это было. Я не работал в органах, просто в 29-м меня вызвали со спиртоводочного завода «Центроспирт», где меня знали как комсомольского активиста, в губком комсомола. Проинструктировали, я понял, что задача была такова: распространение акций среди крестьян на покупку тракторов. Послали, помню, нас на север. Меня – в Большереченский район. Там я месяц и пробыл. Собирал актив, комитет бедноты, учителей.

...Один раз собрание нам сорвали кулаки и подкулачники, они были против покупки тракторов. Мы убеждали, вместе работали-пахали, и тут у нас чуть было второй раз не сорвалось. Кто-то пустил слух, будто хлеб от трактора пахнет керосином. Ну, что за ерунда: стали убеждать, что это не так... Потом разгорелись кулацкие выступления: восстали Седельниковский, Усть-Ишимский, Муромцевский районы – Тара была окружена. Это были настоящие мятежи, организованные бывшими белогвардейскими офицерами, оставшимися в деревне в качестве учителей, писарей, кооператоров.

... А Кулай мы организовали, ребята из нашей группы. Не я лично, я был простой стрелок... Перед самой отправкой нам пришла шифровка: прибыть на место в такой-то квадрат. Зачем, что – никто не объяснял. Ну, старший, по фамилии Масалов, комендант ОГПУ, конечно, знал. А нам не говорили. Сашка Коротков, мы с ним в комсомоле были, уполномоченным ОГПУ назначен. Еще с нами отправился наемный радист, его рекомендовал начальник спецсвязи ОГПУ, еще несколько человек... Дали нам проводников, отправились. Куда и зачем – не знаем.

В начале марта 1930 года добрались до места, там никого еще не было. Потом приказали встречать обоз, подготовить складские помещения. Топоров у нас не было, то есть они были, но мало на тридцать-то с лишним человек. На снегу спали.

В марте же 30-го пришла партия кулаков. Не помню точно, сколько... где-то около сотни.

Две недели мы жили прямо на снегу. Большие костры жгли. Целый день топим-топим. Расчистим на ночь, хвои положим, полушубки – тепло было, не замерзали. Снег-то в тайге глубокий, метра два. И ветра нет. Сделали просеки, стали ставить шалаши, на ночь выставляли «секреты».

Первым комендантом на Кулае стал Масалов, а уполномоченным ОГПУ – Саша Коротков...

Везли на Кулай со всех районов. Казахи приехали, привезли с собой юрты. У них и печки были. Постелят кошму – тепло... Масалов приказал мужчинам идти делать общие шалаши, а женщин, которые приехали с маленькими детьми (были и с грудными), поселили в юрты. К весне уже стали строить дома.

Везли кулаки с собой какие-то припасы. Летом мы выдавали им одну пшеницу. Норму, правда, не помню. Стали знакомиться между собой. Я, например, помню одного ссыльного, у него была непростая история. Он – бывший штабс-капитан царской армии, во время войны перешел к красным. В органах ЧК работал, был членом партии. Потом стал учителем в школе и как бывший офицер оказался зачисленным в кулаки... Я его и потом, уже в Омске, встречал, жаль, не помню его фамилии.

При мне освободили одного мужчину (да, случилось и такое, на Кулае освобождали). Он был сослан за эксплуатацию чужого труда. А если разобраться... Был у него годовалый ребенок, жену увезли в Тарскую больницу. Подошло время сеять, вот восьмилетняя девчонка и сидела с его ребенком... Много было такого. Ужас там был. Не знаю, что уж дальше там происходило, нас сменила милиция.

Бежали оттуда, конечно. В основном молодежь. Но болота... Вот я сам, меня с пакетом отправляли в Тару, дали проводника. Он один дорогу знал. Весной, когда растаяло, наставил там вешек. Три километра болот я шел четыре часа. А люди дороги не знали, тонули в болотах. Я сам то руку, то ногу, торчащими из трясины, видел. Сейчас понимаю, что там, наверное, нефть была, газы какие-то. У многих наших ребят кровь носом шла.

К спецпереселенцам в нашей комендатуре все хорошо относились. Работали они, строили себе дома, амбары построили. Место было хорошее там. Такая высота... Расчищали земли, чтобы пахать можно было. Рыбы много, хоть руками лови. Перед болотами были хутора латышские и эстонские. В одном из них у нас был склад боеприпасов, продуктов. Отсюда все и возили.

Конечно, условия для жизни там были не совсем нормальные – тайга, болота. А туда же столько человек навезли – со всех районов. А нам приказано охранять. Пришел однажды к нам человек и сказал, что нас, охрану, разоружить хотят. Нас разоружить могли свободно – отряд был небольшой. Если бы вся масса напала... А эти трое, вооруженные, что из-за болот пришли, хотели всю массу под-

нять. Коротков принял меры к их розыску, но не нашли. Коротков, кстати, и стал потом комендантом, а Масалова отозвали в Омск на должность коменданта охротдела ОГПУ. Знаю, что потом был он где-то в Новосибирске расстрелян как враг народа.

За Кулай нам потом выдали большие деньги: с марта по сентябрь заплатили. Я в комендатуре отвечал за отпуск продуктов: грамотный был, раньше учился в кооперативном техникуме. Масалов выписывал, а я отпускал – блокнот у меня был. Отпускалась только пшеница.

Что сами охранники ели? Рыбачили. Караулили, например, за медведем, пока он рыбу в кусты лапой выбросит, а мы подбирали. Рыбы там было много. Шишки, черемуха, малина. Поселенцы стали делать себе огороды: кто-то семян, кто-то картошки привез. Одна бабка два ведра картошки привезла. Одно съела, другое на весну, на посадку оставила.

Ненависти к спецпоселенцам как к классовым врагам никогда и ни у кого в спецкомендатуре не было»...

Тема насильственной коллективизации по страницам архивных дел

Страшный 37-й год был подготовлен еще в двадцатые годы, когда безжалостная власть уничтожала целые сословия. А потом была не менее страшная коллективизация с раскулачиванием, когда в необжитые места ссылались и глубокие старики, и младенцы.

Главная цель раскулачивания – запугать крестьян, создать материальную базу для колхозов из конфискованного имущества крестьян, записанных в кулаки, обеспечить трудовыми ресурсами малоосвоенные районы Европейского Севера и Сибири.

Как об этом свидетельствуют архивы, насильственная коллективизация стала настоящей войной, объявленной советским государством крестьянству. В стране более двух миллионов крестьян были депортированы, из них миллион восемьсот тысяч только в 1930-1931 гг.; сотни тысяч умерли в ссылке. Эта война длилась, по крайней мере, до середины 30-х гг., достигнув кульминации в 1932-1933 гг., отмеченных ужасающим голодом, спровоцированным властями, чтобы сломить сопротивление крестьянства. Учиненное над крестьянами насилие позволило произвести эксперимент, примененный впоследствии к другим группам населения. В этом смысле оно действительно представляет собой решающий этап в развитии сталинского террора.

В Государственном архиве Омской области хранится около тридцати тысяч дел на репрессированных крестьян. Объем материалов огромен, зато грамотность работников сельсоветов, да и самих крестьян такова, что многие бумаги разбираешь с трудом. А еще – эти дела, обернутые старыми газетами или подшитые в серые папочки, просто сочатся слезами: «...Бачанова Ефросинья, муж сослан, сама 35 лет. Старшему ребенку 8 лет и младшему 1,5 года, средств совершенно нет. Здесь никого нет. Двое ребят тяжело больные корью. Дай ответ, выселять или нет...» Это из письма председателя Фоминского сельсовета в Называевский РИК. И сверху резолюция: высылать!

Крестьян полностью лишали имущества, ссылали за то, что имел $\frac{1}{4}$ мельницы, $\frac{1}{3}$ сноповязалки. За то, что вынужден был нанимать работника в сезон, не справляясь своими силами по болезни, старости или еще по какой причине. И сосланные «мироеды» с кровавыми мозолями на руках от вечной работы писали в своих жалобах из Старо-Васильевского сельсовета Тарского района, пос. Неготка Нарымского края или из других гиблых мест: «лично себя отдавал в эксплуатацию, чем и существовал...», «...будто бы я высасывал им (батракам) последние капли крови. Был у меня наемник, это я не отрицаю, но я у него не высасывал крови». В «батраки» записывали сироту-племянника, взятого в семью из милосердия, внука, зятя, если он вошел в семью тестя. Сводили счета за то, что сестра вышла замуж за другого, не за колхозного активиста, за то, что пьяного председателя сельсовета «посадили в каталажку»...

Но с высылкой трагедия не кончалась: «Я, член партии Косицын Павел Тимофеевич (служу в Красной армии), получил из дома известие, что мой отец, Косицын Тимофей Сергеевич, лишен избирательных прав. Я не хочу носить на себе такое черное клеймо, которое позорит меня, а поэтому с нынешнего дня порываю с ним всякую связь и не считаю его отцом впредь до восстановления его избирательных прав». Это копия письма в газету. И таких материалов множество, направляемых в сельсоветы, районные, областные, центральные инстанции, редакции газет. Отказывались от отцов, матерей, срочно разводились с мужьями, только чтобы не потерять работу, иначе – голодная смерть или нищенство; чтобы иметь возможность закончить учебу; чтобы спасти детей от верной гибели «за болотами». Можно ли осуждать за это людей, раздавленных мощью государства?..

Из архивных документов предстает картина «великого переселения народов»: бежали в ночь перед высылкой, несмотря на то, что у «кулацких» домов сельсоветы ставили охрану, уезжали семьями

в Среднюю Азию или на Дальний Восток, в соседний Казахстан... Авось, пронесет. Иногда пронесило... Заявление о состоянии деревни Херсонка Буняковского сельсовета: «80 дворов из 120, рискуя жизнью, бросив все имущество, без средств к существованию бежали кто куда».

Началом высылки послужил ряд основополагающих документов, принятых властью в 1929-1930 гг.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г.; Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г.; Постановление бюро крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака, как класса».

Широкое развитие колхозного движения, ускорение темпов строительства новых коллективных хозяйств, вовлечение в движение миллионов масс бедноты и середняков – создали необходимые условия для коренного поворота от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его (кулачества) ликвидации, как класса. Таким образом, проведение раскулачивания, являясь основной частью и результатом развития колхозного движения, должно непосредственно увязаться со строительством новых колхозов, объединяющих в своем составе действительно широкие массы батрачества, бедноты и середняков.

Отсюда важнейшей задачей Сибирской партийной организации является добиться дальнейшего ускорения темпов развертывания колхозного движения, стремясь к полному вовлечению в колхозное строительство основных масс батрачества, бедноты и середняков уже в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года.

На этой основе, непосредственной увязке с ростом колхозного движения, Сибирская парторганизация должна строить и все мероприятия по эксплуатации кулачества. И появлялись внутренние инструкции для действий с/советов, партячек и прочих гос. органов на местах.

*Директива Тарского райисполкома Омского округа
всем председателям сельсоветов и райуполномоченным
по посевной кампании
3 марта 1930 г.*

В дополнение к ранее данным директивам о высылке кулаков райисполком еще раз напоминает под вашу личную ответственность, что выселенным лошади должны выдаваться вполне способные к

передвижению, натурфонд должен выдаваться полностью каждому хозяйству, согласно указаний нашего распоряжения от 27 февраля 1930 № 10–4с. Продовольствие должно выдаваться обязательно по пуду на едока, а также и фураж на лошадь. Имеющиеся в наличии у выселяемых деньги до 500 рублей – не отбираются. Еще раз разъясняем, что семьи с очень большим количеством малолетних детей, нетрудоспособных, глубоких стариков и больных не высылаются. Высылаемые должны быть обязательно снабжены теплой одеждой, хотя бы и за счет остающихся кулаков. Все карточки и описи имущества должны заполняться точно, без зачеркиваний и помарок. Высылаемые в г. Тару должны прибыть без опоздания в намеченное нами число к 5 марта к 9 часам утра.

Вслед за этим появляются т.н. отклики на перегибы властей при выселении. Уполномоченный ОК т. Леонтьев сообщает:

[...] Отбор к высылке кулаков за пределы округа по Исилькульскому району производится так, что посылали стариков, нетрудоспособных, многосемейных (имеющих 12 чел. семьи, из них 8 детей), беременных женщин. Таких хозяйств на сборном пункте из 225 было переведено во II категорию 84 хозяйства.

А высланные крестьяне, попав под чудовищно несправедливую высылку и ощутив на себе весь ужас созданных, а, вернее, не созданных условий не то что для жизни, а даже для выживания, пишут в Москву, в Кремль, Сталину, Молотову, Калинин и т.п., надеясь, что верховная власть их услышит и восстановит справедливость, возвратив на прежнее место жительства.

В Центральный исполнительный комитет.

Москва. Кремль.

Гражданки Медведевой Анисии Макаровны,

Проживающей в д. Беспаловой Саргатского района Омского округа Сибкрая

Заявление.

Я и мой муж Медведев Константин Матвеевич лишены избирательных прав и высланы из пределов Омского округа с тремя малолетними детьми в Тарский округ в лесную дикую таежную местность, изобилующую гнилыми болотами и бесчисленным множеством комаров. В какой-либо местности в 20 веке цивилизации и возвышенной техники без орудий производства, надеясь лишь только на русскую дубинушку, жить не представляется никакой возможности, а поэтому лица, сосланные в этот земной ад, гибнут как мухи разными путями: от голода, болезней и

других причин, благодаря невыносимо тяжелых условий жизни, народ стал разбегаться кто куда, не страшась ни пули стрелка, ни будущего, некоторые даже бросая своих детей в лесах на волю рока. Таковой же участи решила и я, забрав своих троих малолетних детей, оставив на месте ссылки лишь своего больного мужа, бежала. Какие приходилось в пути терпеть лишения, это знает только моя подоплека, бежала я с тем расчетом, чтоб добраться пешком до Центра, лично к Михаилу Ивановичу Калинин или же тов. Сталину и рассказать весь ужас, какой терпит на местах ссылки народ. Некоторые может быть заслуживают этого, но большинство эту кару несут невинно, т. к. кулаками они никогда не были. Раскулачивание и ссылка производилась стихийно, совершенно безо всякого разбора на красного и белого, не считаясь с качеством, а считаясь с количеством, как сказал тов. Сталин. Благодаря болезни меня самой, а также моих детей (опухание) и неимением средств к существованию, т. к. я с детьми питаюсь подаянием от своих крестьян-односельцев, я решила на все. Пусть если правительство найдет поступок противозаконным, то карает меня с детьми высшим наказанием, т. к. гибель на месте ссылки все равно неизбежна, только разница во времени, там она затяжнее и мучительнее. Но я надеюсь на русскую старую пословицу, что покорную голову меч не сечет. Муж мой, а также и я сама не делали ни одного противогосударственного поступка, всю свою жизнь копаясь в навозе, терпя нужду, перебиваясь с куска на кусок. Сельскохозяйственных машин почти что не имеем, кроме сенокосилки, приобретенной 20 лет тому назад. Лишили нас за то, что якобы мы держали батрака и торговали скотом. В одной части обвинения есть доля правды, а в другой ее части суцая ложь. Батрака действительно в страдную пору временно держали в 26 году, ввиду того, что я имела на руках трое маленьких детей, а поэтому при всем моем желании помочь своему мужу в полезных работах я не могла, что и вынудило даже в ущерб себе нанять человека, дабы не мог остаться в степи необраным хлеб. Что же касается торговли скотом, то таковой не производилось, за исключением своего скота для нужд хозяйства обычно, как и все крестьяне. Эту действительность может подтвердить поголовно все наше село, где мы родились и выросли, в подтверждении чего представляю подписи. Раскулачивание и ссылка в то время проходила под угрозой, на почве разной мести, личных счетов, так что вступить в защиту никто не мог. Народ был напуган, боясь попасть в эту беду сам.

Объясняя изложенное, убедительнейше прошу ЦИК сделать соответствующее распоряжение нижеследующим органам о пересмотре дела, снять с нас это черное пятно, вернуть из ссылки мужа и дать воз-

возможность быть искренне полезными пролетарскому правительству. К сему и подписуюсь, Медведева Анисья, неграмотная. За неграмотную по ее личной просьбе расписался (подпись). 13 августа 1930 года.

(ГАОО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 450)

Коменданту Каргасокской райкомендатуры
Сиблага ОГПУ от спецпереселенца,
проживающего на Каргасокской пристани,
Пенькова Андрея Дорофеевича

Заявление.

В мае месяце 1931 года я был выслан в семье отца Дорофея Кузьмича, состоящей из 10 душ, из коих отец, мать, сестра, моя жена и дочь умерли. Остался я один и 4 детей, из коих трое в интернате, как сироты и дети отца-инвалида. Выслан я был со своею семьею якобы за то, что находился, как иждивенец семьи отца. Между прочим, я с отцом был разделен, о чем подтверждает справка Корниловского с/с от 24.12.30 г. за № 77-4, в коей говорится, что раздел наш якобы признан фиктивным, что было подтверждено кем-то неверно. С русско-германской войны я инвалид, то есть у меня оторвана совершенно одна рука, к труду я не способен, но живя в своем отдельном хозяйстве, я батраков никогда не имел, а также не было никаких сложных с/х машин, которыми я закабалял бы окружающее население. Индивидуальным налогом я не облагался. Так как я выселение свое считаю ошибочным со стороны местных властей.

Настоящим прошу Вас, т. комендант, направить мое ходатайство через Сиблаг для пересмотра моего дела в Сибкрайисполком о восстановлении меня в избирательных и других гражданских правах вместе с моими детьми и освободить меня из мест расселения.

О последующих распоряжениях прошу меня уведомить.

Справку с/совета прилагаю.

К сему подписуюсь Пеньков Андрей.

26 июля 1933 г.

Крутинскому Районному Исполнительному Комитету
От гр-н д. Преображенской Оглухинского с/с
Чернооков (Черноок) Ивана и Василия Степановичей.

Заявление.

В 1929 г. или в начале 1930 г. отец был лишен избирательных прав. Ивану (старшему) было 10 лет. Отец был осужден к 3 г. л. с. за невыполнение обязательных госпоставок. Мы остались с большой матерью,

имеющей кроме нас еще двое меньших детей и старуха 70 лет. В 1931 г. наше все семейство было выслано в Нарымский край, где того же года осенью умерла мать и меньший брат, мы остались с бабушкой. В 1933 г. к нам приехал отец, а через месяц умерла бабушка. Мы до марта месяца жили с отцом, а в марте умер отец, уйдя на озеро и оттуда не воротился, и его нашли умершим. После смерти отца нас комендатура всех троих определила в приют, но сестра заболела и была направлена в больницу, оттуда не вернулась, где она, мы до сих пор не знаем. В 1934 г. нас взял на иждивение дядя, брат матери. Просим восстановить нас в избирательных правах (ГАОО. Ф. 1543. Оп. 3. Д. 780).

ИЗ ПИСЬМА УСОВА ИВАНА СТЕПАНОВИЧА, жителя д. Тула Копейкинского с/с Ново-Омского р-на Омского окр. Западно-Сибирского края, в ЦК НКРКИ СССР: «.../о ликвидации кулачества как класса/ Эта работа была проведена предс. с/с Велитарским в следующем порядке. За два или три дня до выселения главы семей, предназначенных к ликвидации, под разными предложениями были вызваны в с/с и арестованы, где держались до последнего момента без предупреждения о том, что они будут высланы. За этот предшествующий короткий период те, кто не был лишен гражданских прав – были лишены и попали некоторые из таких граждан, которые до того времени даже не облагались индивидуально. В общем же, в большинстве случаев по отношению намеченных к высылке, в с/с составлялись дутые материалы, не соответствующие действительности. Дело доходило вплоть до фиктивных протоколов бедняцких собраний. В последний момент отправки арестованные были под конвоем распущены по домам для немедленного сбора. Пред. с/с Велитарский, сортируя весь домашний скарб и тряпки, конфисковывал все, за исключением 2 пар белья на каждого члена, по одной паре обуви, по одной одежде, преимущественно старой. Это в то время, когда Директива Сибкрая давала совершенно иной порядок выявления подлежащих ликвидации, и где говорилось, что экспроприации подлежат только средства производства, а не тряпки. А сколько этой мебели, тряпок и всякой утвари было конфисковано и куда она девалась – неизвестно. Каждой семье было дано по одной одноконной подводке, где надо было усадить семью, вещи, уложить фураж. Это было в конце февраля, когда в сорокоградусные морозы с грудными и малолетними детьми, без надлежащего снабжения одеждой и продовольствием (были случаи, что в печи оставался не вынутым хлеб) эти семьи были переброшены в необитаемую местность Васюганских болот, за пятьсот верст, где их бросили на голом снегу. Условия, в каких находились эти люди на Васюганских болотах,

принудили их к тому, что, поев большую часть лошадей, побросав свои последние манатки, они весной разбежались. Спрашивается: сколько от этого дела пользы государству? заброшен был сельхозинвентарь (туда, где он совершенно не нужен), погибло большое количество конского поголовья, расходы государства и т.д...»

(ГАОО. Ф. 476. Оп. 3. Д. 667. Д. 668)

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ФЕДОТОВОЙ-СУРЖЕНКО Марфы Кузьминичны, жительницы с. Руслановка Руслановского с/с Новооомского р-на Западно-Сибирского края: «Председатель с/с насильно посадил меня на подводу с 3-мя малолетними детьми, намотал на руки вожжи и велел ехать из деревни без всяких разговоров и возражений, зная, что за меня с детьми некому заступиться...» Предрайисполкома Шарошин в ответе Запсибкрайисполкому признает такой поступок с/совета «вполне правильным». Были отобраны у «кулачки»: корова дойная, нетель, 6 мешков муки, 160 пудов картофеля, телега, 8 кур и «разные мелкие домашние вещи». Отправили в марте, по распутице, несмотря на нездоровье детей и безденежье в Кулайскую комендатуру.

(ГАОО. Ф. 235. Оп. 8. Д. 4479)

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ВО ВЦИК ГОРНОСТАЛЕВА Василия Ивановича, жителя д. Большешипицино Саргатского р-на: «В январе месяце 1930 г. во время проводимой сплошной коллективизации крестьянства приезжающие из Омска инструктора, уполномоченные и т. п. сами намечали определенное количество дворов, подлежащих лишению голоса и высылке в ссылку, а затем с помощью одного председельсовета приводили свое определение в исполнение, не считаясь ни с личностью, ни с общественным мнением, они были боги, они были цари, они миловали, они казнили, они производили насилие и погром над крестьянством, считая, кого вздумали, за кулака, и если были погромы до 1914 г., то они бледнеют перед погромами 1930 г., и эти инструктора и уполномоченные, выдавая себя за ретивых служителей соввласти, умышленно или несознательно громили крестьянство, не замечая, что они громят рабоче-крестьянскую власть. Я крестьянин, с детства трудился в земледелии и собственным горбом добывал себе пропитание, я работал с восхода и до заката солнца и на 50 году моей жизни, имея хозяйство (принимая во внимание сибирские условия жизни) 3 рабочих лошади, 5 коров и 10 овец, делая по 7 десятин посева и обрабатывая исключительно собственным трудом, за исключением 1928 г., когда во время моей болезни я нанял мальчугана 14 лет и только на 3 месяца в помощь семье для уборки

остатков хлеба, оставшихся непогибшими от стихийных бедствий, и меня зачислили в кулаки, меня лишили голоса, разгромили мой дом и сараи, имущество мое частью продали, а частью растащили, а затем меня с семейством зимою и без продуктов вывезли в ссылку в тайгу Тарских болот на произвол судьбы».

(ГАОО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 185)

В мае 1930 г. в Омске проходит Окружная партконференция, посвященная вопросам коллективизации, раскулачивания и высылки крестьянских хозяйств. Кое-что из выступлений на конференции приводим ниже:

[...] Товарищи! Я отвечаю на вопрос социалистического переустройства деревни. Нужно, товарищи, с районного съезда Советов взяться за эту работу. Нужно еще репрессивнее принимать меры к попыткам кулацкой агитации и его отдельным выпадам. На вопрос социалистического переустройства деревни – заострить особое внимание.

[...] Товарищи! Если сейчас говорить о кулачестве, то мы таких кулаков, какие они были раньше, их сейчас не увидим, – есть кулаки в рваном полушубке, но такой эксплуататор есть действительный враг советской власти. Кулацкую агитацию мы уже переломили, но не совсем. Должны переломить и переломим окончательно в 1931 г. при проведении 30% коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса. Коллективизация должна быть проведена на основе Ленинского принципа добровольности. В Тарском районе в 1931 г. будем иметь целый ряд сельсоветов со сплошной коллективизацией. На этой же конференции отмечены перегибы власти при раскулачивании.

(ГАОО. ТФ Ф. 255. Оп. 1. Д. 3. Л. 16)

Информационный бюллетень № 8 от 27.02.1930 г., с. 28, 29

Ликвидация кулачества как класса. По имеющимся сведениям всего по округу привлечено 3133 кулака. Конфисковано 1959 кулацких хозяйств на сумму 551759 р., земельного надела лишено 1615 кулацких хозяйств.

Правый уклон на практике и примиренчестве к нему продолжает цвести. Вот примеры.

Секретарь ячейки Ново-Уральского зерносовхоза Смирнов, разъезжая по селам, возил с собой кулака Семена Гришина как экспонат, иллюстрацию к своим докладам. Возил до тех пор, пока кулак Гришин не сбежал.

В Ракитовском сельсовете Павлоградского района только за последнее время выявлено дополнительно 17 кулацких хозяйств. Нужно подчеркнуть, что там при первом выявлении в состав кулацких хозяйств было введено 8 середняков. Довыявления происходят в ряде и других сельсоветов Павлоградского района.

Искажения политической линии партии по отношению к середняку окончательно еще не изжиты.

В Андреевском сельсовете (Павлоградский район) в числе 35 кулаков оказалась половина середняков. Ярмоклеевский сельсовет в состав кулаков зачислил не только середняков, но и бедняков.

В Камышине Калачинского района уполномоченный РИКа Юрченко говорил, что надо больше крестьянских хозяйств подводить под кулацкие хозяйства. В результате оказалось, что в Камышине в числе 36 кулацких хозяйств было обнаружено 20 середняцких хозяйств.

Крохоборство, мародерство также еще наблюдаются во многих районах. Приводим ряд фактов.

В дер. Засухино (Крутинский район) судисполнитель распорядился забрать у кулаков всю одежду. Колхозники отыскивают старые пимы и полушубки, чтобы обменять их на хорошие. В дер. Яма колхозник Дм. Задворнов догнал убежавшего кулака Федосеева на Забродинском хуторе, раздел его, забрал хорошую одежду, а на кулака надел рваную.

Коммунист Решетников (Иконниковский район) купил на торгах 2 подушки, перину, корову (снят с работы, отдан под суд).

Наряду с зачислением середняка в кулаки и наоборот – оставления кулака в середняках, в Павлоградском районе широко практиковалось изъятие у кулацких хозяйств предметов личного обихода (юбки, кофты, бритвы, часы, сало, колбаса, пимы, шубы и т.д.). Все это распродавалось за бесценок и покупалось всеми, в том числе и отдельными работниками, как, например, нач. РАО Знаменским и его заместителем, следователем нарсуда Хитевым, зав. Райполитпросветом Думиным, уполномоченным Кадошниковым, Нагибиным, несколькими председателями сельсоветов, избачами и отдельными партийцами. (По сообщению уполномоч. ОК тов. Стрелкова).

Б. Атмасский сельсовет Черлакского района при ликвидации кулачества допустил обыск у середняков и бедняков. Обыском руководил один из местных кулаков, арестовавший при обыске 7 бедняков. Плоды такой головоотяпской работы сельсовета печальны: середняка застращали и один из них сбежал.

В Ивановском сельсовете (Черлакский район) в торгах при раскулачивании участвовали партийцы и члены сельсовета. Они же за кулацкие шубы и тулупы платили по 2 руб., приобретали диваны, стулья, зеркала. То же наблюдалось и в Солоновке, где в покупке кулацких вещей участвовал член ВКП(б) Марков.

Пред. Стронинского сельсовета (Большереченский район) отобранную у попа кровать поставил к себе в дом, не возражая против подобных действий со стороны других.

Уполномоченный Патрахин (рабочий ж.д.) в д. Петрово Тевризского района в 12 часов выселил на мороз все кулацкие семьи, не считаясь с тем, что в одной семье была женщина с 2-х недельным ребенком.

Уполномоченный Тюкалинского РИКа Инкин в с. Островном проводил коллективизацию так: «Кто не идет в колхоз, тот идет против советской власти. Мы не будем считаться, что он бедняк или середняк, а кто не пойдет в колхоз, того мы окулачим, сошлем за пределы округа, загоним в Соловки, а то и расстреляем». Другой уполномоченный Кузмин свой доклад на собрании начал с того, что он «народу расстрелял больше, чем волос у него на голове».

Уполномоченный Черноусов (тоже в Тюкалинском районе) в дер. Токари сказал: «Разъяснять много и говорить нечего – коллективизируйтесь и все».

В селе Крупянка Иконниковского района при продаже кулацкого имущества уполномоченный РИКа Болонкин делал оценку: дом 10 руб., кровать 1 руб., корова 1 руб., шуба 20 коп. При этом он давал директивы продавать все включительно до чашек, ложек.

Уполномоченный Тюкалинского РИКа т. Крупский (с. Бекишево), собрав 10 семей кулаков 1 категории для отправки в с. Кутырлы, эту отправку задержал, семьи поместил в школу и там держал 5 суток, производя обыски. Искал деньги, для чего отпарывал подкладки у одежды, рубашек, шапок, фуражек и т.д. Создалось впечатление у отсталой прослойки деревни, что над кулаками издеваются.

В с. Чашино у кулаков описывали все, включительно до худых тряпок. Уполномоченный по этому с/совету Акулов передавал, что пред. Тюкалинского РИКа Шипицин при инструктировании уполномоченных давал установку: у кулаков отбирать все, оставляя по одной паре белья, полушубок и печеный хлеб. Отсюда неудивительно, что при отправке кулаков 1 категории некоторые из них явились в дрянных шубенках и все, а детей завернули в тряпки.

Зам. пред. Иконниковского РИКа Паршуков в ауле № 4, увидев среди имущества одного раскулаченного бая (имущество было продано колхозу) шубу на лисьем меху, взял и разделил ее с секретарем сельсовета (себе плюшевый верх, а секретарю мех), несмотря на протесты колхозников. В этом деле принимал участие и секретарь сельячейки Канонников. После категорического требования шуба была возвращена, но в таком виде, что даже верх на ней оказался распоротым. Секретарь ячейки Канонников приобрел для себя за бесценок ряд вещей и продуктов (например, кадку капусты за 15 коп.).

Уполномоченным Тюкалинского РИКа Дедюлиным был окулачен и выслан по первой категории середняк В-Тюкалки Чикенов Илларион за то, что он в 1928 г. вследствие болезни жены нанимал батрака. Дедюлину задали вопрос: «Почему ты захватил этого середняка?» Дедюлин ответил: «Надо было брать кого-то, чтобы выполнить контрольную цифру».

(Выступление тов. Синицина в прениях по докладу тов. Алексеева на V окружной парт. конференции)
[...] По вопросу уничтожения кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Для нашей Татарской организации все это было ясно, как в зеркале видели, так как через наш район все ваши «кулаки» прошли (смех). Мы очень хорошо видели ваших «кулаков», прощупали и видели, что это за «кулаки», которых вы отправляли. Я должен заявить прямо, что вами директива Центрального Комитета партии не была выполнена. Вы отправляли 80-ти, 90-летних стариков и старух. Кто разрешал их вам отправлять? Кто разрешил вам отправить мужа с женой, у которых 8 человек грудных детей? (Смех). Кто вам разрешил это делать? Может быть, товарищи, не все 8 были грудные, это верно, но я заявляю, что тут вами были высланы середняки, и очень много середняков было отправлено на Васюганские болота. Вот, товарищи, эти ошибки надо проверять и вовремя исправлять. А то вот у нас получилось так, что население слышало, что мы ошиблись, и стали сами убегать, они стали кричать, что вы их вытолкнули в Тарский район без всего (с места: «была директива»). Такой директивы не было. Они предъявляли к нам требования, ваши «кулаки», чтобы мы их кормили, чтобы им давали все необходимое, потому что вы их вытолкнули голыми. Правда, мы быстро аннулировали эти недоразумения. Они снялись и уехали домой. Что, разве это красиво, что они к вам поодиночке возвращались? (С места: «А

почему ты их не задержал?) А вы разве дали мне, чем их кормить, чем же я должен был кормить ваших «кулаков»? Какое же, товарищи, получилось политико-моральное состояние в вашем районе, в связи с тем, что они к вам явились сами?

Примеры бесконечны. За каждой строкой боль, страдания – индивидуальная и общая трагедия российского народа. Масштабность репрессий 1930-1933 гг., безусловно, превосходит те, что грянули в печально-известном 1937-м. Потому что большинство из пострадавших были дети. Те, которым предстояло вырасти с незаживающей раной в сердце и все-таки в трудный для Родины час встать и защитить ее ценой своей жизни. Они и их родители, трудолюбивые крестьяне, заслуживают, чтобы их помнили, чтобы не было в цепи наших родословных порванных звеньев. Это особенно важно для наших детей и внуков, пусть они знают, как глубоки и прочны их корни в родной земле.

(Стиль, орфография и пунктуация в приведенных документах сохранены. – Авт.).

Акт обследования условий расселения кулацких хозяйств Васюганского района (Кулайский)

6-16.07. 1930 г. База

*(печатается по газете «Ленинский путь» Тарского района.
1989 г. 21 октября)*

1. Комиссия в составе Представителя Сиб. Адм. Управления тов. Белокопыльского Максима Захаровича, Омского окр. исполкома - тов. Иванова Л. Ф., от Тарского РИКа – тов. Долгова И. М., Уземустроителя – тов. Дзенса И., Райохотсоюза – Удута С. Х., от медикосантруда (фельдшера) - Фомина К. Ф., от Омского окр. адм. отдела тов. Бухтоярова М.И. установила следующее:

2. 6-го июля 1930 года комиссия выбыла на Базу до конечного населенного пункта деревни Петровской Тарского района Омского округа, расположенной от райцентра гор. Тара в 90 километров, расположение от деревни Петровской до Базы – 73 километра, прошли три дня. Протяжение от Петровской до последнего населенного пункта Петровского сельсовета - хутора Калнин 10 верст, имеет проселочную дорогу, сопряженную с весьма трудными по ней передвижениями при наличии заболоченности, слабого грунта и отсутствия необходимых мостов, почему передвижение по ней грузов в летний период весьма затруднительно, а может лишь быть по ней пешеходное и верховое передвижение, означенная дорога может

являться при условии ее исправления конечной конного сообщения, а хутор Калнина последним перевалочным пунктом. Последние 63 километра имеют сплошную залесенность, имеется пешеходная тропа, не пригодная к проходу с переносом груза, на всем протяжении этой тропы до базы 50 процентов заболоченности, кроме этого, имеется рямовое моховое болото на протяжении 3-х километров, при проходах речек Черемшанка, Камышинка, Сорокамыш, М. Кулай, без укладки настила эти болота непроходимы. Вся эта тропа идет через сплошной лесной массив, шириною тропа около 2-х аршин. Не доходя 4-х километров до базы на заболоченных местах сделаны настилы из круглого леса, годные лишь для верховых переездов. Причем комиссия обнаружила ко дню посещения, что в районах базы существует 21 поселок, именуемый каждый согласно названия того района Омского округа, из которого высланы кулаки (как-то: поселок Омский, Саргатский и т. п.). Из 2790 кулацких хозяйств или 8891 души к моменту обследования имелось 890 хозяйств с количеством душ 1607 человек. Остальные наименьшей частью были освобождены от ссылки Госорганами - 208 человек, а подавляющее большинство 7077 человек бежало самовольно. Причинами к бегству комиссия считает следующие имеющиеся моменты:

1. Голодный паек (к моменту посещения комиссией выдавалось и выдается теперь по 6 кг немолотой ржи на едока, а на главу семьи 12 кг при отсутствии приварка).

2. Невозможность приложить труд в сельском хозяйстве (см. заключение о климате и почве).

При этом комиссия выявила лично факты, когда лошадиная кожа употреблялась в пищу и в роли мяса, и в роли студня, а также приварка из разных трав.

Плохое питание на большинстве кулаков отразилось болезненно, комиссия установила: опухоль, исхудалость, желтизну, слабости и болезни (в лежку), фельдшер базы, следующий в составе комиссии, делал в каждом поселке до 10-ти посещений больных, лежащих в постели, и до 20-ти приемов приходящих больных.

Ко всему изложенному выше комиссия видела лично факты примеси к ржаной муке толченую березовую кору, всевозможные травы, примешиваемые в целях увеличения количества хлеба, в силу этого хлеб получается несъедобный и непитательный (образцы прилагаются), и вредно отзывается на желудке. Всевозможные травы (несъедобные) примешиваются и в роли овощей, и в супы. В таких же условиях находятся и дети.

В момент присылки кулаков, в марте месяце, последние, а равно и обслуживающий персонал комендатуры, вынуждены были за отсутствием каких-либо построек до весеннего тепла жить во временных шалашах, сделанных из древесных веток. Весною уже были построены временные избышки, в большинстве своем крытые легкой крышей (берестю), рассчитанные только на защиту от дождя. Имеющиеся отверстия для окон, размером 20-30 сант. ширины и высоты, частью из них застеклены, а больше все завешены марлей и тряпками (...).

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ

Бань во всех районах шесть, устроены примитивно (по-черному), вследствие большой окружающей избышки грязи и скопленности народа в избышках, пользования общими нарами - в жилищах повсеместно грязь и сырость, по акту медпункта за март и апрель наблюдались легочные заболевания - (простуда) и позже хронические заболевания, имелся случай скарлатины и до 30 случаев кори. За июнь заболеваемость увеличилась до 85 процентов, преобладают простые поносы взрослых и детей, меньше кровавые поносы – вздутие живота и опухоли тела и конечностей, увеличился рост смертности на почве недоедания. Особенно остро стоит вопрос с грудным кормлением детей, имеется общее явление – отсутствие молока у матерей, а отсутствие в районе коров лишает детей и той поддержки, вследствие этого началось опухание детей, голодают и беременные женщины, имеющие 7-8 месяцев беременности. Дети до 12-ти летнего возраста также плохо питаются, имея лишь один паек 6 кг ржи. Ко всему вышесказанному усугубляющим профилактические возможности явлением имеется то обстоятельство, что больные и здоровые едят из одной чашки, и здоровые вынуждены жить и спать с больными на одних нарах при максимальной скученности людей.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Высланные кулаки пользуются медицинским обслуживанием следующим образом: медфельдшерский пункт имеется при базе, отстоит от дальнейших районов в 40 километрах и от ближних в 10. Обслуживается пункт одним фельдшером, который сделал за все время существования один объезд районов и второй, совместно с комиссией. Лечение населения происходит стационарным способом (приход больного на базу), лекарство, выдаваемое больным, тут же должно быть оплачиваемо, по каким нормам и расценкам, комиссия не установила.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Расселение кулацких хозяйств до 40 километров от базы и их разбросанность между собой препятствует возможности административному обслуживанию, в силу чего кулацкие поселки были представлены сами себе, а именно все возникаемые между расселенцами спорные вопросы хозяйственного, бытового и уголовного характера, актов гражданского состояния (смерти, рождения, регистрации браков), введение и внедрение внутреннего распорядка, до сих пор не существует, а учрежден институт старших в каждом поселке, состоящем из целого района высланных кулаков. Вышеименованные мероприятия предоставлены старшим выделенным комендантом из числа кулаков. Специальных собраний с кулаками, комендатурой ни по каким вопросам не собиралось и не было разъяснено подробно, чем они должны заниматься; комиссией установлено, что комендатура отпустила часть населения за покупкой продуктов за болото, в смежные районы, а другой части это не разрешалось, и самовольный уход за продуктами на обратном пути с закупкой имел случай конфискацией комендатурой продуктов. Комиссия, идя на базу, встретилась с фактом, когда от возвращающегося кулака Целищева Григория, несшего закупленные продукты, встречным конвоем были отобраны деньги 4 рубля с копейками, $\frac{1}{8}$ табаку махорки, курительная бумага и произведены побои за самовольный уход. В дальнейшем комиссия при разговоре с самими сотрудниками базы установила (со слов сотрудников), что ими допускались в исключительных случаях побои. То же самое подтверждается и рядом поданных заявлений о побоях, и отобрании вещей, и о производстве обысков.

Благодаря далекой расселенности кулацких хозяйств от базы и отсутствия административного персонала комендатуры в поселках, кулакам представилась полная возможность подыскивать вожаков и выходить целыми районами (Тевризский район во главе со старшим), и прокладывались совершенно новые обходимые комендатуру (базу) тропы.

Наличие вышеуказанных комиссией фактов и территориальной разбросанности, имеющийся штат вахтеров - 16 человек, далеко не достаточен, да и было не верно надеяться удержать от побегов кулаков имеющейся маловооруженной охраной, тогда как свободная от занятий энергия кулаков специально не использована, а комендатура не задалась целью, чтобы использовать лишнюю энергию кулаков в сторону организации труда, как-то: выгонки дегтя, разного кустарного производства, выработки осинового клепки, выработки кадок, гнуть дуги, полозья, ободья, расчистка проселочных дорог,

мостов, постройка бараков, раскорчевка леса для посева и т.д., даже имеющиеся на базе заготовленные печные принадлежности, как-то вьюшки, дверки и т. д. до сих пор не распределены по кулацким хозяйствам на предмет их использования. Не представлено на базу имевшееся в Петровском сельсовете стекло.

Из 877 павших кулацких лошадей к моменту обследования 15.07. сего года на базу в комендатуру из поселков было представлено 300 коней, остальные - разброшены где попало на поселках. Разбросанный на дорогах инвентарь частью не собран (...).

Культурно-просветительная работа совершенно отсутствует не только среди расселенных кулаков, но и на самой базе среди обслуживающего персонала, также отсутствует какая бы то ни было воспитательная работа, даже не установили и не направили громкоговоритель, имевшийся на базе, нет газет, журналов.

Совершенно не организована почтовая связь с выселенцами базы, а также и базы с районным центром и ближайшим его населенным пунктом, как Петровским с/с и др.

Неорганизация отправки почтовой кулацкой корреспонденции и приеме ее организованным путем обратно создает для выселенцев невозможность направить жалобы в Совгосучреждения на неправильное их выселение, а также и получение ответов, благодаря чего со стороны Тарского почтового отделения уже предъявлен комендатуре гражданский иск за кулацкую корреспонденцию не оплаченную почтовыми марками.

Для обслуживания комендатуры на базе имеется 50 лошадей, которые до момента обследования кормились овсом, в то самое время как весь обслуживаемый персонал комендатуры состоит из 20-ти человек, и таким путем комендатура содержит и кормит ежедневно совершенно ненужных для базы 30 лошадей.

К моменту обследования находящийся на базе овес до сих пор находится в мешках под открытым небом, закрывается при каждом появлении тучки, дождя, брезентами, а также, как правило, на каждую ночь, затрачивая совершенно излишнюю рабсилу, в то самое время, как нужно было бы нажать на выполнение плана постройки амбара, зернохранилища, который уже сделан и больше половины закрыто, но пол не настлан до сих пор.

К вышеизложенному комиссия установила, что постройка самой базы произведена не на указанном первоначально директивными органами (месте), на устье реки Б-Кулая, т.е. требовалось бы 12 километров продвинуть вглубь, а она построена на устье реки Пульцыс, не доходя Б-Кулая на месте, не достаточно пригодном для расположения базы по ее месту расположения, по слабой почвенности, отрезанности реками

Ягыл-Як и Б-Кулай от населенных пунктов кулаков, а также и их далекое расстояние, затрудняющее в адм. обслуживании, что отрицательно отражалось на окарауливании кулаков.

Выводы:

1. В силу отсутствия природных возможностей занятия сельским хозяйством и промыслами для кулаков невозможны, и ложатся тяготой для государства, которому приходится кормить и окарауливать их, не имея от этого никакой материальной помощи.

2. Голодный паек кулаков и отсутствие возможности заняться сельским хозяйством способствует бегству кулаков – из 9000 убежало 7000.

3. Суровые климатические условия и голодный паек создают болезни и увеличивают смертность взрослых и детей.

Отсутствие воспитательной работы, как среди конвоя, так и кулаков, ведет последних к упаду культурных знаний.

Отсутствие дорог и связи требуют от государства новых затрат до 100.000 рублей на дорогу без наличия перспектив целесообразности этих затрат.

*Пред. комиссии: Белокопыльский,
Члены: Иванов, Долгов, Дзенс, Удут, Бухтоярлов*

Справки, сообщения, материалы из выступлений на партконференциях и совещаниях 1930-х гг.

*Февральский пленум Омского окружкома ВКП(б)
(февраль, 1930 г.)*

Из выступления Бицуля (Ленинск – Омск, РК)

«В районах при проведении работы по раскулачиванию имеется недопонимание политики партии, в результате чего имеются искривления (приводится факт: уполномоченный в Омском районе Сергиенко хозяйство одного середняка подвел под кулацкое и, вызвав его к себе, под угрозой заставил на бедняцком собрании высказаться за колхоз. Некто Бирюков, проводя политику раскулачивания, отобрал у попа все его ризы и другие принадлежности и сдал в коммуны, коммунары используют эти вещи, надевая их на работу).

Раскулачивание в большей степени проводится методами военного коммунизма – отбирают у кулака все, вплоть до самых мелочей и, никуда не записывая, увозят, это вызывает нежелательное отношение колхозников.

... Часто это имущество не сдается в колхозы, а продается частным лицам».

(ОЦДНИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 192)

*Записка секретарю Омского Окружкома ВКП(б)
на партийной конференции (май, 1930 г.)*

Тов. Алексеев!

Ты говоришь, что хлебозаготовки выполнены на 100%. Это в то время, когда 30% крестьян северных районов пухнут от голода. В д. Бузунах (так в тексте. – *Ред.*) Саргатского района три семьи накануне голодной смерти, едят всякую пададь. Целый ряд деревень Тюкалинского, Называевского, в особенности Крутинского районов уже съели 25 лошадей, а после введения мероприятий о неразбазаривании скота они стали отравлять, главным образом, лошадей, а потом пададь употребляют в пищу.

А батраков и бедняков ввиду небывалого голода, в особенности в северных районах, бросают на произвол. Они бросают пожитки и идут в город. И их в город пришло не 8 тысяч, а десять раз по восемь, ибо они, главным образом, пошли на Урал. Массовые случаи бросания детей в городе – об этом тебе молчать не надо.

Отсюда вытекает тревожное положение с севом. Единоличниками будет засеяно не более 40% прошлогодней площади, на это закрывать глаза не надо, а что хуже всего, так это то, что о подобном сказать нельзя, т. к. куда-нибудь в сторону попадешь. Ведь до чего дело доходит: автор этой записки – ответственный работник, член ВКП(б) с 1918 года, не страдающий никакими уклонами, признаю генеральную линию ЦК в вопросах политики в деревне совершенно правильной, но линия Окружного Комитета в вопросах хлебозаготовок и перераспределения хлебозаготовок граничит с вредительством, вызывающим крестьян на восстание на почве голода.

(ОЦДНИ. Ф. 7. Оп. 6. Д. 3. Л. 161)

Справка о количестве выселенного кулачества (1931 год)

Совершенно секретно.

Тов. Андрееву.

1. В 1930 г. всего выселено 113.013 семейств – 551.330 человек.

2. В 1931 г. всего выселено 243.531 семейство – 1.128.198 человек.

Итого: за 1930 и 1931 гг. выселено 356.544 семейства – 1.679.528 человек.

Из них:

а) Выселено из других областей: 245.403 семейства – 1.157.077 человек.

б) Переселено внутри областей: 111.131 семейство – 522.541 человек.

Итого: 356.544 семейства - 1.679.528 человек.

3. Выселенные кулаки были вселены в следующие края:			
1) В Северный край	58.800	семейств –	288.560 человек
2) В Уральскую обл.	123.547	«-« –	571.355 «-«
3) В Казахстан	50.268	«-« –	241.331 «-«
4) В Зап.-Сибкрай	69.916	«-« –	316.883 «-«
5) В Вост.- Сибкрай	28.572	«-« –	138.191 «-«
6) В ДВК	9.694	«-« –	48.269 «-«
7) В Якутию (на Алдан)	1.366	«-« –	7.157 «-«
8) В Ленинградскую обл.	6.884	«-« –	31.466 «-«
9) В Нижегородский край	1.497	«-« –	6.316 «-«
10) В СКК	3.000	«-« –	15.000 «-«
11) В УССР	3.000	«-« –	15.000 «-«

Итого: 356.544 семейства – 1.679.528 человек.

(Россия. XX век. История России. 1917-1940. Челябинск. 1994. С. 262)

Из практики борьбы политотделов совхозов с врагами народа

*(Стенограмма совещания начальников политотделов)
2 октября 1933 г.*

Политотдел формировался во время работы комиссии крайкома и горкома ВКП(б) по чистке.

Козлов (совхоз неизвестен):

«Из совхоза было вычищено этой комиссией 95 человек: кулаков – 35, попов – 1, жандармов – 15 и целый ряд других. И, кроме того, поскольку началась чистка, то было уволено разных людей 280 человек. Таким образом, 280 человек было чуждых элементов в совхозе. Потом сам политотдел в период посевной кампании и уборочной выгнал 50 человек».

Судаков, Лузинский совхоз:

«Перехожу к вопросу классовой борьбы в совхозе, она проявляется на каждом участке. Мы выгнали 72 кулака. Такое количество составляет 20% ко всему составу...

Мы раскрыли явно контрреволюционную организацию, в состав которой входил человек, который подал заявление в партию, тогда как на самом деле он был махровый кулак».

(ОЦДНИ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Лл. 2, 27)

*Из выступления председателя Облисполкома
С.И. Евстигнеева на пленуме обкома ВКП(б)
19 декабря 1938 г.*

«Посмотрите, что получается. Председателей колхозов из 4 289 мы в 1938 г. сменили 1 366 человек, мы их выбросили за борт, правда, может быть, здесь часть негодных, попавшихся случайно, но одну тысячу триста с лишним человек выбросить из общей колеи, из общей суммы руководителей, а председатель колхоза – это же выборное лицо. Это же очень большой человек в советской системе».

... «Кадры надо учить, кадры надо беречь. Наряду с этим, негодных людей, врагов народа надо выкорчевывать, чтобы они не мешали. А партийная организация и прокуратура, и органы НКВД должны очистить окончательно от всех враждебных элементов наши организации и колхозы – это задача огромная, но преодолимая».

В связи с репрессиями в широких масштабах проводилась замена кадров хозяйственных, советских руководителей разных рангов. С 1 января 1938 г. по 10 февраля 1939 г. «выдвинуты» вместо смещенных работников:

директоров МТС – 40,
директоров совхозов – 34,
заведующих районо – 46,
председателей райисполкомов – 28,
райпрокуроров – 30,
народных судей – 25.

Всего за это время заменено 1.506 работников управленческого и административного звена. Основная причина – аресты по обвинению в антисоветской деятельности.

С октября 1937 г. по май 1938 г. в промышленности и на транспорте «выдвинуто» 1 083 новых работника взамен смещенных. Основная причина – та же.

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 126. Д. 215. Лл. 64, 65)

**Реализация правительственного постановления
«О борьбе с разбазариванием колхозных земель»**

К апрелю 1940 г. изъяты «излишки приусадебных земель»
у колхозников:

Большереченский район – 493,5 гектара

Горьковский «-« – 776,01 «-«

Кагановический «-« – 709,3 «-«

Тюкалинский «-« – 3 024,2 «-«

Знаменский «-« – 3 631,8 «-«

и т. д.

По области передано к полевым землям колхозов 17 120, 9 гектара. На «пополнение приусадебного фонда» колхозов передано 5 709 гектаров земли, отрезанной от приусадебных участков колхозников.

Предавали суду председателей колхозов «за разбазаривание» земли. В Саргатском районе председатель колхоза им. Чапаева Оседлов давал внеусадебную землю 23-м колхозникам. Председатель колхоза «Ударник» Новиков давал землю 15-ти колхозникам. Председатель колхоза «Коммунист» Казаченко разрешал единоличникам заготавливать сено на землях колхоза. В Горьковском районе председатель колхоза им. Ворошилова Юдкин сдавал в аренду 50 гектаров сенокоса колхозу «Дружба» за 15 центнеров зерна. Председатель колхоза им. Калинина Ковалев сдал 200 гектаров земли колхозу им. РККА и т. д.

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 4. Л. 50. Д. 174. Лл. 109-110)

*Заместителю Председателя Совета Министров Союза ССР
Товарищу Берия Л.П.*

В 1946 и 1947 годах постановлениями Совета Министров СССР по ходатайствам Обкомов ВКП(б) и Облисполкомов Советов депутатов трудящихся из спецпоселений освобождено 115 695 семей (326 611 человек) бывших кулаков.

В настоящее время на спецпоселении осталось 82 440 семей (231 287 человек) бывших кулаков...

... Большая часть спецпереселенцев бывших кулаков объединена в сельхозартели, которые добились значительных успехов в работе по сельскому хозяйству.

Во время Отечественной войны спецпереселенцы принимали активное участие во всех хозяйственных и политических мероприятиях, проводимых Партией и Правительством.

Из числа бывших кулаков ... в годы Великой Отечественной войны было призвано в Советскую армию 24 700 человек; награждено орденами и медалями Союза ССР более 2 700 человек, из них 5 Героев Советского Союза.

Учитывая коренные изменения, произошедшие среди большинства спецпереселенцев – бывших кулаков – в отношении к советской власти и к участию в хозяйственной жизни страны, Министерство Внутренних Дел СССР считает возможным освободить оставшихся на спецпоселении бывших кулаков...

Министр Внутренних Дел СССР С. Круглов

*(Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары.
М. 1992. Т. 1. С. 266-267)*

НА КУЛАЕ

1.

Эх, Россия! До крика, до боли, до слез!
Ты порою бываешь, как мачеха, злая.
Поминальные свечи октябрьских берез
Все горят, не сгорая, на землях Кулая.
Сколько деток твоих в этой топкой земле,
Виноватых лишь в том, что работали много.
Были дети в тепле, был и хлеб на столе,
Потому что не жили без Бога.
Все быльем поросло... Здесь никто не живет.
Но как сильно сердца занозило!
Закипает слеза... Нас несет вертолет
Над огромною братской могилой.

2.

Здесь осеннюю порой
Дождик льется не водой,
А слезами по-над хлебом,
Что замешен был с корой.

Между елок и берез
Здесь не бродит Дед Мороз:
На Кулае бродят души
Тех, кто здесь в снегах замерз.

Где кустарник и осот,
Не весна-красна идет,
Лишь скользят несчастных тени,
Что не вышли из болот.

Лето-лето! Травы – в рост!
За погостом рос погост...
И сегодня на Кулае
Мудрый Сталин выше звезд.

3.

Между елями и березами
Вел конвой по сугробам, лют...

И тащился в тайгу обозами
Православный, безвинный люд.
С малышами, легко одетыми
Шли... гремел револьверный лай.

... И лежат они неотпетыми
На таежной реке Кулай.
В шуме ветра услышь стенание,
Боль почувствуй, взглянув окрест.

Запоздалое покаяние –
Православный поклонный крест.

4.

С Лениным в башке...

В. Маяковский

Не бунтари, не конокрады.
Перед странюю виноваты
В том, что дождю бывали рады
Над полем вешнею порой.
Изба, конечно, не палаты.
Но были верою богаты.

Да, был в стране и до блокады
Тот хлеб – с травою и корой.
Его пекли в краю болотном
На гибель сирым и голодным,
Не людям, а теням бесплотным.

У тех, что их сюда вели,
В башке был Ленин. Ну, а в сердце?
Была б любовь, так, может, немцы
До Ленинграда не дошли.

5.

Мы идем сквозь револьверный лай...

В. Маяковский

Они сулили рай.
Но есть ли рай без Бога?
...Хранит таежный край
Трагедию до срока.

Скрыл под дурной травой
Барака страшный остов,
Не выдал ни тропой
Забытого погоста.
Но чтоб явить в свой час
Свидетельства и знаки,
Чтоб заболели в нас
Погосты и бараки.

За что ты полегла,
Крестьянская Россия?

Горчит идей зола,
И проклят их мессия.
Горячие умы
Господь остудит строго.
И убедимся мы,
Что рая нет без Бога.

6.

Лишь только ветер пролетит,
Да вертолет протарахтит,
И – тишина окрест.
Здесь ни тропинки, ни жилья,
Лишь только топкая земля...
Тоска пустынных мест,
И страх, он здесь густой такой,
Что можно ощутить рукой.
Ударит ветер злей...
Да, здесь полвека не живут,
Но словно избавленья ждут
Лежащие в земле.

Конечно, лучше просто жить,
Не окликать, не ворошить,
Но средь болот, скорбя,
Когда от боли – не вздохнуть,
На память, как на крестный путь,
Сам обречешь себя.

*Кулай - Тара
10-11 октября 2007 г.*

РАСПРАВА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР № 00447

30 июля 1937 г.

гор. Москва

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмек, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – ското-конокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др., отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим

ПРИКАЗЫВАЮ

с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. В Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР операцию начать с 10 августа с. г., а в Даль-

невосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области – с 15 августа с. г.

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

I. Контингенты, подлежащие репрессии

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, итихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжавшие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воров-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне, – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе – на промышленных, торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О мерах наказания репрессируемых и количестве подлежащих репрессиям

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрению их дел на тройках – РАССТРЕЛУ.

б) Ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них - заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленных вами учетных данных утверждаю Вам следующее количество подлежащих репрессии:

Первая категория Вторая категория Всего

1. Азербайджанская ССР 1 500 3 750 5 250

...26. Дальне-Восточный край 2 000 4 000 6 000

27. Западно-Сибирский край 5 000 12 000 17 000

...30. Восточно-Сибирский край 1 000 4 000 5 000

...41. Омская область 1 000 2 500 3 500

...45. Свердловская область 4 000 6 000 10 000

...47. Челябинская область 1 500 4 500 6 000

... Лагеря НКВД 10 000 - 10 000

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессируются.

Исключения составляют:

а) семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи с особого решения тройки подлежат водворению в лагеря или трудпоселки;

б) семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев, областей;

в) семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. Порядок проведения операции

1. Операцию начать 5 августа 1937 г. и закончить в четырехмесячный срок.

В Туркменской, Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР операции начать 10 августа с. г., а в Восточно-Сибирской области, Красноярском и Дальневосточном краях – с 15 августа с. г.

2. В первую очередь подвергаются репрессии контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, впредь до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются.

В том случае, если нарком республиканского НКВД, начальник Управления или Областного отдела НКВД, закончив операцию по контингентам первой категории, сочтет возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй категории, он обязан прежде, чем к этой операции фактически приступить, запросить мою санкцию и только после получения ее начать операцию.

В отношении всех тех арестованных, которые будут осуждены к заключению в лагеря или тюрьмы на разные сроки, по мере вынесения

приговоров доносить мне, сколько человек, на какие сроки тюрьмы или лагеря осуждено. По получении этих сведений я дам указания о том, каким порядком, в какие лагеря осужденных направить.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации и проведения операции по каждому сектору формируется оперативная группа, возглавляемая ответственным работником НКВД республики, краевого или областного Управления НКВД, могущим успешно справиться с возлагаемыми на него серьезными оперативными задачами. В некоторых случаях начальниками оперативных групп могут быть назначены наиболее опытные и способные начальники районных и городских отделений.

4. Оперативные группы укомплектовать количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

В соответствии с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров в исполнение.

Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому Внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

Нарком Внутренних Дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск.

Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монетах, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

8. Арестованные сосредотачиваются в пунктах по указаниям Наркомов Внутренних Дел, начальников управлений или областных Отделов НКВД. В пунктах сосредоточения арестованных должны иметься помещения, пригодные для размещения арестованных.

9. Арестованные строго окарауливаются. Организуются все мероприятия, гарантирующие от побегов или каких-либо эксцессов.

IV. Порядок ведения следствия

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится в ускоренном и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

VI. Организация и работа троек

1. Утверждаю следующий персональный состав тройки

Председатель члены

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведет свою работу или находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД, или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по 2 категории, - к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, - ко второй.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесение ими приговора в отношении каждого осужденного.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного.

VII. Порядок приведения приговоров в исполнение

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т. е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговора в исполнение являются – заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание, за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

Документы об исполнении приговора приобщаются ... к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГом НКВД СССР.

VII. Организация руководства операцией и отчетность

1. Общее руководство проведением операций возлагаю на моего заместителя – начальника главного управления госбезопасности комкора тов. Фриновского.

Для проведения работы, связанной с руководством операцией, сформировать при нем специальную группу.

2. Протоколы троек по исполнению приговоров немедленно направлять начальнику 8 Отдела ГУГБ НКВД СССР с приложением учетных карточек по форме № 1.

На осужденных по 1 категории одновременно с протоколом и учетными карточками направлять также и следственные дела.

3. О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20, и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробной почтой.

О всех вновь вскрытых в процессе проведения операций контрреволюционных формированиях, возникновении эксцессов, побегах за кордон, образовании бандитских и грабительских групп и других чрезвычайных происшествий доносить по телеграфу немедленно.

При организации и проведении операции принять исчерпывающие меры к тому, чтобы не допустить перехода репресслируемых на нелегальное положение; бегства с мест жительства и особен-

но за кордон; образования бандитских и грабительских групп, возникновения каких-либо эксцессов.

Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий.

*Народный комиссар Внутренних Дел СССР
Генеральный Комиссар Государственной Безопасности Н. Ежов
(Россия. XX век. История России. 1917-1940. Хрестоматия. Челябинск. 1994. С. 294-299)*

ИЗ ПРОТОКОЛА № 51 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б)

31 июля 1937 г. Строго секретно

1. Утвердить представленный НКВД проект оперативного приказа о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов...

5. Отпустить НКВД из резервного фонда СНК на оперативные расходы, связанные с проведением операции, 75 миллионов рублей...

12. Предложить обкомам и крайкомам ВКП(б) и ВЛКСМ тех областей, где организуются лагеря, выделить в распоряжение НКВД необходимое количество коммунистов и комсомольцев для укомплектования кадров административного аппарата и охраны лагерей (по заявкам НКВД).

13. Обязать Наркомат обороны призвать из запаса РККА 240 командиров и политработников для укомплектования кадров начсостава военизированной охраны вновь формируемых лагерей.

14. Обязать Наркомздрав выделить в распоряжение ГУЛАГа НКВД для вновь организуемых лагерей 150 врачей и 400 фельдшеров.

15. Обязать Наркомлес выделить в распоряжение ГУЛАГа 10 крупных специалистов по лесному хозяйству и передать ГУЛАГу 50 выпускников Ленинградской Лесотехнической академии.

*Секретарь ЦК Сталин.
(Россия. XX век. История России. 1917-1940.
Хрестоматия. Челябинск, 1994. С. 299-300)*

**ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ № 00486
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР**

15 августа 1937 г. г. Москва

С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 г.

При проведении этой операции, руководствуйтесь следующим:

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ:

1) В отношении каждой намеченной к репрессированию семьи производится тщательная ее проверка, собираются дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании собранных материалов составляются:

а) подробная общая справка на семью с указанием: фамилии, имени и отчества осужденного главы семьи, за какие преступления, когда, кем и какому наказанию подвергнут; именной список состава семьи (включая всех лиц, состоявших на иждивении осужденного и вместе с ним проживавших), подробные установочные данные на каждого члена семьи; компрометирующие материалы на жену осужденного; характеристики в отношении степени социальной опасности детей старше 15-летнего возраста; данные о наличии в семье престарелых и нуждающихся в уходе родителей, наличии тяжело или заразнобольных, наличии детей, по своему физическому состоянию требующих ухода;

б) отдельная краткая справка на социально-опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста;

в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

2) Справки рассматриваются соответственно наркоматами внутренних дел республик и начальниками управлений НКВД краев и областей. Последние:

а) дают санкцию на арест и обыск жен изменников родины;

б) определяют мероприятия в отношении детей арестуемой;

в) указывают мероприятия в отношении родителей и других родственников, состоявших на иждивении осужденного и совместно с ним проживающих.

ПРОИЗВОДСТВО АРЕСТОВ И ОБЫСКОВ

1) Намеченные к репрессированию арестовываются. Арест оформляется ордером.

2) Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста.

Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным, к моменту его ареста, в разводе, но:

а) причастные к контрреволюционной деятельности осужденного;

б) укрывавшие осужденного;

в) знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти.

3) Аресту не подлежат:

а) беременные; жены осужденных, имеющие грудных детей, тяжело- или заразобольные; имеющие больных детей, нуждающихся в уходе; имеющие преклонный возраст.

В отношении таких лиц временно ограничиваться отображением подписки о невыезде с установлением тщательного наблюдения за семьей;

б) жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей.

в) Одновременно с арестом производится тщательный обыск. При обыске изымаются: оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы (шапирографы, стеклографы, пишущие машинки и т. п.), контрреволюционная литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы.

4) Все имущество, лично принадлежащее арестованным (за исключением необходимых белья, верхнего и нижнего платья, обуви и постельных принадлежностей, которые арестованные берут с собой), - конфискуется. Квартиры арестованных опечатываются.

В случаях, когда совместно с арестованным проживают их совершеннолетние дети, родители и другие родственники, то им, помимо их личных вещей, оставляется в пользование необходимые: жилая площадь, мебель и домашняя утварь арестуемых.

5) После производства ареста и обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. ...Порядком, указанным ниже, вывозятся и дети.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ ДЕЛ

1) На каждую арестованную и на каждого социально опасного старше 15-тилетнего возраста, заводится следственное дело, в которое помимо установленных документов, помещают справки (см. пп. «А» и «б» ст. 1.) и краткое обвинительное заключение.

2) Следственное дело направляется на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР.

Начальникам управления НКВД по Дальневосточному и Красноярскому краям и Восточно-Сибирской области, следственных дел на арестованных по Особому Совещанию – не высылать. Вместо этого сообщать по телеграфу общие справки на семьи осужденных (пункт «а», ст. 1), которые и будут рассматриваться Особым Совещанием. Последнее свои решения по каждой семье с одновременным указанием места заключения (лагеря) сообщает начальникам перечисленных УНКВД по телеграфу.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ И МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

1) Особое Совещание рассматривает дела на жен осужденных изменников родины и тех их детей старше 15-тилетнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий.

2) Жены осужденных изменников родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5-8 лет.

3) Социально опасные дети осужденных в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик.

4) Приговоры Особого Совещания сообщаются для приведения их в исполнение Наркомам республиканских НКВД краев и областей по телеграфу.

5) Следственные дела сдаются в архив НКВД СССР.

ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

1) Осужденных Особым Совещанием жен изменников родины направлять для отбытия наказания в специальное отделение Темниковского исправительно-трудового лагеря, по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД СССР. Направление в лагеря производить существующим порядком.

2) Осужденные жены изменников родины, не подвергнутые аресту в силу болезни или наличия на руках больных детей, по выздоровлении арестовываются и направляются в лагерь.

Жены изменников родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь.

Так же поступать и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст.

3) Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй группы и АХУ НКВД СССР – для третьей группы.

РАЗМЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

1) Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать:

а) детей в возрасте от 1 – 1,5 лет и до 3-х полных лет – в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительство осужденных;

б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет – в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов.

2) В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально. В зависимости от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом, или возможностей проживания на иждивении родственников, такие дети могут быть:

а) направлены в детские дома Наркомпросов республик в соответствии с п. «б» ст. 19;

б) направлены в другие республики, края и области (в пункты, за исключением перечисленных выше городов) для трудового устройства или определения на учебу.

3) Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижению возраста 1-1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик.

4) Дети в возрасте от 3 до 15 лет принимаются на государственное обеспечение.

5) В том случае, если оставшихся сирот пожелают взять другие родственники (не репресслируемые) на свое полное иждивение – этому не препятствовать.

ПОДГОТОВКА К ПРИЕМУ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ДЕТЕЙ

1) В каждом городе, в котором будет производиться операция, специально оборудуются:

а) приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам;

б) специально организуются и оборудуются помещения, в которых будут содержаться до решения Особого Совещания социально опасные дети.

Для указанных выше детей используются, там где они имеются, детские приемники отделов трудовых колоний НКВД.

2) Начальники органов НКВД пунктов, где расположены детские дома Наркомпросов, предназначенные для приема детей осужденных, совместно с заведующими или представителями ОБЛОНО производят проверку персонала домов и лиц: политически неустойчивых, антисоветски настроенных и разложившихся увольняют. Взамен уволенного персонала домов доукомплектовывается проверенным, политически надежным составом, могущим вести учебно-воспитательную работу с прибывающими детьми.

3) Начальники органов НКВД определяют, в каких детских домах и яслях Наркомздравов можно разместить детей до 3-х летнего возраста, и обеспечивают немедленный и безотказный прием этих детей.

4) Наркомы внутренних дел республик и начальники управлений НКВД краев и областей сообщают по телеграфу лично заместителю начальника АХУ НКВД СССР тов. ШНЕЕРСОНУ именные списки детей, матери которых подвергаются аресту. В списках должны быть указаны: фамилия, имя, отчество, год рождения ребенка, в каком классе учится. В списках дети перечисляются по группам, комплектуемым с таким расчетом, чтобы в один и тот же дом не попали дети, связанные между собой родством или знакомством.

5) Распределение детей по детским домам производит заместитель начальника АХУ НКВД СССР. Он телеграфом сообщает наркомам республиканских НКВД и начальникам управлений НКВД краев и областей, каких детей и в какой дом направить. Копию телеграммы посылает начальнику соответствующего детского дома. Для последнего эта телеграмма должна явиться основанием к приему детей.

6) При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами (свидетельства о рождении, ученические документы) в сопровождении специально на-

ряженных в состав группы производящей арест сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся:

а) дети до 3-х летнего возраста в детские дома и ясли Наркомздоров;

б) дети от 3-х и до 15-летнего возраста – в приемно-распределительные пункты;

в) социально опасные дети старше 15-тилетнего возраста – в специально предназначенные для них помещения.

ПОРЯДОК ОТПРАВКИ ДЕТЕЙ В ДЕТСКИЕ ДОМА:

1) Детей на приемно-распределительном пункте принимает заведующий пунктом или начальник детского приемника ОТК НКВД и специально выделенный оперработник (работница) УГБ.

Каждый принятый ребенок записывается в специальную книгу, а документы его запечатываются в отдельный конверт.

Затем дети группируются по местам назначения и в сопровождении специально подобранных работников отправляются группами по детским домам Наркомпросов, где и сдаются вместе с их документами заведующему домом под личную его расписку.

2) Дети до 3-х летнего возраста сдаются лично заведующим детскими домами или яслями Наркомздоров под их личную расписку. Вместе с ребенком сдается и его свидетельство о рождении.

УЧЕТ ДЕТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

1) Дети осужденных, размещенные в детских домах и яслях Наркомпросов и Наркомздоров республик, учитываются АХУ НКВД СССР.

Дети старше 15-тилетнего возраста и осужденные социально опасные дети учитываются в отделе ГУГБ НКВД СССР.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ДЕТЬМИ ОСУЖДЕННЫХ

1) Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на Наркомов Внутренних Дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей.

ОТЧЕТНОСТЬ

1) О ходе операции доносить мне трехдневными сводками по телеграфу. О всех эксцессах и чрезвычайных происшествиях немедленно.

2) Операцию по репрессированию жен уже осужденных изменников родины закончить к 25/Х с/г.

3) Впредь всех жен избличенных изменников родины, право-троцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями, руководствуясь порядком, устанавливаемым настоящим приказом.

ИМЕНЕМ ПАРТИИ

Начало плановых репрессий против народа заложили партийные решения о насильственной коллективизации и ликвидации кулачества. В последующие годы «большого террора» массовыми репрессиями руководила партия. Политбюро, Сталин и его ближайшее окружение устанавливали план («лимит») на расстрел и направление людей в концлагеря. «Лимит» устанавливался для каждой области, края, республики. Всемирная история такого планомерного истребления людей еще не знала. Только Гитлер придет к плановому истреблению населения, в том числе «окончательному решению еврейского вопроса». В системе гитлеровских концлагерей будет разработана и применена технология уничтожения людей. И все это будет признано Международным военным трибуналом преступлением против человечества. И только преступления сталинского режима по плановому истреблению соотечественников не получают ни международного, ни российского юридического осуждения.

По планам партии велся организованный расстрел и пополнялись концлагеря. По указанию высших партийных органов применялись пытки, с помощью которых следователи выбивали нужные «признания» у обвиняемых. Во имя партии людей вынуждали давать ложные показания, клеветать, доносить, отречься от друзей, родственников и близких.

Арестованный заведующий отделом учебных заведений Омского обкома ВКП(б) В. Голосов описал один из приемов допросов на следствии. Следователь требовал от него, как от партийного работника, сознательной клеветы во имя дела партии. «Ты должен пойти на клевету, в данных условиях это необходимо партии. Ты будешь жертва, но во имя чего? Во имя интересов партии. Мы, партийная часть управления, ждем этого от тебя, так решено». И в другом случае повторяется это же требование: «... Я вдруг неожиданно для себя услышал следующее заявление Пешкова (следователя. – Авт.): «Голосов, неужели ты не можешь понять, что тебе надо врать, клевета нужна для разгрома право-троцкистской организации. Врать в интересах партии». И еще обоснование этого требования о клевете – так нужно во имя классовых интересов. «Неужели ты не можешь понять, что твоя клевета в данной политической обстановке есть классовая правда, что врать ты будешь в интересах партии». Очень убедительное обличение партийных приемов «выявления» борьбы с врагами народа.

Жестокими приемами пыток и фальсификацией протоколов допросов следователи подтверждали свою преданность замыслам партии по выявлению и уничтожению врагов народа. Многочисленные свидетельства людей, уцелевших от расправы, подтверждают это. Сохранились свидетельства бывшего председателя Омского облисполкома С. С. Кондратьева о фальсификации протоколов его допросов, во время которых он якобы рассказывал о развернутой контрреволюционной деятельности в Омской области вместе с секретарем обкома Д. Булатовым.

Вся партия, каждая ее местная организация были подняты на выискивание и уничтожение «врагов народа». Соучастником преступлений сталинское руководство делало всю партию.

Уже в июне 1937 г. на областной партийной конференции Омская областная парторганизация каялась в том, что до сих пор еще не вела активного разоблачения врагов народа. В постановлении конференции отмечалось: «В практике работы обкома ВКП(б), его бюро и ряда партийных организаций области (Тобольск, Тюмень, Омск и др.) было допущено притупление политической бдительности. Обком ВКП(б) и областная партийная организация своевременно не разоблачили врагов народа – Подгайца, Фуфрянского, Угланова и других троцкистско-правых изменников. В духе требований Сталина и пленума ЦК ВКП(б) Омская областная партийная конференция приняла соответствующее решение. Главной задачей провозглашалось всемерное развертывание борьбы с врагами народа, преодоление последствий вредительства. На омской земле еще шире развертывался массовый террор. Без всякого преувеличения и подозрений в «перечеркивании истории» надо признать, что партийная организация, как и вся партия, стала организатором массового террора. В условиях сталинского режима иначе и быть не могло. Этот режим устранял все и всех, кто мог составить оппозицию и противостоять ему. Устранял беспощадно.

Начальник Омского областного управления НКВД на пленуме обкома партии 4-7 октября 1937 г. говорил, что партийному активу известно о той кампании, которая по указанию ЦК проводится по «изъятию» бывших кулаков, офицеров, оппозиционеров и др. На этот счет была получена телеграмма за подписью Сталина. В Омске подготовили «заявку» – просили разрешить изъять одну тысячу человек. Этого показалось мало. Немного позднее управление НКВД обвинило Булатова в нежелании выполнить указание Сталина. Д. Булатов в свое оправдание говорил по этому поводу

на октябрьском пленуме: «О кулаках. Когда пришла телеграмма из ЦК, меня в Омске не было, ждал приема Сталина или был в дороге, но когда я приехал сюда, Фомин (второй секретарь обкома. – Авт.) сказал, что есть телеграмма ЦК, Салынь (начальник УНКВД. – Авт.) ее подрабатывает». Омская заявка оказалась небольшой – «всего» тысяча человек. Пришлось исправлять. Был арестован и расстрелян начальник УНКВД Салынь. Затем начнется расправа с руководством обкома и облисполкома.

В августе 1937 г. Сталин оставил личное свидетельство своего участия в планировании расстрелов в Омской области. На просьбу нового начальника областного управления НКВД Горбача увеличить «лимит на расстрел до 8 тысяч» наложена резолюция: «За увеличение лимита до 9 тысяч». И подпись: «И. Сталин».

Омская тройка наращивала скорострельность. Среди своих ошибок в борьбе с врагами народа Д. Булатов назвал и такую – медленное рассмотрение дел. Он говорил на пленуме: «О рассмотрении дел – у меня никакого расхождения в оценке нет, медленно рассматривали. Ошибка. В два часа мы рассматривали 100-80 человек, а потом уже когда набили руку, до 100 человек пропускали. Я же не мог систематически посещать заседания комиссии (вероятно, имеется в виду тройка. – Авт.) и чувствовал, что из этого могут сделать политические выводы. Нужно хлеб убирать, надо было помогать, то бензину нет, то покрышек, нужно было включаться в это дело, и на одном из заседаний я сказал, какая судьба этих семей» (в которых расстреливали главу семьи). Что и говорить, расстрельные дела стояли на первом месте. Тут уж не до забот об уборке хлеба. Времени на это не хватало.

Между тем уже тысячи омичей прошли через руки кровавой тройки, первые протоколы которой подписал первый секретарь обкома партии Булатов.

В первом протоколе, подписанном тройкой 5 августа 1937 г., названы 213 фамилий. К расстрелу приговорены 144 человека. В протоколе № 10 от 2 сентября 1937 г. тройка уже вынесет свой приговор 429 осужденным, из них к расстрелу приговорены 317. А после смещения Булатова тройка наверстает «упущения». Руку набили на кровавом деле так, что 10 октября подписали протокол № 31, в котором названы 1 301 человек. Из них к расстрелу приговорены 937. Потом будут протоколы, в которых под кровавую руку тройки сразу попадут по 500, 600, 700 человек. 25 октября 1937 г. в протоколе № 34 будет названо 842 человека, из них к расстрелу приговорены 764. А всего в

1937 г. омская тройка подпишет 50 протоколов. В них названо около 17,2 тыс. человек, из них к расстрелу приговорены около 11,1 тыс.

Только в августе 1937 г. тройка подписала 9 протоколов, в которых названы 1 664 человека, из них к расстрелу приговорены 1241. В сентябре будет подписано 19 протоколов. В них перечислены имена 4388 человек, из которых к расстрелу приговорены 2955. Так после подписания Сталиным нового «лимита» ускорялась скорострельность омской тройки. Но сталинскому руководству и этого было мало. Булатова упрекали в «либерализме», в неспособности выполнять требования Сталина по «выкорчевыванию» врагов народа.

В октябре, уже после Булатова, омские большевики, как это и призывала «Правда», заговорят полным голосом. Перед тройкой пройдут 5 812 человек, из них к расстрелу будут приговорены 3627. Волна репрессий покатится дальше.

Едва были исчерпаны «лимиты» за 1937 г., как 31 января 1938 г. политбюро за подписью Сталина направило Ежову очередное задание на расстрелы и направления в концлагеря. Для Омской области очередной «лимит» составил: по «первой категории», т. е. на расстрел – 3 тыс. человек. По «второй категории» (в концлагеря) – 2 тыс. Этот «лимит» в Омской области выбрали очень оперативно.

В 1938 г. тройка «работала» с некоторыми перебоями. В январе 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии и рассмотрении апелляций исключенных. Как и во время коллективизации, исправлялись «перегибы», снова были найдены «головотяпы». Был расстрелян и нарком Н. Ежов.

В 1938 г. первое заседание тройки состоялось 3 января. Подписан протокол № 51. Из 211 обвиняемых приговорены к расстрелу 196. Затем наступил перерыв в кровавой деятельности тройки. Продумывали постановление ЦК «об ошибках» при исключении из партии и рассмотрении жалоб. А они пошли потоком от тех, кто еще находился в застенках и кого тройка не успела приговорить. Многие освободили.

Заседания тройки возобновились 4 марта 1938 г. В этот день подписан протокол № 52. В нем названы имена 646 обвиняемых. К расстрелу приговорены 576. В марте состоялось еще семь заседаний тройки. Подписаны протоколы с № 52 по № 58. «Рекордным» в 1938 г. стал протокол № 58 от 15 марта. В нем названы фамилии 1014 обвиняемых. К расстрелу приговорены 537 человек.

Утвержденный Центральным Комитетом «лимит» омская тройка выбрала к концу марта. За три месяца перед тройкой прошли 5,2 тыс. человек, из них по «первой категории», т. е. к расстрелу приговорены 3231 человек. Плановое задание перевыполнено. До июня тройка прекратила заседания.

Далее имеется свидетельство работника УНКВД: «В июне месяце 1938 г. снова начала действовать тройка (было получено разрешение на дополнительные 1000 человек исключительно по первой категории» (т. е. на расстрел). И в течение месяца тройка выполнила этот новый план. В протоколе № 59 от 10 июня 1938 г. названы 313 человек. Все приговорены к расстрелу. На следующий день 11 июня подписан протокол № 60. Названы 287 человек. Все – к расстрелу. Затем 27 июня подписан протокол № 61. В нем значатся 400 фамилий. Все – к расстрелу. Итак, к расстрелу в июне приговорен 931 человек. Где-то хранятся документы, которые продолжают статистику расстрелов по «лимитах» центра.

Плановым убийством людей насаждалась психология всеобщего страха перед режимом, воспитывалась покорность и безропотное повиновение этому режиму.

И пытки в застенках НКВД проводились по предписанию партии. На письма уцелевших от расправы узников НКВД о пытках ответил Сталин. Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД 10 января 1939 г. направлена телеграмма. «... ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». Телеграмма подписана Сталиным.

Оправдали себя... Допустимые... Правильные методы...

А при таких «методах» легко добивались «признания» невинных людей, которых и объявляли «отъявленными врагами народа», а по их лжесвидетельствам арестовывали и пытали других.

И пытали. В сталинском стиле – не взирая на лица. Секретаря Омского обкома ВКП(б) пытали в Москве. Пытали так, что его нельзя было узнать. Других руководителей Омской области, арестованных в 1937-1938 гг., пытали омские следователи.

Один из работников Тарского НКВД в связи с привлечением к ответственности рассказал, как его инструктировали по части составления протоколов допроса. «... При личном допросе, если ты убежден, что он враг и не сознается, нужно всеми средствами заставить добиться признания, вплоть до того, что дать подписать ему готовый протокол. Когда Канзычаков (следователь. – Авт.) спросил: «А как?», я сказал: «Прочитай одно, а дай расписаться, что нужно по делу».

В другом случае следователь областного управления НКВД инструктировал: «Вы долго не возитесь. Допросил, что нужно, чтоб он признал в деле, протокол подsunул и все». Имеются еще и еще свидетельства такого рода фальсификаций в «признаниях» обвиняемых. Так и исполнялись установки ЦК партии о применении методов «физического воздействия».

По «теории» вождя классовая борьба по мере продвижения к социализму обострялась. Следствие подтверждало это выявлением громадного количества врагов народа.

**Приказ
народного комиссара Внутренних дел Союза ССР
за 1938 год**

*Содержание: Об образовании Особых троек
для рассмотрения дел на арестованных
в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.
17 сентября 1938 г., гор. Москва.*

1. В целях быстрейшего рассмотрения следственных дел (...) создать при управлениях НКВД краев и областей Особые тройки, на которые и возложить рассмотрение указанных дел.

2. Особые тройки образовать в составе: первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартии, начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края республики.

В Украинской и Казахской ССР и Дальневосточном крае Особые тройки образовать по областям.

3. Особые тройки рассматривают дела в отношении лиц, арестованных только до 1 августа 1938 г., и заканчивают работу в двухмесячный срок.

4. Дела на всех лиц, указанных нац. к-р контингентов, арестованных после 1 августа 1938 г., направлять для рассмотрения в соответствующие судебные органы по подсудности (военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегия Верховного суда), а также на Особое совещание НКВД СССР.

5. Особые тройки не рассматривают дел на иностранных подданных. Эти дела подлежат направлению в 3 отдел 1 управления НКВД СССР для рассмотрения в Центре и направления по подсудности.

6. Особые тройки рассматривают дела УНКВД (НКВД), а также ДТО НКВД и третьих отделов лагерей НКВД, находящихся в месте расположения соответствующих УНКВД (НКВД).

7. Особые тройки выносят приговора в соответствии с приказом НКВД № 00485 от 25 августа 1937 г. по первой и второй категориям, а также возвращают дела на доследование и выносят решения об освобождении обвиняемых из-под стражи, если в делах нет достаточных материалов для осуждения обвиняемых.

8. Решения Особых троек по первой категории приводить в исполнение **НЕМЕДЛЕННО**.

9. Особые тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые записывают вынесенные ими решения в отношении каждого осужденного. По каждой национальной линии (польской, немецкой, латышской и т. д.) ведутся отдельные протоколы. Протоколы подписываются в 2-х экземплярах всем составом тройки. Один экземпляр протокола направлять в 1 специальный отдел НКВД СССР.

10. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного в отдельности. По исполнении приговоров, как по первой, так и по второй категориям, дела немедленно направлять в 1 специальный отдел НКВД СССР.

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный Комиссар государственной безопасности Ежов

О применении «физического воздействия» в НКВД

Из телеграммы ЦК местным партийным органам и НКВД

10 января 1939 г.

«... ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)...

... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спра-

шивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Секретарь ЦК Сталин

Расправа над политическими ссыльными

(обзор протоколов внесудебной тройки 1937-1938 гг.)

В середине 30-х годов в Сибири оказалось немало политических ссыльных, отправленных сюда в порядке «очистки» или «по изоляции». Крупные партии политических ссыльных последовали в Сибирь после убийства Кирова.

Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением от 26 января 1935 г. наметило программу расправы с «зиновьевцами», которых Сталин и обвинял в организации убийства Кирова. В постановлении «О зиновьевцах» говорилось: «а) выслать из Ленинграда 663 зиновьевца на 3-4 года; б) группу бывших оппозиционеров, членов партии в количестве 325 человек откомандировать из Ленинграда на работу в другие районы».

Как вошло в практику, задания партии выполнялись. В январе-феврале 1935 г. НКВД выселило из Ленинграда 843 бывших «зиновьевца». Так без всяких оснований чинили расправу с негодными людьми. В «порядке изоляции» была проведена кампания выселения подозреваемых в оппозиции людей из Москвы и других городов.

За этим последует продолжение. 26 мая 1936 г. «опросом» членов Политбюро принято решение и за подписью Сталина направлено на места к исполнению: «Ввиду непрекращающейся контрреволюционной деятельности троцкистов предложить НКВД СССР направить в отдаленные концлагеря сроком от 3 до 5 лет троцкистов, находящихся в ссылке и режимных пунктах, и троцкистов, исключенных из ВКП(б)...». Таким образом, вслед за «зиновьевцами» в ссылку пошли из «режимных городов» бывшие троцкисты и другие подозреваемые в оппозиционности члены партии. Без суда. Ссылали негодных инакомыслящих.

В 1937-1938 гг. для этих людей начинался следующий круг преследований. Этим людям обвиняли в антисоветской деятельности, в контрреволюционной пропаганде. Теперь их отправляли в концлагеря или на расстрел.

А обвинения ссыльных представляли целый букет контрреволюционных деяний. Например, в обвинении Лукерьи Васильевны Левиной говорилось: «выслана из Москвы по изоляции», теперь «состояла членом повстанческой организации, вела к.-р. агитацию против существующего строя, высказывала террористические настроения, дискредитировала в оскорбительной форме вождей ВКП(б), восхваляла расстрелянных врагов народа Тухачевского и других, выражала сочувствие фашистам, распространяла к.-р. провокационные слухи о войне». Отправлена на 10 лет в ИТЛ. При таком наборе обвинений можно принимать любое решение...

Немало политических ссыльных этой «волны» находилось в Омской области. В 1937 г. секретарь обкома партии Д. Булатов заявил, что в области находится около 600 политических ссыльных из числа бывших меньшевиков, эсеров и представителей других партий. Перед НКВД ставилась задача «выявить» их антисоветскую деятельность.

И выявляли...

Расправу чинили по решению внесудебной тройки. Уже в первом протоколе от 5 августа 1937 г. названы имена многих ссыльных. Немало ссыльных эсеров находилось в Тобольском округе. Поскольку этот район входил в состав Омской области, сюда и закидывало свои сети областное управление НКВД. В первом протоколе тройки с номера 38 по номер 56 названы участники некой эсеровской организации. Из 19 обвиняемых к расстрелу приговорены 17. Среди них Колосов Евгений Евгеньевич, Гумелев-Мухортов Илья Александрович, Колосова Валентина Павловна. Приговорены к расстрелу дочь и сын члена ЦК партии эсеров Елена и Илья Михайловичи Гендельсоны, член Бунда Светицкий Айзик Абрамович и др.

Следствие считало для себя «удобным» приобщить к каждой группе «выявленных» врагов из числа политических ссыльных других людей. Так, «попутно» к группе эсеров присоединены 15 человек по обвинению в связях с организацией ссыльных. Среди них Будакова Зинаида Алексеевна, Сангородская Анна Ароновна, Будаков Прокопий Евдокимович, Бударин Иван Васильевич, Пастухов Александр Сергеевич и др.

В том же первом протоколе от 5 августа 1937 г. содержится обвинение Фальченко Николая Карповича из Седельниковского района, «в прошлом председателя земской управы, эсера-сибобластника». Его обвиняли в том, что «является организатором к.-р. повстанче-

ской организации на территории ряда сельсоветов Седельниковского района. Вооруженное восстание против соввласти приурочивалось к моменту нападения на СССР фашистских государств. Вел вербовочную работу и лично завербовал в состав к.-р. организации 9 человек. Систематически вел эсеровскую пропаганду, производил сбор денег для приобретения через шпиона Пяренд оружия для восстания из-за границы. Организовал посылку представителей к.-р. организации в гор. Омск для установления связей с бывшим белым офицерством в целях получения командных кадров и руководящих указаний». Расстрелян.

Иногда обвинения были настолько нелепыми, что сразу должны были вызвать недоверие. Но «тройка» этого вроде бы не замечала. Например, бывало обвинение в подготовке покушения на ... вождя партии. Или непосильные для одного человека масштабы деятельности. Например, в протоколе № 4 от 23 августа 1937 г. содержится обвинение Горохова Андрея Федоровича, «активного члена партии эсеров с 1905 г., бывшего кустика, имевшего свою мастерскую с применением наемного труда, председателя церковного совета». За этими явно криминальными положениями следовало еще более уличающее: «Состоял членом партии с.-р. и до последнего времени вел активную к.-р. эсеровскую деятельность. В мае с. г. распространял к.-р. эсеровские прокламации, изготовленные собственноручно, в которых призывал к свержению соввласти, готовил к печати к.-р. эсеровский материал «Тема разговора двух друзей». Наконец, «пытался создать к.-р. эсеровскую организацию». И еще – «распространил около 500 экземпляров эсеровской и монархической литературы».

К эсеровской группе Горохова следствие привязало некоторых священников. Так, священника Сартакова И. Г. обвиняли в том, что «через Дубаева А. П. установил связи с к.-р. эсеровской группой, созданной Гороховым». Другой священник Раенко Никита Яковлевич «принимал деятельное участие в деятельности к.-р. эсеровской группы, созданной Гороховым. Вел повстанческую и пораженческую агитацию, хранил к.-р. литературу». По обвинению в принадлежности к этой группе расстреляны также Устин Добросердов, Харитон Проценко.

В том же четвертом протоколе тройки значится довольно редкое обвинение – бывший эсер Иваницкий-Василенко Александр Алексеевич, член партии эсеров с 1903 г., «не порвавший с партией до сих пор», создал эсеровскую группу... в тюрьме. Трудно

было приписать другое обвинение заключенному. Надо было расстрелять старого эсера. Обвинение для этого изобрели. Правда, для убедительности напомнили прошлое. В протоколе отмечено, что он несколько раз судим, в последний раз осужден на пять лет в 1936 г. «Будучи активным членом эсеровской партии и непримиримым врагом народа, среди заключенных больницы при тюрьме г. Омска в к.-р. целях организовал к.-р. группу в составе Васильева, Бабушкина и Володина, которые под его руководством занялись активной к.-р. агитацией среди заключенных». На этом деятельность старого эсера оборвалась: расстрелян.

В Любинском районе оказался бывший член партии «анархо-синдикалистов» Плотников-Сметанин Николай Тимофеевич, «участник кронштадтского мятежа 1921 г.», был осужден на 12 лет концлагеря, но это наказание заменили ссылкой. Теперь прибавлялись новые обвинения, и уже в Сибири кронштадтского мятежника расстреляли, как расстреливали и участников восстания 1921 г. в Сибири.

В протоколе № 10 от 2 сентября 1937 г. названа группа ссыльных эсеров Тарского округа. Всего в группе названы 34 человека, из которых 21 приговорены к расстрелу. Их обвиняли в принадлежности к офицерско-повстанческой организации. К расстрелу приговорены Иван Петрович Шувалов, Михаил Михайлович Угланов, Александр Павлович Смирнов, Михаил Филиппович Пуговкин-Шунько, анархист-синдикалист Игорь Владимирович Римский-Корсаков, анархист Лев Владимирович Замбржицкий и другие.

В ноябре 1937 г. тройка вынесла приговор об эсеровской группе, действовавшей на некоторых предприятиях города Омска. Сушкевич Дмитрий Калистратович, рождения 1866 г., примыкал к организации эсеров на лакокрасочном заводе. Расстрелян. Его сын Георгий приговорен к 10 годам ИТЛ. Молодой рабочий Андрей Ведишев, рождения 1912 г., отправлен на 10 лет в ИТЛ.

Еще группа эсеров «выявлена» в Большереченском районе. В протоколе № 42 от 14 ноября 1937 года отмечено, что группа действовала в совхозе «Большереченский». Относительно Чеснокова Мирона Егоровича было записано, что в эсеровской организации он активно действовал с 1917 г. Тогда в Чите он создал «эсеровско-белогвардейскую группу». Из семи человек, причисленных к этой группе, пятеро приговорены к расстрелу. Среди них Шикин Фирст Петрович, рождения 1881 г. Его сын Василий Фирстович, рождения

1915 г., отправлен на 10 лет в ИТЛ. Такой же срок получил молодой рабочий Алексеев Леонид Яковлевич, рождения 1919 г.

В Колосовском районе следствие «выявило» группу из 26 человек, созданную по заданию троцкистов. В отношении Щербачева Константина Анатольевича говорилось в обвинении: «Получив задание от репрессированного троцкиста Леиило вести к.-р. агитацию среди рабочих совхоза, провел организаторскую работу, создав из скрывающихся от репрессий кулаков к.-р. кулацкую вредительскую группу в совхозе № 128, завербовав 4 кулаков, расширил к.-р. группу через них до 24 человек». Всего в этой крупной организации в совхозе оказалось 26 человек. Некоторые «враги» состояли в ней едва ли не семьями. Так, названы членами организации Плоцкие Никита, Семен, Егор Александрович, Прокопий Егорович и Иван Игнатьевич. К расстрелу приговорены Балыков Григорий Иванович, рождения 1911 г.

В протоколе № 15 от 9 сентября 1937 г. названа группа обвиняемых из 13 человек. По версии следствия в нее входили бывшие эсеры, раскулаченные крестьяне и единоличники. Приговорены к расстрелу 12 человек. Еще группа: бывшие эсеры Собинов Федор Иванович, Крупинский Викентий Иванович. Рядом с ними бывшие члены ВКП(б) Николай Спроге, Степан Нагорный.

В протоколе № 18 от 14 сентября 1937 г. названы участники повстанческой организации в Муромцевском районе. В этом крупном «филиале» большой организации заговорщиков значились и эсеры. Так, эсер Матвей Залевский еще в 1907 г. был выслан в Сибирь. Теперь здесь стал активным организатором повстанческих ячеек... Из 165 обвиняемых муромцевского подполья к расстрелу приговорены 130 человек.

Эсеровская организация Одесского района названа в протоколе № 20 от 16 сентября. Обвинение было нестандартное, но вполне соответствовавшее духу деятельности эсеров. Членов группы обвиняли в изготовлении и распространении контрреволюционных листовок. В обвинении Нестеренко Андрея Петровича было записано: «Состоит членом к.-р. повстанческой организации. Давал задание члену к.-р. организации Земляному изготовить и распространить к.-р. листовки с призывом свержения соввласти, уничтожения колхозов, дискредитировал советское государство, обвиняя его в ограблении колхозного крестьянства». Организатор группы расстрелян, остальные ее «участники» отправлены на разные сроки в ИТЛ.

Ряд эсеровских организаций и групп предстали перед тройкой в октябре 1937 г. Снова «выявлены» эсеры в Таре. В протоколе № 31 названы 15 членов эсеровской организации в Таре. Все приговорены к расстрелу. Все они являлись старыми членами партии эсеров. Вместе со ссыльными создали организацию и вели активную к.-р. работу. Леонтий Кудрявцев был членом партии эсеров с 1905 г. Евдоким Астафьев – с 1917 г. Члена этой партии с 1905 г. Юдина Александра Васильевича обвиняли в том, что в 1935 г. он вошел в состав подпольной организации, восстановленной в Омске, участвовал на нелегальных сборищах и обсуждал вопросы борьбы с соввластью». С 1903 г. в партии эсеров состоял Николай Сабельников, с 1904 г. – Анатолий Новиков, Михаил Якимов, Николай Назаров. Относительно Темнова Ивана Васильевича в обвинении сказано: «кадровый эсер». Была или не была в действительности эта организация эсеров, но этих людей не стало...

В протоколе № 34 от 25 октября 1937 г. отмечено, что в Таре раскрыта «эсеровско-кадетская группа» в составе 8 человек. Организатором группы считали Колленбуруна Федора Людвиговича. А ставила группа те же задачи, что и другие организации: антисоветская организация, «направленная на насаждение террористических настроений против коммунистов и руководителей ВКП(б), дискредитация новой сталинской конституции и восхваление расстрелянных врагов народа и троцкистов, правых и других изменников родины».

В обвинении Александра Плетова значилось: «Считает, что политика Троцкого была правильной, чем Сталина». Даже точно обозначена дата – 15 апреля 1929 г., когда он говорил: «Такой головы, как у Троцкого, партия не скоро найдет. При свержении монархии в Октябрьской революции Троцкий больше сделал для революции, чем Ленин. Ленин был почетным вождем, а Троцкий не боялся выступать перед лицом смерти». И не клеймить надо Троцкого, а благодарить за его открытые выступления против нынешнего курса. Но «большинство партийцев, не понимая, клеймят, позорят Троцкого», подчиняясь ЦК и Сталину.

Членом этой группы вроде бы являлся Георгиевский Андрей Иванович, в прошлом член партии эсеров. Подвергался арестам до 1917 г., был сослан в Якутию, бежал. Затем был членом ВКП(б). Все 8 человек расстреляны. Только в 1989 г. коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила постановление омской тройки от 25 октября 1937 г. за отсутствием состава преступления в действиях расстрелянных.

В протоколах № 34 и № 35 названы группы ссыльных грузинских меньшевиков из 11 и 8 человек. В обвинении Янса Джавахишвили записано: «отбывая ссылку в г. Таре, где создал к.-р. группу с целью быть подготовленным для активной борьбы с советской властью. В состав указанной группы входят ссыльные грузинские меньшевики: Анджапаридзе А.М., Бажунайшвили М.Х., Имнадзе И(лья) Е(фр.), Бакрадзе Б.И., Мачавариани Н.М., Гурули З.Д., Одикадзе А.М.». Все члены «группы» расстреляны.

Президиум Омского областного суда своим постановлением от 4 декабря 1957 г. отменил решение тройки от 25 октября 1937 г. относительно всех обвиняемых этой «группы» за отсутствием в их действиях состава преступления.

В другой группе грузинских меньшевиков насчитывалось 11 ссыльных. Среди них Михаил Гоговадзе, Поликарп Гегешидзе и др. Решение об этой группе тройка вынесла 26 октября 1937 г., что и отмечено в протоколе № 35.

Не избежали расправы анархисты. Следствие нередко причисляло их к эсерам. В протоколе № 21 значится группа анархистов из Исилькульского района. В протоколе отмечено: «Сальников Андрей Петрович, рождения 1884 г., являясь участником нелегальной группы анархистов в Исилькульском районе, после ликвидации ее вошел в состав к.-р. вредительской группы». Эта «вредительско-шпионская группа» была связана с польской разведкой. Возглавлял ее Светилко Петр Тимофеевич. Четверо участников группы приговорены к расстрелу.

Еще одна сельская эсеровская организация «вскрыта» в совхозе «Большереченский». Возглавлял эту совхозную эсеровскую организацию Чесноков Мирон Егорович (рожд. 1892 г.). Следствие числило его в эсерах с 1937 г. Был здесь престарелый «заговорщик» Карелин Егор Павлович, рождения 1868 г. Только молодые крестьяне Шикины Василий и Александр (рожд. 1915 г.) и Алексеев Леонид (рожд. 1919 г.) приговорены к 10 годам ИТЛ. Остальные пошли на расстрел.

В протоколе № 54 от 11 марта 1938 г. названа Александрова Елена Александровна, дочь артиста, была членом ВКП(б), исключена. За участие в «троцкистской организации» выслана из Ленинграда в 1935 г. Муж осужден как троцкист в 1937 г. «Обвиняется в том, что является руководителем к.-р. организации, проводила нелегальные сборища».

При всей активности Омского НКВД и неустанных заседаниях тройки в 1937 г. не удалось «выявить» организации и группы поли-

тических ссыльных и бывших эсеров и меньшевиков. Это дело было продолжено в 1938 г. В протоколе № 57 от 14 марта 1938 г. названы участники повстанческой организации в Тарском районе. По версии следствия, руководили ею эсеры. Из 39 человек, обвинявшихся в принадлежности к этой организации, к расстрелу приговорены 21. Среди них Родионов Ефим Тимофеевич и Кособоков Семен Иванович, оба рождения 1866 г., Зубов Ефим, рождения 1869 г., и другие люди весьма почтенного возраста, которых трудно заподозрить в эсеровском молодечестве.

В другой «кулацко-эсеровской группе» в том же протоколе названы пять человек. В обвинении Степанова Сергея Федосеевича (рожд. 1862 г.) говорилось: «организовал к.-р. кулацко-эсеровскую группу в пять человек, которая проводила к.-р. работу». В этой группе состояли Емельянов Евсей Антонович, рождения 1859 г., Дуференко Тихон Никитович, рождения 1868 г., Смирнов Михаил, рождения 1871 г., Костоломов Евгений, рождения 1876 г. Все приговорены к расстрелу.

Еще одна эсеровская группа, названная в том же протоколе, состояла из 8 человек. В ней состояли Китаев Дмитрий Фролович, рождения 1887 г., бывший урядник Бутаков Яков Спиридонович, рождения 1869 г. В организацию он вошел в 1935 г. Петров Павел Семенович в партии эсеров состоял с 1917 г., затем был членом ВКП(б). Шесть человек из этой группы приговорены к расстрелу.

«Шпионско-диверсионная к.-р. террористическая организация» обнаружена на железной дороге. В нее входили Дмитриев Михаил Гаврилович, Рыльников Афанасий Сергеевич, Герасимов Михаил Терентьевич, бывший член ВКП(б) Кузнецов Всеволод Матвеевич и др.

Среди политических ссыльных были известные деятели освободительного движения. Омскому партийному руководству и НКВД пришлось решать судьбы этих людей. Особо выделяются дела ссыльных Николая Александровича Угланова и Николая Николаевича Суханова.

Н. А. Угланов родился в 1886 г. в крестьянской семье в Ярославской губернии. Прошел обычную «школу» деревенского юноши, который становится рабочим. Начал он свой путь «в рабочие» в Петербурге, куда приехал к отцу в 1898 г. Приобщился к «антиправительственной деятельности». Служил в царской армии, ранен в боях под Варшавой в 1914 г. Затем – активный участник революции 1917 г. В 1919-1920 гг. – в Красной армии. Делегат ряда съездов

партии с 1924 г. в Москве. С 1924 по 1928 гг. – первый секретарь Московского областного и Московского городского комитетов партии. Одновременно в эти годы являлся одним из секретарей ЦК ВКП(б). В 1923-1930 гг. – кандидат в члены Политбюро. Затем начались преследования. Отстранен от партийной работы. В 1930 г. находился в заключении, исключался из партии, восстанавливался. Вновь арестован. Сослан в Сибирь. Сначала находился в Таре, затем в Тобольске. Обвиняли его в «сговоре» с Бухариным и Рыковым. В 1934 г. приказом наркома пищевой промышленности А. Микояна назначен управляющим (директором) рыбным трестом. Это было продолжением ссылки.

За сравнительно короткое время новому директору рыбного треста с его огромным опытом хозяйственной и общественной деятельности удалось сделать немало. Прежде всего он собрал способных специалистов рыбного дела. Строились рыболовецкие поселки. В Тобольске появились благоустроенные дома работников рыбтреста, столовые, медицинские учреждения. В мае 1936 г. Омский обком ВКП(б) одобрил деятельность рыбтреста. А в августе Н. А. Угланов был арестован... Девять месяцев под следствием, в тюрьме. 31 мая 1937 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. В этот же день расстрелян...

Пройдет 52 года. 18 июля 1989 г. Пленум Верховного суда СССР реабилитировал Николая Угланова.

Омские власти после расправы с Н. Углановым начнут тщательно искоренять последствия «углановщины». Термином «углановщина» стали обозначать всеохватывающее вредительство в рыбной промышленности. Первым успехом омского следствия стало «выявление» крупной организации врагов в рыбтресте. В Тобольске 7 сентября 1937 г. открылось судебное заседание специальной коллегии областного суда по делу вредительской организации. Процесс продолжался до 27 сентября. Как и водилось в практике подобного рода акций, часть обвиняемых пошли на расстрел, другие – на разные сроки в концлагеря. По этому делу об «углановщине» прошли около 200 работников рыбной промышленности.

Обвинителем на процессе против «углановцев» выступал прокурор Омского областного суда Евсей Лазаревич Рапопорт. В духе речей Вышинского на политических процессах омский прокурор клеймил Угланова и его «единомышленников». Угланова он назвал не иначе, как «матерый бандит», «агент германского фашизма».

Подобным образом живописал прокурор преступления других обвиняемых.

Буквально вслед за тобольским процессом будет арестован и областной прокурор Е. Рапопорт. Ему будет предъявлено обвинение в том, что, будучи прокурором, «при наличии сигналов не вскрыл вредительство в сельском хозяйстве, народном образовании, в торговле и других отраслях народного хозяйства». Даже вроде бы говорил: «Ну, подумайте, какое может быть вредительство. В это теперь никто не верит» и т. д. Потом бывший прокурор жаловался: «В газете «Омская правда» от 2 октября 1937 г. в передовой статье я был обвинен без приведения каких-либо конкретных фактов, в том, что довел до развала аппарат прокуратуры». Вернувшись из Тобольска после процесса над «углановцами», был вызван в партколлегию КПК по Омской области «и без какой-либо проверки материала... был в течение нескольких минут исключен из партии».

Как и полагалось, после этого бывший прокурор попал в руки следствия, где от него потребовали признания в том, что состоял «членом омской к.-р. правотроцкистской организации», в которую был завербован секретарем обкома Д. Булатовым (уже смещенным с этого поста).

Правда, в июле 1939 г. его освободили из тюрьмы. Но его судьба была предрешена. История с омским прокурором являлась обычной в сталинской системе репрессий. Сначала одни судили несправедливо, потом с ними поступали таким же образом.

Параллельно с «делом Угланова» омское следствие готовило материал для расправы с другим крупным политическим деятелем Николаем Николаевичем Сухановым, также оказавшимся в Тобольске.

Известный деятель меньшевистской части РСДРП Н. Н. Суханов в 1930 г. был «приобщен» к фальсифицированному делу о меньшевистском «Союзном бюро ЦК РСДРП». На суде он честно заявил, что расходится со Сталиным по вопросам коллективизации. «Я считал, что огромные, никем не предусмотренные и неожиданные темпы колхозного движения вызывались ничем иным, как бедствиями крестьян-производителей от нереальных тягот хлебозаготовок. Я считал, что хлебозаготовительный план 1929 г. преувеличен и непосилен, ... что колхозное движение и вся хлебозаготовительная кампания 1929-1930 гг. неизбежно будут иметь катастрофическое значение для всего нашего народного хозяйства. И, стало быть, катастрофа на почве разорения деревни, на почве кризиса сельского

хозяйства, на почве недоснабжения города – эта катастрофа мне представлялась неизбежной в самом ближайшем будущем».

В марте 1931 г. Н. Суханов приговорен к 10 годам тюремного заключения. Сначала тюрьма на Урале, с 1935 г. в ссылке в Тобольске. Здесь работал экономистом в том же «Обърыбтресте», которым руководил Угланов. Затем стал учителем немецкого языка. И когда омские большевики по требованию ЦК заговорили в полный голос о борьбе с врагами народа, это не миновало и Н. Суханова. В сентябре 1937 г. его обвинили в антисоветской пропаганде и в ... связях с немецкой разведкой. Он был перевезен в Омск. Здесь в руках следователя Саенко Суханов подписал требуемое признание по предъявленному обвинению. Военный трибунал приговорил его к расстрелу.

Само собой разумеется, что «признания» выбивались жестокими истязаниями. 10 сентября 1938 г. Н. Суханов написал письмо А.И. Микояну, в котором изложил обстоятельства своего признания. «Мне было предложено самому изложить мои «преступления» против советской власти, то есть выдумать их. Это свое требование мои следователи подкрепляли всем арсеналом мер физического воздействия, постепенно пускаемыми в ход в восходящем порядке... Главную роль в моем поведении сыграли угрозы поставить в аналогичное с моим положением мою жену, старую и больную женщину. На основании прецедента я знал, что это отнюдь не пустые угрозы. Избавить жену от подобной участи было для меня необходимой ценой. Я уступил требованиям омских властей... Протокол от 19 ноября 1938 г., подписанный мной, явился ценой, которую я уплатил за... спасение жены. Однако эта цена не казалась мне чрезмерно высокой, а мой компромисс чересчур большим. Ибо в силу некомпетентности моих следователей протокол явился полным несообразностей, нелепым вообще и в частности. Никакой осведомленный читатель не мог бы признать его правдоподобным и писанным действительно с моих слов в нормальной обстановке следствия».

Н. Суханов полагал, что протокол попадет «в более умелые руки», и нелепости «признания» легко обнаружатся. И вообще «невозможно понять, в чем могла бы заключаться политическая целесообразность моего расстрела». Была надежда, что все это будет «правильно оценено высшим правительством».

Но «высшее правительство» было не намерено разбираться в обвинениях «врагов народа». На глазах этого правительства под

расстрел шли видные государственные, партийные работники, военачальники. Задача состояла в том, чтобы больше и быстрее истребить неугодных людей, а не разбираться в том, справедливы ли обвинения.

Долгое время Н. Суханов находился в омской тюрьме. Это начинало беспокоить Омский обком ВКП(б). Сохранилось свидетельство этого.

«Москва. ЦК ВКП(б).

Управление кадров. Зав. отделом кадров

Судебно-прокурорских органов тов. Баканину».

...Омский областной комитет ВКП(б) считает ненормальным, когда Военная Коллегия Верховного Суда СССР и Особое Совещание НКВД СССР не рассматривают дела по году. В качестве примера можно привести следующие факты: в данное время в Омской тюрьме содержатся под стражей Суханов Николай Николаевич и Кондратьев Григорий Васильевич, приговоренные к ВМН 7 сентября 1939 г., Федулов Георгий Самуилович с 25 августа 1939 г. и другие. Их дела находятся на рассмотрении в Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Не лучше дело обстоит с рассмотрением дел на Особом Совещании НКВД СССР, так, например, из 103 дел Омской области не рассмотрены на 16 января 1940 г. 56 дел, которые лежат свыше шести месяцев и отдельные, как, например, дело Хоряк Марии Болеславовны, Шпаковской У. А. находятся на Особом Совещании, не рассмотрены с марта месяца 1939 г., а дело Симашкевич Александра Корнеевича с января 1939 г. и др.».

И приговор был утвержден. Суханов Николай Николаевич расстрелян 29 июня 1940 г.

(Использованы материалы архива УФСБ по Омской области, Протоколы троек 1937-1938 гг.)

Враги народа в рядах омского комсомола

(По страницам газеты «Молодой большевик». Выпуск молодежной газеты под названием «Молодой большевик» возобновился в Омске в 1924 г. Во время Великой Отечественной войны работа редакции была прервана. В 1953-1956 гг. газета называлась «Молодой сталинец», с 1956 г. – «Молодой сибиряк».)

1935 г.

3 июля. В газете сообщалось о торжественном пленуме Омского обкома ВЛКСМ, посвященном 15-летию сибирского комсомола. Избран почетный президиум, названо имя Сталина. «Восторженный гул

приветствий, несмолкающих рукоплесканий, крики: «Да здравствует наш дорогой, любимый Сталин!», «Ура Сталину!». В выступлении первого секретаря обкома партии Д. Булатова содержался призыв: «Быть бдительным к проискам классового врага».

12 июля. Помещено выступление начальника областного управления НКВД Салыня на втором пленуме оргбюро ЦК ВЛКСМ Омской области. Начальник УНКВД обратил особое внимание «на усиление классовой бдительности. Беспощадно разить врага, своевременно вскрывать все его гнусные проделки, зорко охранять от врагов нерушимую мощь нашей Родины»...

Секретарь обкома партии Фомин «призвал комсомольскую организацию к повышению классовой бдительности». В других выступлениях содержались призывы выдвигать на комсомольскую работу «классово закаленных» комсомольцев.

1 сентября. Помещены лозунги ЦК ВЛКСМ к XXI международному юношескому дню. Среди них призыв: «Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам! (Сталин). Разоблачим и безжалостно раздавим двурушников! Будем помнить уроки злодейского убийства товарища Кирова! Воспитаем молодежь в духе ненависти к врагам рабочего класса!»

20 сентября. Газета поместила передовую статью «Выше классовую настороженность». Отмечалось, что омский горком комсомола допустил к руководству ряда первичных организаций классово чуждые элементы. «На заводе им. Куйбышева секретарем комитета ВЛКСМ больше года «работал» Пономарев, сын кулака, владелец кожевенного завода. Он дал положительную характеристику в призывную комиссию Потехину и Безверхнему, которые оказались кулаками. На Сибзаводе в рядах комсомола состоят Троицына, дочь торговца, Арапов. Отмечалось: «Классовая бдительность – первейшее качество и обязанность комсомольца. Это нужно помнить всегда и воспитывать это чувство в каждом молодом революционере».

20 октября. Помещена статья «Кулак в роли секретаря комитета». Рассказывалось, что на заводе им. Куйбышева секретарем комитета комсомола оказался сын кулака, отец раскулачен и выслан, нынешний секретарь Пономарев «сумел ускользнуть от участи, постигшей его родителей», получил справку о том, что отец середняк. Но самое главное, что под крылышком Пономарева

скрывалось много других классово чуждых элементов, пробравшихся в комсомол».

23 ноября. Газета поместила статью «Тарские уроки». «За притупление классовой бдительности, зажим самокритики и грубое администрирование общее собрание исключило из рядов ВЛКСМ зав. отделом политучебы окружка Тузилкина». Он устроил в школу братьев Красинцевых. «Впоследствии оказалось, что Красинцевы – кулаки. Они на глазах у всех развернули контрреволюционную деятельность среди учащихся...». Восстановил в комсомоле «чужаков» Уткина и Курбатова. Тузилкин сомкнулся с враждебными элементами и прикрывал их».

1936 г.

17 января. Помещено сообщение «Об итогах проверки партийных документов в Омской областной партийной организации». Особенно «засоренными» оказались районные партийные организации:

Кондинская – 25,6 % исключенных

Самаровская – 24,3 % II – II

Ларьякская - 24,1 % II – II

Голышмановская – 22,1 % II – II

Калачинская – 21 % II – II

В депо Омск исключены из ВКП(б) 16,5 % состава.

Рекомендовалось взять под особый контроль комсомольские и пионерские организации.

15 апреля. Помещена статья «Библиотеки Ярковского района засорены контрреволюционным хламом». Отмечалось: «Очень много давно изъятой из обращения идеологически вредной и контрреволюционной литературы авторства презренных врагов народа Троцкого и иже с ним». За короткое время изъято такой литературы на 4 тыс. руб. «Фонд библиотеки колхоза им. Сталина на 80-85 процентов состоит из книг и брошюр идеологически вредных, подлежащих немедленному изъятию из обращения».

Другая статья на эту тему называлась «Сигнал для многих».

Содержалось прямое обвинение комсомольцев в «засоренности» литературы такого рода. «Где была комсомольская организация, когда райпотребсоюз занимался распространением идеологически вредной литературы?» В Ишимском районе на полках магазинов обнаружено до 600 книг, подлежащих изъятию.

«Надо добиться, чтобы виновники засорения библиотек ...были привлечены к суровой партийной и советской ответственности».

18 июня. Опубликована «Резолюция собрания партийного актива Омской городской партийной организации по докладу товарища Фомина об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б)». Отмечалось, что «Партия, не взирая на лица, решительно очищает свои ряды от людей политически и в бытовом отношении разложившихся... Собрание партактива призывает все парторганизации направить большевистскую ненависть на борьбу с остатками классового врага, оппортунистами и перерожденцами всех мастей – предателями интересов партии и пролетарского государства».

1937 г.

24 января. Перепечатана передовая статья из «Правды» «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники Родины» в связи с процессом над Пятаковым, Радеком, Серебряковым и др.

В этом же номере помещены резолюции собраний под заголовками «Никакой пощады врагам народа!», «Стереть с лица советской земли остатки фашистской сволочи!» (коллектив облвнупорга), «Гнев и презрение» (первичная организация Сталинского РК ВЛКСМ), «Расстрелять презренных гадов!» (с митинга студентов медицинского института), «Сурово наказать врагов народа!» (с собрания работников Омторга), «Им не уйти от ответственности» (из сельскохозяйственной школы им. Эйхе).

28 января. Перепечатан материал из «Правды» под заголовком «Торговцы Родиной». Затем дана подборка сведений о резолюциях собраний трудящихся. «Уничтожить мерзавцев!» (суконная фабрика), «Презренные убийцы», «Гневный голос» (завод им. Рудзутака), «Повышать классовую бдительность». В последующих номерах газета публиковала подобные сообщения.

18 февраля. Помещена статья «Вредная практика. К чему приводит притупление революционной бдительности и зажим самокритики». Речь шла о вредительской деятельности начальника Омской железной дороги Фуфрянского. Комсомольская организация на железной дороге не развертывала борьбу с врагами. Комсомольцы подавали «сигналы», а комсомольские работники политотдела дороги не принимали активных мер. «Только отсутствием революционной бдительности» и зажимом самокритики можно объяснить засоренность отдельных комсомольских организаций троцкистскими последышами.

4 марта. Опубликованы материалы о пленуме Ленинского райкома ВЛКСМ г. Омска. Пленум работал с 28 февраля по 1 марта. Секретарь обкома ВЛКСМ Кузик в своем выступлении отметил, что райком и его секретарь Мичуров не сделали никаких выводов из процессов троцкистско-зиновьевской банды, допустили преступную медлительность в разоблачении врагов народа, пробравшихся в ряды комсомола. Названы фамилии исключенных, но райком долгое время не утверждал это. Секретарь РК ВЛКСМ Мичуров снят с работы. В том же номере газеты помещена статья «Политические слепцы из комиссии по приему и исключению». Рассказывалось, что в Колосовском районе исключен из комсомола прокурор Е. Ворошко за то, что он «покрывал» врага Новикова. Комиссия обкома комсомола восстановила исключенного прокурора.

Другая статья «Пособники врагов народа» посвящалась бездействию комсомольцев в облзу, где разоблачен враг народа Подгаец. Здесь комсомолец Черкашин вел разлагательскую работу, в плену у врага оказался член комитета Тураев. «Второй член комитета Чудов до последних дней в своей личной библиотеке имел контрреволюционную троцкистскую литературу».

8 марта. Помещена статья «Потеря большевистской бдительности» по материалам судебного процесса над врагами народа в Нижне-Иртышском пароходстве. Никаких мер по разоблачению врагов народа не принимали помполит по комсомолу Носарев, инструкторы политотдела Огрин и Григорьев. В комсомоле состоят Давыдов, который уже исключался «за связь с братом белым эмигрантом», Вронский Виктор – «племянник троцкиста Вронского, исключенного из партии». Некоторые другие комсомольцы связаны с разоблаченными врагами народа.

12 марта. Помещена информация «В обкоме ВЛКСМ: «4 марта на заседании обкома было заслушано сообщение тт. Красных и Горфинкеля о фактах притупления революционной бдительности в комсомольских организациях Нижне-Иртышского Госпароходства».

16 марта. Перепечатана передовая статья из «Комсомольской правды» «Быть во всеоружии большевистской бдительности». Отмечалось, что враги народа проникают в ряды комсомола. Троцкисты превратились в фашистскую банду, разлагают молодежь.

В том же номере газеты помещена статья «Тобольский райком потворствует чужакам», названы фамилии этих «чужаков».

21 марта. Помещены материалы: «Об итогах Пленума ЦК ВКП(б)», «Постановление IX Пленума Омского обкома ВКП(б) по

докладу тов. Булатова». Отмечалось, что омский пленум одобрил решение «об исключении из партии врагов народа Бухарина и Рыкова; пленум обкома ВКП(б) требует повышения большевистской бдительности от всех членов партии, от всех руководителей партийных, советских и хозяйственных организаций, разоблачения до конца остатков маскирующихся троцкистско-зиновьевских бандитов и правых реставраторов капитализма и ликвидации последствий вредительства на транспорте, в рыбном хозяйстве, в промышленности, в сельском хозяйстве и на других участках социалистического строительства».

23 марта. Помещена статья «Тобольские либералы». Сообщалось, что комсомольские организации засорены чуждыми элементами, в работе горкома и окружкома комсомола не проявляется революционная бдительность. Здесь не поняли, что «главным теперь в вопросе воспитания комсомольцев и молодежи должно быть повышение революционной бдительности, непримиримая борьба с врагами народа и их пособниками».

30 марта. Помещен доклад Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». В докладе выделены разделы: «1. Политическая беспечность. 2. Капиталистическое окружение. 3. Современный троцкизм. 4. Теневые стороны хозяйственных успехов. 5. Наши задачи».

2 апреля. В продолжение публикаций материалов о февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) помещена статья «Заключительное слово товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.».

5 апреля. Помещена статья «Облоно покровительствует троцкистам». Приведены примеры контрреволюционной работы троцкистов в школах. В частности отмечалось, что в некрасовской начальной школе ее заведующий И.М. Степко «проводил в школе контрреволюционную работу, издевался над учащимися, над советскими законами».

20 апреля. Опубликована статья «Идиотская болезнь». Рассказывалось о собрании комсомольцев в сельскохозяйственном институте. Но на собрании «мало» было сказано о врагах в комсомольской организации. Между тем, «на агрономическом факультете студент Никаноров открыто проводит троцкистскую работу, восхваляет заклятого врага Троцкого, клеветает на нашу партию. ... Заведующий клубом комсомолец Головин в общественном месте

повесил портрет врага народа Бухарина... На агрофаке продолжительное время диалектический материализм преподавал разоблаченный троцкист Сливко». Пропагандисты Головин и Михайлов используют троцкистскую литературу...

8 июня. Перепечатана передовая статья из «Комсомольской правды» «Беспощадно искоренять двурушников». Помещен большой материал «Собрание омского городского комсомольского актива», проходившего 29-31 мая и 2 июня. В докладе секретаря обкома комсомола Аксенова отмечалось, что секретарь комитета пединститута Ракитянский в своем выступлении «умолчал о том, что в комсомольской организации института до последних дней остается ярый защитник врагов народа Оружейников». Содержался призыв: «не болтать о бдительности, а по-большевистски бороться, не кампанейски, а повседневно за очищение наших рядов от замаскировавшихся троцкистов, бухаринцев и прочей контрреволюционной нечисти».

10 июня. Помещена целая полоса под заголовком «Уничтожить в корне благодущие, самодовольство, успокоенность, зазнайство, хвастовство, которые имеют место в наших организациях». Под заголовком «преступное ротозейство» рассказывалось, что на заводе им. Рудзутака приняли на комсомольский учет «случайного человека». Здесь «в механическом цехе №1 продолжительное время работал сын чужака и вредителя Морозовский, будучи комсомольцем, разлагал трудовую дисциплину...».

12 июня. Помещено сообщение «В Прокуратуре Союза ССР». Сообщалось, что дело арестованных в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана В.М., Примакова В.М. и Путны В.К. расследованием закончено и передано в суд.

Под заголовком «Смерть изменникам!» помещена резолюция собрания комсомольцев и работников ТЭЦ. «Просить Военную коллегия Верховного суда этих предателей и злодеев уничтожить, убрать с нашей земли, применить высшую меру наказания – расстрел шпионам!»

14 июня. Помещена статья «Покровители пособников врагов народа». Рассказывалось, что в Москаленском районе в колхозе «Знаменка» комсомолец Монаков распевал контрреволюционные песни. Пропагандист Васенбург проводил антисоветскую работу. В Виноградовской МТС старший агроном Ситников «среди комсомольцев-колхозников проповедовал враждебные теории». Группорг Климентов

в НСШ совхоза «Элита» протаскивал троцкистскую теорию о невозможности построения коммунизма в одной стране.

18 июня. Опубликовано сообщение Коммунистической партии Франции под заголовком «Народное правосудие должно беспощадно расправиться с изменниками». Речь шла о суде над военачальниками Красной армии М.Н. Тухачевским и другими.

30 июня. Помещена статья «Политическая беспечность». Рассказывалось об отчетно-выборном комсомольском собрании в Тюкалинском сельхозтехникуме. Здесь своевременно не разоблачили «троцкиста Соломенникова и его агента Алексеева».

2 июля. Опубликовано статья Т. Тимова «Дорожить доверием партии». «Злейшие враги народа, продавшие душу и тело фашистам, контрреволюционные троцкисты, правые реставраторы капитализма, право-«левые» выродки пытались сеять среди молодежи недоверие к партии и ее руководству». Они потерпели крах. Но банда врагов использовала в своих целях неустойчивую часть молодежи. Шпионы и враги с комсомольским билетом срывают коммунистическое воспитание молодежи.

8 июля. Под заголовком «Справедливая критика» помещено сообщение об отчетно-выборном комсомольском собрании в Борисовском зерносовхозе. Отмечалось: «На первом и втором Комиссаровском отделениях долгое время орудовали враги народа Плотников и Жильников». Комсомольцы «сигнализировали» об этом, но на эти сигналы не обратили внимание. Комсомолец Калько заявил: «Я вожак группы «легкой кавалерии». На центральном отделении мы вскрыли вредительские действия в ремонте комбайнов, составили акт и направили его в дирекцию и в комсомольский комитет, но нас никто не поддержал». Комитет не выявил у себя «враждебно-классовые элементы». Во время собрания «комсомольцы разоблачили чужака Морковникова и здесь же на собрании вывели из состава комитета». И еще: «Разоблачены как классово-чуждые (сыновья бывших лишенцев) и отведены из списков Москоленко Е., Башмакова и Линдман (при выборах комитета)».

12 июля. Сообщалось, что в Исилькульском районе в колхозе «Первое мая» продолжительное время творил всякие мерзости классовый враг Бречкин, но комсомольцы не сумели его разоблачить. Под заголовком «Плоды самоуспокоенности» сообщалось, что в ряде организаций орудуют «чужаки», но бюро райкома комсомола не реагирует.

14 июля. В статье «Как враги используют политическую беспечность комсомольцев» рассказывалось, что учитель Больше-Митькинской школы, привлеченный к переписи населения, во враждебных целях разгласил, кто из жителей является верующим. В Куйбышевской МТС исключен из комсомола Павел Кульгузский по подозрению, что он попал под влияние церкви.

Сообщалось, что на ПВРЗ при выдвижении в состав комитета из 49 кандидатов отведены 33 человека, из них «по политическим мотивам» – 27.

В статье «Фальсификатор истории» рассказывалось, что в педагогическом институте преподаватель комсомолец Ружейников извращает историю, имеет тесную связь с врагом народа Пистраком, знал о его вредительской работе, но «всякими способами раздувал его авторитет среди студентов».

20 июля. В статье «Собрание с аплодисментами» рассказывалось, что в совхозе № 161 вредительством занимается поп Варакин. Группа врагов в этом совхозе предстала перед судом. Комсомольская организация о вредительстве этой банды узнала только после ее ареста. В комсомольской организации некто Молоков, разоблаченный как «чуждый». Отец его в 1921 г. участвовал в восстании, братья арестованы в 1930 г.

В других материалах, что в облпотребсоюзе комсомолка Мовшович «скрыла от комсомольской организации связь с сестрой и зятем, сбежавшими в 1919 г. от Советской власти из Омска». Другая комсомолка Молодых «скрывала свою связь с мужем, осужденным за вражеские дела», скрывала, что брат был в белой армии.

В статье «Преступная беспечность» сообщалось, что в областном совете Осоавиахима не обсуждались материалы процесса над Тухачевским. «Комсомольская организация не замечает того, что аппарат ОблОСО засорен политически неблагонадежными людьми и разложившимися элементами». Названы имена этих «неблагонадежных». Саргатский райсовет ОСО возглавлял «недавно осужденный враг народа Кочетов».

24 июля. Сообщалось о закончившемся V пленуме обкома ВЛКСМ, обсуждавшем вопрос «О вовлечении комсомольцев в ряды ВКП(б)». С докладом выступал секретарь обкома Д. Булатов. Подчеркивалось, что в комсомольских организациях слабо поставлена бдительность, ряд организаций возглавляют «неблагонадежные» люди.

Пленум потребовал поставить на должную высоту «главные вопросы комсомола – повышение классовой бдительности, разобла-

чение двурушников в комсомоле, улучшение политического образования всех комсомольцев».

В материале «В обкоме ВЛКСМ» отмечалось: «Бюро обкома ВЛКСМ сняло Пучкова с работы секретаря Сталинского райкома комсомола за связь с троцкистом, врагом народа».

26 июля. Помещена статья «Борьба с двурушниками в комсомоле – необходимая и притом важнейшая часть нашей политической работы». Рассказывалось, что во многих организациях активно действуют троцкисты. В частности, в зерносовхозе «Коммунист», в военном училище им. Фрунзе и др.

28 июля. Помещена передовая статья «Выкурим врагов из всех щелей». Под заголовком «Разгромить вражескую агентуру в комсомоле» рассказывалось о собрании комсомольского актива Сталинского района г. Омска, где «орудовал» секретарь райкома Пучков, связанный с троцкистами. Секретарь горкома ВЛКСМ Красных назвал немало примеров деятельности врагов в комсомольских организациях. В частности, отмечалось: «В 1936 году нами был разоблачен ярый троцкист – Сливко. В этом году в комсомольской организации Омского ПВРЗ комсомольцы разоблачили шпиона Туркина, в школе № 8 – троцкистского последыша Назаренко, в сельхозтехникуме – сына кулака Волох». Сообщались и другие сведения.

10 августа. Помещена передовая статья «Преступное равнодушие». Отмечалось, что в комсомольские организации «пролезают» враги. В подборке материалов сообщалось о многочисленных фактах разоблачения врагов. Так, при обсуждении выдвинутых кандидатур в Тюкалинском райкоме отведены из списка для голосования двурушники Зензин, Кузнецов, Шмаков, Долгушин. Всего из списков для тайного голосования отвели 48 человек, из них 11 – по политическим мотивам. В Павлоградском районе таких неблагонадежных отвели 9 человек, на ПВРЗ «отвели из списка тайного голосования 33 человека по политическим мотивам». А в Тарском окружкоме комсомольские секретари избрали «5 кулацких последышей».

14 августа. Опубликованы материалы о врагах народа в комсомольских организациях. В Москаленском районе «просмотрели» врага Ситникова из Виноградовской МТС. «Мы просмотрели пособника врагов народа Монакова, который в колхозе «Знаменка» распевал контрреволюционные песни». В школе совхоза «Элита» группорг Климентов «протаскивал троцкистскую теорию о невозможности построения социализма в одной стране» и др.

О врагах в комсомоле Шарбакульского (таково было написание) рассказывалось в материале «Выкурить вражескую агентуру из рядов комсомола». На комсомольской конференции сообщалось, что «За последнее время в организации разоблачены троцкистские прихвостни Дука, Петрова, Морковников, Сулейменов, Бубнович и Бутусов» и другие. Разоблачения продолжались на отчетно-выборной конференции. «В процессе прений по отчету райкома и обсуждения кандидатур конференция разоблачила и исключила из комсомола вражеских последышей Ляхова, Кашмуратова и Нуртазина».

18 августа. Помещены материалы о положении в комсомольских организациях. По Знаменскому району – «К руководству пришли лучшие люди». Рассказывалось, что из 176 кандидатур, выдвинутых для занесения в список тайного голосования на районной конференции «14 человек отведены, как не заслуживающие доверия». На Саргатской районной конференции были разоблачены и лишены мандатов делегаты: «Пономарев, братья которого в течение ряда лет состояли в террористической организации», Остроухов, «имеющий тесную связь с братом троцкистом, исключенным из рядов ВКП(б)» и др.

20 августа. Сообщалось о разоблачениях врагов народа в комсомольских организациях Шарбакульского района. В средней школе райцентра педагогический коллектив засорен «классово-враждебными элементами». Директор школы – сын попа, преподаватель литературы – дочь крупного торговца, военное дело преподает «проходимец Хоршун», «историком в школе работает Баранская, которая до 1934 г. имела связь с заграницей». Учителя «преподавали среди учеников контрреволюционные теории и проводили гнусную подрывную работу».

22 августа. В статье «Гоменюк разваливал организации» рассказывалось о вредительских действиях секретаря Калачинского райкома ВЛКСМ. «В 1936 г. Гоменюк создал первичную организацию в колхозе им. Эйхе Ревельского сельсовета из чуждых и враждебных элементов». Все комсомольцы «покрывали врагов народа и содействовали их гнусным антисоветским делам». В Калачинской средней школе ее директор комсомолец Тимофеев «весь учебный год держал в коллективе врагов, которые у него на глазах разлагали учащих, разваливали дисциплину».

24 августа. Сообщалось, что на комсомольской конференции Куйбышевского района отмечены вредительские действия на музы-

кальной фабрике, в типографии «Омской правды» работали люди, не заслуживающие политического доверия, на районную конференцию выдвинули Бородину, которая «имеет связь с врагом народа».

В газете помещена другая статья «Тарская организация слабо борется за очищение своих рядов». Здесь разоблачен фашистский агент Корнеев, секретарями первичных организаций в Заготзерно, в деревнях Мартюшево и Ложниково «были избраны кулацкие сынки Рысев, Надсен, Ефремов». Еще ряд комсомольцев связан с врагами.

26 августа. Помещен ряд материалов о вредителях в комсомольских организациях: «Покровительство двурушникам» (г. Ишим), «Выше бдительность» (г. Исилькуль) и др.

30 августа. Опубликовано «Постановление IV Пленума ЦК ВЛКСМ по докладу тов. Косарева «О работе врагов народа внутри комсомола». Отмечалось, что враги народа проникли даже в ЦК комсомола. Эту «банду троцкистско-бухаринских шпионов» возглавляли Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Бубекин, Андреев и др.

2 сентября. Газета опубликовала статью П. Шабанова «До конца разгромим вражескую агентуру в комсомоле». Приведены многочисленные примеры о врагах в комсомоле, что выявили районные комсомольские конференции.

В продолжение этого будут опубликованы статьи 4 сентября («Окружком работал неудовлетворительно»), 5 сентября («Полностью очиститься от враждебных разложившихся элементов»), 8 сентября («Карпов разоблачен», «Политическая близорукость»).

12 сентября. Помещено сообщение «Собрание Омского городского актива». Обсуждалось постановление IV пленума ЦК ВЛКСМ о борьбе с врагами народа в комсомоле. Содержались примеры о деятельности врагов народа в омском комсомоле, следовал неизменный призыв – **искоренить последствия вредительства, поднять бдительность.**

16 сентября. В продолжение информации о собрании городского комсомольского актива в газете сообщалось, что в Ленинском РК ВЛКСМ секретарь Мичуров – «пособник врага народа Курылева», врагами оказались бывшие члены бюро обкома комсомола Малакишер и Шахнович. Заведующий отделом комсомольских органов обкома Горфинкель «не принял мер к очищению руководящих комсомольских кадров актива от классово-враждебных элементов». Критике подвергнута редакция «Молодого большевика». «Редактор газеты т. Шабанов долгое время не изгонял из аппарата

самой редакции Тюрева, Арефьева и других, не заслуживающих политического доверия».

24 сентября. Помещена информация из Исилькуля «Собрание прошло активно», рассказывалось о разоблачении врагов народа. «Бывший секретарь райкома Левченко, ныне враг народа, расставил своих людей» в пропагандистском аппарате. Из Саргатки – «Вынужденные признания тов. Юдиной». Названы выявленные враги народа в организациях Нижнеиртышского совхоза, совхоза № 237, в Калачевском колхозе.

29 сентября. Помещена статья «Подлые дела двурушника Носарева», орудовавшего в Нижне-Иртышском пароходстве. Здесь длительное время действовала шайка вредителей и двурушник Носарев, помполит по комсомолу. Он был связан с врагами и даже защищал их.

30 сентября. Перепечатана из «Правды» статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом» с острой критикой обкома партии и секретаря Булатова.

2 октября. Сообщалось об открытии второй областной комсомольской конференции. На конференцию избран 331 делегат, прибыли – 292. «Не допущены комиссией по политическим мотивам 9 делегатов». Затем по представлению мандатной комиссии и требованию делегатов лишены мандатов еще несколько делегатов. Шустова лишили мандата «за связь с врагом народа». Сорокина из Любинского района «как исключенного из партии», Мамичева из Крутинского района «как врага народа, исключенного из партии». «По требованию тарской делегации конференция также лишила мандата Горфинкеля за связь с врагом народа Тарасовым». Объяснения Горфинкеля не подействовали. Лишены мандатов по тем же мотивам Пуговкин, Арефьев, заведующий отделом пионеров обкома ВЛКСМ Рождественский лишен мандата «за связь с родственником, исключенным из партии».

В последующие дни работы конференции заседания начинались с лишения мандатов делегатов по обвинению в связях с врагами народа. Редактор «Молодого большевика» Шабанов лишен мандата как исключенный из партии «за покровительство врагам народа, за засоренность аппарата редакции враждебными элементами». Лишен мандата заместитель редактора этой газеты Сенько. Секретарь Омутинского РК комсомола Шорохов лишен мандата по такому обвинению: «Его дед и дядя – активные участники кулацкого Ишимского восстания (1921 г.), дядя расстрелян». На заседаниях публич-

но предъявлялись обвинения, заслушивали подозреваемых. Решения о лишении мандатов принимались, как правило, единогласно. Основная часть времени посвящена разоблачениям врагов в комсомоле. Эти настроения подогревались тем, что уже накануне созыва конференции опубликована статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом», а 4-7 октября проходил пленум Омского обкома ВКП(б), на котором был исключен из партии и освобожден от обязанностей первого секретаря обкома Д. Булатов, бюро обкома распущено. На комсомольской конференции также предъявлялось обвинение Булатову в недостаточном внимании комсомолу. Представитель Называевского района заявил, что «руководство комсомольской организацией со стороны Булатова было слабое. Булатов комсомольскую организацию отдал на откуп Аксеновым и Кузикам». В передовой статье 10 октября объявлялось, что Булатов игнорировал решения февральско-мартовского пленума и личные указания Сталина по выявлению и разгрому врагов народа, покровительствовал им. В ряде райкомов секретарями сидели «враги народа и их агенты».

18 октября. Опубликовано постановление второй областной комсомольской конференции. Отмечалось, что областной комитет ВЛКСМ не вел борьбу по разоблачению и изгнанию врагов народа, «троцкистско-бухаринских последышей в комсомоле». Примером «засоренности» явилось избрание на конференцию «враждебных и политически сомнительных людей». Конференция требовала «решительной борьбы по дальнейшему разоблачению и выкорчевыванию врагов народа, троцкистско-бухаринских последышей и их агентуры в комсомоле».

8 декабря. Опубликовано статья «Чужаки изгнаны из комсомола». Рассказывалось об исключении из ВЛКСМ нескольких комсомольцев в колхозе «Смена» Называевского района за «связь с врагами народа» и как «чужаков».

28 декабря. Опубликовано статья «Ликвидировать последствия вредительства». Рассказывалось, что на кожгалантерейной фабрике враги народа срывали выполнение плана, мешали развитию стахановского движения. На фабрике не оказалось материала, и с 1 по 15 декабря коллектив не работал.

1938 г.

В январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов и рассмотрении апелляций исключенных. И снова, как во время коллективизации, клеймили «головотяпов» и «перегибщиков». Это они счита-

ют, что ничего не стоит исключить из партии несколько тысяч коммунистов. Партия большая... Начался пересмотр дел исключенных, вернули из застенков оклеветанных коммунистов, которые не дошли еще до кровавых троек, уцелели от расправы.

По примеру партии действовал и комсомол. Все реже появлялись сообщения о выявленных врагах. Правда, **врагами нередко оказывались те, кто недавно неистово их выслеживал и выдавал на расправу.**

10 января. Помещено сообщение «Собрание актива в Молотовском районе». Рассказывалось, что комсомольцы Великоорусской школы «писали в райком и просили работников райкома помочь им в работе и борьбе с вражескими последышами, засевшими в школе». И это не единственный сигнал о врагах в школьных коллективах.

14 января. Опубликован материал «Враждебные элементы срывают подготовку к весеннему севу». Комсомольцы «сигнализировали», что кулаки проникли в правление колхоза «Трудовик» Черлакского района. Счетоводом здесь работает лишенец Еременко. Здесь же его ближайший родственник Фоменко. Ветеринаром работает «сын крупного кулака Дрыга, который не лечит скот, а калечит». Лишенец Васько работает кассиром, его сын заведует хозяйством. Бригадир полеводческой бригады Селенко – «сын крупного кулака». А комсомольская организация в колхозе бездействует.

26 января. После Пленума ЦК ВКП(б), принявшего постановление об исправлении ошибок, допущенных при массовых исключениях коммунистов из партии, в газете появились материалы о клеветниках, по вине которых пострадали многие комсомольцы. В статье «Клеветники из Голышманово» сообщалось, что за несколько месяцев работы секретарь РК Головченко исключил из комсомола более 50 человек.

4 марта. Перепечатана передовая статья из «Правды» «Чудовищные злодеяния право-троцкистской банды». Речь шла о судебном процессе над «Право-троцкистским блоком». Перед судом предстали Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, А.П. Розенгольц, Г.Г. Ягода и др.

В статье «Приветствуем славных наркомвнудельцев» содержались восторженные отзывы о славных делах работников НКВД, разоблачивших врагов.

6 марта. Помещены «отклики» на процесс по делу «Право-троцкистского блока». Резолюция из Омского автодорожного института – «Смерть изменникам Родины!». Из педагогического института:

«Если враг не сдается – его уничтожают». С омской обувной фабрики: «Смерть врагам народа!». Из Оконешниковской МТС: «Уничтожить гадов!». От комсомольской организации Омской железной дороги: «Проклятые подонки человеческого общества». Помещена резолюция общего собрания трудящихся села Крутинка с требованием: «Никакой пощады гадам!».

В ряде последующих номеров газета печатала материалы о процессе и отклики.

11 марта. Перепечатана передовая статья из «Правды» «Воспитывать молодежь в духе большевизма» и постановление ЦК ВЛКСМ «Об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключении из комсомола и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВЛКСМ и о мерах по устранению этих недостатков». В постановлении приведены примеры по Омской области.

15 марта. Опубликован «Приговор» суда над участниками «право-троцкистского блока» (Н.И. Бухариным и др.). Целая газетная полоса занята материалом под заголовком «Народ приветствует приговор суда над право-троцкистскими бандитами». Помещены отзывы с мест: «Комсомольцы и молодежь села Красноярка» Кагановического района, комсомольцы и молодежь гаража Омской железной дороги, ряд частных заявлений комсомольцев.

17 марта. Помещена статья «За большевистское выполнение решений пленума ЦК ВЛКСМ («Об ошибках...» и т. д.). Объявлялось: «Ленинский комсомол под руководством партии Ленина-Сталина провел большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-бухаринских агентов японо-германского фашизма и других врагов советского народа, обманным путем пробравшихся в ряды Ленинского комсомола». Но в ходе этой «большой и плодотворной работы комсомольские организации допустили ряд грубых ошибок». Они исключали из комсомола «пачками», не проверяя предъявляемых обвинений. Здесь и действовали враги народа и помогавшие им провокаторы и карьеристы. «В Омске, Ишиме, Тюмени и других городах и районах области десятки честных комсомольцев были исключены по заявлениям клеветников».

В этом номере газеты помещены сообщения об огульном исключении комсомольцев. Под заголовком «В комсомольской организации Кировского мелькомбината» рассказывалось, что исключали без проверки, «по всякому клеветническому заявлению». Аналогичное положение отмечено по другим организациям.

20 марта. Помещена статья «Разоблачить и наказать клеветников». Сообщалось о собрании комсомольского актива Кировского района г. Омска. По политическим мотивам в районе исключено 40 комсомольцев. «Комсомолку Антипину исключили только за то, что ее зять враг народа, у которого она временно жила на квартире» и другие примеры.

Другая статья «Полностью реабилитировать оклеветанных комсомольцев» посвящена этой же теме. При этом отмечалось, что и после восстановления в ВЛКСМ к этим комсомольцам относятся с подозрением.

22 марта. Опубликовано несколько статей о клеветниках и восстановлении в рядах ВЛКСМ ранее исключенных. Этому посвящались статьи: «Клеветники» (из Крутинского района), «Перестраховщики из облфото», «Исправить ошибки, допущенные при исключении из ВЛКСМ» с примерами об исключении по клеветническим обвинениям.

24 марта. Помещена статья «Исправляют ошибки». Рассказывалось, что комсомольцы одобряют решения об исправлении «ошибок» при исключении.

26 марта. Комсомольская газета поместила передовую статью «Реабилитировать оклеветанных, наказать клеветников» и другие материалы о восстановлении и исправлении «ошибок», допущенных при исключении. В последующих номерах газета неоднократно возвращалась к этой очередной задаче.

10 апреля. Помещено сообщение о III-м пленуме обкома ВЛКСМ и резолюция «Об исправлении ошибок, допущенных комсомольскими организациями при исключении из ВЛКСМ и ликвидации формально-бюрократического отношения к разбору апелляций исключенных из ВЛКСМ в Омской и Тюменской городских организациях». Отмечалось, что в Омске за четвертый квартал 1937 г. исключено 158 комсомольцев, «в том числе как «врагов народа» 81 человек». Сталинский райком за это время «проштамповал» 60 решений, большинство из которых затем отменены горкомом комсомола. В Ленинском райкоме 44 таких решения.

В последующее время главным политическим событием стала подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР и подготовка к XX-летию комсомола. Но борьба с врагами народа не была забыта. Об этом напоминали «Лозунги к 1 Мая», опубликованные комсомольской газетой 22 апреля. Среди лозунгов: «Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!», «Искореним врагов народа – троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических шпионов, вредителей, наймитов иностранных

разведок!», «Разоблачим всех и всяких двурушников! Превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма!».

16 августа. Помещена статья «До конца исправить ошибки». Наряду с этим публикуются тревожные сообщения о международных отношениях. Угрозы Гитлера Чехословакии, фашистский путч в Судетской области, о подготовке к насильственному захвату Чехословакии, переговоры в Мюнхене (Мюнхенская конференция, определившая судьбу этой страны, выданную Гитлеру).

Мир шел к новой войне.

Еще немного и комсомольцы 30-х годов станут на пути гитлеровских орд, вторгшихся в пределы отечества. Это они страну заслонили собой...

Сотни тысяч их падут на полях сражений. Еще тысячи окажутся в жестоком фашистском плену, а после – и в советских лагерях.

Из писем и записок осужденных

(по материалам омских архивов)

*Из заявления в обком ВКП(б) А. И. Зайцева
25 августа 1939 г.*

«... Держали меня в кабинете следователя безвыходно с 8 часов утра 31 марта до 6 часов вечера 5 апреля 1938 г., т. е. 5, 5 суток, где мне в течение 130 часов совершенно не давали спать, учиняя кулачные побои по голове и по бокам, суточные стойки на ногах, высидку на уголке стула с вытянутыми вперед ногами и с поднятым вверх подбородком. Весь процесс допроса сопровождался самой отборной нецензурной бранью, заставляя писать самые нелепые, гнусные, подлые и ложные показания, как на самого себя, так и на других лиц, которых я совершенно мало знал.

... Я со стороны следователя ... был подвергнут кулачным побоям и доведен до психически ненормального состояния. Будучи в таком состоянии и запуганным всякими расправами с членами моей семьи, я был окончательно насильственно принужден писать под диктовку следователей».

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 133. Л. 225.)

*Из письма в «Правду» П. И. Шунько
Сентябрь, 1939 г.*

«... Мне попало больше всех, т. к. я им категорически заявил, что пусть меня убьют, но ложь я писать не буду.

Кто был слаб из арестованных и побоев не выносил, так они на себя писали все, что им диктовали следователи, но я писать не стал.

... Обо всех этих безобразиях я хотел сообщить Сталину, и мною было написано Сталину письмо, но это письмо было перехвачено следователями... Так за это письмо меня чуть не убили. Били и приговаривали: «А, вражина, хотел сообщить Сталину. Так ведь вот не удалось это сделать».

Члену партии с 1918 г. Гонибергу «во время избиения перелома-ли позвоночный столб и он через некоторое время умер».

При допросе Карклина следователь «по голой спине полосовал шашкой. Карклин избиения не вынес и согласился дать такое показание, хотя оно было явно вымышленное».

«... Вирский С. С. пыток не мог вынести, так взял и выколол себе глаза. Иванов Н. А., полковник запаса, пыток не мог вынести, перерезал себе на руке вену».

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 133. Лл. 58-73.)

Из письма бывшего работника обкома ВКП(б)

В. Ф. Голосова

Следователь требовал:

«Ты должен пойти на клевету, в данных условиях это необходимо партии. Ты будешь жертвой, но во имя чего? Во имя интересов партии, мы, партийная часть управления, ждем этого от тебя, так решено.

... Я вдруг неожиданно для себя услышал следующее заявление Пешкова (следователь. – Ред.): «Голосов, неужели ты не можешь понять, что тебе надо врать, клевета твоя нужна для разгрома право-троцкистской организации. Врать в интересах партии».

Турчанинов (другой следователь. – Ред.), присутствуя на допросе меня Пешковым, заявил: «Неужели ты не можешь понять, что твоя клевета в данной политической обстановке есть классовая правда, что ты врать будешь в интересах партии».

(Архив УФСБ по Омской обл. Д. П-8349. Т. 4. Л. 249.)

Из записки бывшего заведующего сельхозотделом обкома ВКП(б) Г. В. Слюнкова бюро Обкома.

23 ноября 1939 г.

«... Я был арестован 30 сентября 1937 г. и с квартиры прямо привезен в НКВД в кабинет Пешкова (следователь. – Ред.)

... Саенко (следователь) «31 января (1938 г. – *Ред.*) в своем кабинете организовал мне для «изобличения» очную ставку с Голосовым, и когда я на бесстыдную клевету Голосова сказал последнему: «Скажи моим ребятам, что мой отец не изменял Сталину и партии, а погиб от твоей клеветы», капитан быстро подскочил ко мне и в присутствии Голосова и следователя Прищепы начал избивать меня, ударяя кулаками по лицу и крича, что он доведет меня до расстрела и сам пойдет расстреливать. 17 февраля Саенко без всяких оснований и только потому, что я отказываюсь клеветать, посадил меня в карцер.

... В заключение считаю нужным сообщить, что в 5 часов утра 24 октября 1937 г. я был Пешковым приведен в кабинет Валухина, там же был Саенко, минут 10 говорил мне, как плохо работал обком, как медленно развивается в области животноводство, как много всяких безобразий и неполадок в сельском хозяйстве и что после нашего ареста органы НКВД изъяли из колхозов области 16000 кулаков. Я заявил Валухину, что не бегу от ответственности за работу обкома и готов принять любое заслуженное наказание, если есть конкретные факты моей вины, но я никогда не был правым, заявление о принадлежности к контрреволюционной организации написал вынужденно под диктовку Свистова и Пешкова. Сговора против партии никогда ни с кем не имел. Валухин пропустил мимо ушей заявление о вынужденном лживом признании, а на отсутствие сговора сказал: «Вы и без сговора понимали друг друга – фашисты».

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 133. Л. 242-244)

В ЦК ВКП(б), секретарям ЦК.

От члена ВКП(б) с марта месяца 1919 г.,

московского рабочего и бывшего комсомольца П. М. Лукина.

23 октября 1939 г.

После поездки на прежнее место работы направил в ЦК письмо об истязаниях в застенках Омского НКВД и безнаказанности работников этого ведомства.

«Гуляют с партийными билетами в кармане большинство конкретных людей, участвовавших в истязаниях невинных партийцев, причем привлекать их к ответственности за это не думают на том основании, что-де виноваты все – неправильная постановка вопроса, представляющая возможность укрыться от ответственности действительным виновникам безобразий...»

Для примера - следователь Ракита, истязавший старого чекиста Здоровцева, не только гуляет, но и преуспевает, он сейчас уже начальник отдела и, говорят, ждет награды. За что?

То же самое со следователем Володиным. Укрылись от ответственности конкретные активные участники всех этих мерзких дел следователи Прищепа, Ватковский, Залкин, Каган и т. д.

Я уже не говорю об авторе и распространителе сенсационных лживых заявлений – бывшем начальнике областного Управления НКВД Валухине, где он и как спрашивают с него ответ за эту «работу», я не знаю.

...Причем местные работники руководящих парторганизаций видят всю эту возмутительную картину и вопреки большевистским правилам молчат, потому что в случае смелой добросовестной постановки этого вопроса, видимо, боятся, что им тоже попадет и совершенно не по-большевистски почитают вопрос этот для ясности замять».

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 133. Л. 211-212)

Сообщение представителей Прокуратуры Союза ССР тов. Козырева и главного транспортного Управления НКВД СССР тов. Третьякова о проверке следственных дел, находящихся в ДТО НКВД и прокуратуре Омской железной дороги

19 ноября 1939 г.

На Омской дороге много арестовано командно-административного состава и специалистов железнодорожников и в силу неправильных методов следствия (вымогательства, истязания, длительные стойки на ногах, избивание арестованных, оставление на длительный период без пищи, запугивание арестом семьи, угроза расстрела со стороны работников НКВД), применявшихся отдельными работниками НКВД, были допущены аресты совершенно невинных людей, которые содержались под стражей до проверки бригадой, присланной НКВД и прокурором Союза по просьбе обкома перед ЦК ВКП(б). Руководство ДТО НКВД Омской железной дороги, арестовав отдельных работников без достаточных данных лишь только на основании так называемых «показаний участников» контрреволюционной организации, которые были добыты в силу извращенных методов допросов, не приняло мер к немедленному исправлению этих недостатков, несмотря на то, что об этом были многочисленные сигналы начальнику ДТО НКВД тов. Двинянинову.

Бюро обкома ВКП(б) отмечает, что самым недопустимым яв-

лением было со стороны отдельных работников следствия то, что они вымогали показания от арестованных на лиц, находящихся на свободе и работе, на которых никаких материалов в ДТО НКВД не было, как, например, Кутафина, начальника Южной дороги, Ковалева, прокурора дороги и ряд других.

(ОЦДНИ. Ф. 17. Оп. 75-А. Д. 3. Л. 99.)

Год 1938-й в зеркале «Омской правды»

1 января.

«Бодро и уверенно вступает наша замечательная страна в 1938 год... Будут завоеваны новые победы, будут новые радости.

Закончился славный 1937 год, блестяще завершивший вторую сталинскую пятилетку.

... Веселее и радостнее живет советскому народу».

3 января.

Помещена информация «В обкоме ВКП(б)». Рассказывалось, что на руководящую работу выдвинуты новые кадры. В Азовском районе «в декабре выдвинуты на руководящую работу 10 человек». В других организациях, на предприятиях идет такая же смена руководства.

5 января.

Опубликована статья «Критика в Москаленках зажата» о том, что состоялось районное партийное собрание по итогам IV пленума обкома партии. Отмечалось, что бюро райкома слабо ведет работу по выявлению врагов народа. «Бывший первый секретарь райкома Лисеенков, связанный с врагом народа Дорошевым, оставил в районе свои «корешки». Его друзья – второй секретарь райкома Механшин, председатель райисполкома Трофимов и член бюро РК Ковган на собрании постарались зажать критику, выгородить себя. Бюро райкома исключило Лисеенкова, как несправившегося с работой руководителя... Судья Кононенко, выступивший на собрании с критикой бюро райкома с обвинением, что бюро помогало вредительским действиям Лисеенкова, тут же на собрании был исключен из партии. Члены бюро, используя свое положение в президиуме, не дали ему даже высказаться до конца». Бюро скрыло материалы о вредительских действиях Лисеенкова, враги действовали в райзо под покровительством бюро райкома. «Районная парторганизация не сумела разоблачить до конца все вредительские действия в Москаленках».

11 января.

В передовой статье «До конца разоблачить и уничтожить врагов народа» речь шла о приговоре Военного трибунала СибВО по делу

«группы шпионов и диверсантов, работавших в Омске по заданию одного из иностранных государств, находившихся в тесной связи с троцкистской бандой, также разоблаченной и ликвидированной.

Тот факт, что существовала группа взбесившихся фашистов, готовивших страшные злодеяния, еще и еще раз подтверждает пророческие слова нашего мудрого вождя товарища Сталина» ... о том, что страна окружена врагами, и они будут засылать к нам шпионов и диверсантов. Осужденные враги готовили отравление омских рабочих. «Восемь изменников Родины, шпионов и убийц, расстреляны по приговору Военного трибунала, по приговору всего народа... Путем подсыпки яда в пищу эти грязные, потерявшие человеческий облик выродки, хотели уничтожить тысячи трудящихся города Омска, тем самым парализовать наш транспорт». В день Октябрьской революции «эти изверги рассчитывали произвести первый опыт отравления, в первую очередь, отравить рабочих паровозоремонтного завода и других предприятий железной дороги».

12 января.

Помещена статья «Благодарим наркомвнудельцев». «Мы, рабочие депо им. Куйбышева станции Омск, заслушав сообщение о расстреле банды террористов, шпионов и диверсантов, орудовавших в г. Омске и готовивших неслыханное злодеяние против нас, рабочих омского железнодорожного узла, горячо приветствуем этот справедливый приговор Военного трибунала СибВО над фашистскими гадами.

Мы благодарим наркомвнудельцев, своевременно раскрывших преступные замыслы подонков человечества.

Мы уверены, что под руководством славного сталинского наркома тов. Ежова, при помощи и поддержке всех трудящихся, наши героические чекисты разгромят замыслы японо-немецких фашистов и их наймитов – троцкистско-бухаринских шпионов».

Сообщалось, что в редакцию «продолжают поступать резолюции митингов» со всех предприятий и учреждений Омска. «Трудящиеся благодарят наркомвнудельцев за то, что они разоблачили и уничтожили группу убийц и обязуются повышать классовую бдительность».

Другая статья была посвящена открытию Сессии Верховного Совета СССР. Печаталось приветствие Сталину. «Сердечный привет нашему учителю, другу, вождю товарищу Сталину». В наказе избирателей своему депутату М. Д. Маннику от колхозников колхоза «Ясная Поляна»: «Мы шлем тебе свой наказ: передай нашему дорогому учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину сердечный привет. Передай товарищу Сталину, что, следуя его мудрым советам, кол-

хозное крестьянство добилось счастливой жизни, о которой раньше и мечтать не смели бедняк и середняк». Подобного рода наказания адресованы депутатам Ведерникову и Ярославскому.

25 января.

Перепечатана из «Правды» статья «Решения Пленума ЦК ВКП(б) сделать достоянием каждого коммуниста». Речь шла об исправлении «ошибок», допущенных в недавнее время при исключении коммунистов. Вместе с тем подчеркивалось: «Никогда не дрогнет рука большевика, когда речь идет о самой беспощадной расправе с врагами народа – троцкистско-бухаринскими шпионами». Недавние массовые репрессии – это тоже результат деятельности врагов. «Это враги партии стремятся путем проведения репрессий истребить наши большевистские кадры, посеять недоверие и излишнюю подозрительность в наших рядах».

27 января.

Перепечатана из «Правды» передовая статья «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников». Как и во время коллективизации, началось «исправление перегибов». Привлечь к ответственности клеветников, восстановить в партии «неправильно» исключенных и т. д. В статье «На собрании партийной организации ПВРЗ» при изучении решения январского пленума ЦК об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов и рассмотрении апелляций исключенных отмечалось, что «пачками изгоняли людей из партии», против честных работников выдвигались необоснованные обвинения. На ПВРЗ и на Омской железной дороге террор был особенно жестоким.

2 февраля.

Помещена статья «Печать обязана реабилитировать оклеветанных». Газета признавала, что помещала «необъективные публикации». Другая статья называлась «К ответу клеветников».

3 февраля.

Перепечатана статья из «Правды» «Большевистская чуткость и внимание к человеку». И снова – о бережном отношении к кадрам, но это не означает прекращение борьбы с врагами народа. «Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а, наоборот, предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопросов об исключении из партии... Лишь люди, по своему существу глубоко антипартийные, могут подходить к человеку,

как к статистической единице». Сталинская забота о человеке, большевистская чуткость «должны пронизывать все звенья партийной работы».

4 февраля.

В статье «Беспощадно разоблачать карьеристов и перестраховщиков» отмечалось, что ЦК ВКП(б) требует повышения большевистской бдительности. «Не все враги партии вскрыты и разоблачены. Враги народа, агенты фашизма, шпионско-диверсантская сволочь – прибегают к новым формам маскировки. Всякое проявление идиотской болезни – беспечности, открывает щель для хитрого и подлого врага».

В статье «Собрание областного партийного архива», посвященной решению пленума ЦК «Об ошибках партийных организаций при исключении коммунистов из партии» отмечалось, что докладчик привел примеры огульного исключения коммунистов из партии по необоснованным обвинениям, о затяжке при рассмотрении апелляций исключенных и др.

6 февраля.

Помещена статья «Собрание областного партийного архива» с изложением некоторых выступлений. Представитель Омского горкома партии заявил: «Большая очистительная работа от лазутчиков фашизма, троцкистско-бухаринских предателей, шпионов и диверсантов и иной фашистской нечисти проделана областной партийной организацией». Но при проведении этой работы допущены ошибки. «Десятки невинных людей исключались из партии сверхбдительными перестраховщиками».

Критике подверглись «вредительские установки» бывших руководителей обкома партии (секретари Булатов, Симанович), «направленные на разгром большевистских кадров, на огульное исключение из партии». Начальник УНКВД заявил, что «сейчас задача заключается не в том, чтобы каяться и бить себя кулаками в грудь», а в том, чтобы по-большевистски исправить допущенные ошибки. Еще недавно начальник УНКВД обвинял секретаря обкома Булатова в покровительстве «врагам народа», расставлял на руководящие должности своих ставленников. Теперь он заявил: «Были вредительские установки бывших руководителей обкома, направленные на разгром партийных кадров, но почему же они не встретили решительного отпора? Почему не нашло противодействия огульное исключение коммунистов из партии?»

28 февраля.

Под заголовком «В прокуратуре Союза СССР» помещен материал по делу «право-троцкистского блока». «Эта группа организова-

лась по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств и поставила своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР и отрыв от нее Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке – в пользу упомянутых иностранных государств. Наконец – свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя, восстановления капитализма, восстановления власти буржуазии...». К судебной ответственности привлечены Бухарин Н.И., Рыков А.И., Ягода Г.Г., Крестинский Н.Н., Раковский Х.Г. и др. (всего 21 чел.) «Установлено, что большинство главарей право-троцкистского блока осуществляло свою шпионско-вредительскую, диверсионную и террористическую деятельность по прямому заданию Троцкого, Бухарина, Рыкова и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств». Слушание начнется 2 марта в Военной коллегии Верховного суда СССР».

1 марта.

Помещена статья «Право-троцкистский блок убийц, шпионов, предателей». Отмечалось: «Сотни миллионов рабочих, крестьян, честных интеллигентов во всем мире содрогнутся от негодования и омерзения, когда узнают о чудовищном заговоре, о кошмарных, леденящих душу преступлениях банды гнусных убийц, шпионов, фашистских заговорщиков, объединившихся в «право-троцкистский блок». Эти враги «обещали империалистическим захватчикам» расчленив Советский Союз, восстановить капитализм. Этот «блок» стягивал в свои ряды всю ту сволочь, которая осталась от разбитых и уничтоженных в СССР эксплуататорских классов и враждебных партий». Здесь сплелись в грязный клубок эсеры и меньшевики, буржуазные националисты. Троцкий, Бухарин и другие еще с 1918 г. вели борьбу против Ленина, вместе с левыми эсерами организовали заговор. «На скамье подсудимых они сидят, как подлейшие предатели родины, как слуги фашистских разведок, как продажные шпионы, как то человеческое отрепье, для которого нет места на земном шаре среди честных людей. Преступления этих выродков поистине чудовищны. И советский суд, нет сомнения, воздаст им по заслугам».

3 марта.

Опубликована статья «Нет пощады подлым злодеям» в связи с судебным процессом над участниками «право-троцкистского блока». «Пусть обрушится на головы право-троцкистских бандитов вся

ненависть, весь гнев советского народа, вся скорбь его от убитых подлой рукой лучших сынов социалистической Родины!»

Опубликовано обвинительное заключение, показания свидетелей.

4 марта.

Помещены статьи в связи с процессом над «право-троцкистским блоком»: «Чудовищные злодеяния право-троцкистского блока», «Уничтожить гнусную банду убийц – таково требование трудящихся», «Расстрелять фашистских наемников» и др.

В последующие дни публиковались материалы судебного процесса, резолюции собраний и митингов с требованием расстрелять обвиняемых, печатались их показания.

11 марта.

Наряду с другими материалами о судебном процессе над право-троцкистским блоком помещено письмо депутатов Верховного Совета СССР от Омской области Е.М. Ярославского, А.А. Ведерникова, Ф.П. Наумова, А.Ф. Кирюшиной, Н.В. Цицина, С.И. Евстигнеева, М.Д. Манника, К.Н. Валухина, Н.Т. Няруй, Л.Ф. Ернова «Расстрелять банду фашистских заговорщиков!»

13 марта.

Весь номер посвящен перепечатке речи государственного обвинителя, Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского на судебном процессе против право-троцкистского блока.

14 марта.

Помещен приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу право-троцкистского блока. Из 21 обвиняемого к расстрелу приговорены 18 человек. В том числе Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, Н.Н. Крестинский и др. К 25 годам тюремного заключения приговорен Д.Д. Плетнев, к 20 годам – С.А. Бессонов и Х.Г. Раковский. Помещены другие материалы о процессе.

30 марта.

В статье «Враги колхозного крестьянства на скамье подсудимых» рассказывалось о суде над бывшими руководителями Крутинского района. Враги колхозного крестьянства – председатель райисполкома Яковлев, зав. райзо Патронов, уполномоченный по заготовкам Калашников, директор Крутинской МТС Ширин, секретарь райкома Мамичев (дело о нем выделено в особое делопроизводство) «в контрреволюционных целях творили полнейший произвол в районе. Вредители грубо нарушали социалистическую законность и издевательски попирали сталинский устав с. х. артели».

Организовали вредительскую приемку хлеба высокой влажности, ссыпали зерно в непригодные помещения, «переобложили» ряд колхозов высоким подоходным налогом и т. д. На суде обвиняемые стали отказываться от своих прежних показаний...

8 апреля.

После ряда публикаций помещен «Приговор по делу бывших руководителей Крутинского района». Суд приговорил к лишению свободы сроком на 15 лет С.Д. Калашникова, Н.А. Патронова. Другие обвиняемые приговорены на сроки от 3 до 8 лет.

14 апреля.

Опубликована статья «Боевые задачи комсомола Омской области». Речь шла о том, что в борьбе с врагами народа комсомол слишком увлекся, из рядов ВЛКСМ необоснованно исключили массу молодежи. «Тысячи честных комсомольцев были оклеветаны и исключены из рядов ВЛКСМ карьеристами и перестраховщиками. Во второй половине 1937 года по области было исключено 2 638 человек». Омский горком ВЛКСМ исключил 164, Москаленский райком – 35, Любинский – 20 и т. д. Теперь «оклеветанных комсомольцев нужно реабилитировать полностью».

17 апреля.

В статье «Пособники врагов разоблачены» речь шла о врагах в Большеуковском районе. Здесь секретарь райкома Садовников не вел борьбу с нарушителями сталинского устава с. х. артели, сорваны засыпки зерна, обмен семян, кадры не готовы к весеннему севу. «Вражеские элементы разваливали хозяйство в колхозе «Прожектор», сожгли ферму и 100 голов молодого скота». В ряде колхозов падеж молодняка составляет 50-70 процентов. Секретарь райкома Садовников исключен из партии, к уголовной ответственности привлечены председатель райисполкома Нащенко, заведующий райзо Меренков и др.

12 мая.

Появилась статья «Нарушения революционной законности областной прокуратурой». Ответственный секретарь партколлегии КПК по Омской области А. Слепой писал, что «славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Н. И. Ежовым, вскрыла змеиные гнезда троцкистско-бухаринских бандитов и уничтожила их. Но кое-где еще притаились остатки врагов, которые, перекрасившись в архибдительных людей, сумели нанести вред нашей партии.

...Враги и провокаторы репрессировали очень много честных, преданных коммунистов, исключение из партии часто сопровож-

ждалось немедленным заключением данного работника в тюрьму. Массу ошибок в этом отношении наделали органы прокуратуры Омской области». Отмечалось, что арестованных месяцами держали в заключении, вместо административных взысканий предъявлялись обвинения в контрреволюционных преступлениях и т. д.

26 мая.

Помещена статья «Райком, не возглавивший борьбы за ликвидацию последствий вредительства». Отмечалось, что враги народа выявлены на железной дороге, на заводах им. Розы Люксембург и им. Коминтерна, но Ленинский райком не возглавил эту борьбу с ними, не принимает мер по ликвидации последствий вредительства.

1 июня.

В передовой статье «Конференция большевиков Омска» отмечалось, что партийная организация «разгромила змеиные гнезда троцкистско-бухаринских предателей родины, шпионов и убийц, засевших в некоторых партийных организациях и пробравшихся даже к партийному руководству. Злейшие враги народа (Булатов, Уленков), руководившие Омским горкомом партии, и их ставленники в районных партийных организациях, всячески игнорировали проведение в жизнь решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и указаний тов. Сталина, систематически осуществляли вредительство в партийной и хозяйственной работе. Они давали указания о массовом и огульном исключении из партии, стремились посеять излишнюю подозрительность в партийной организации и перебить наши большевистские кадры».

В последующих номерах газеты 3 – 5 июня публиковались материалы конференции. Многократно повторялось, что вражеское руководство Омской областью и городскими организациями ВКП(б) нанесло удар по кадрам и в то же время прикрывало действительных врагов народа.

29 июля.

В передовой статье «Неустанно вести антирелигиозную пропаганду» отмечалось, что, прикрываясь «поповской рясой», церковники ведут контрреволюционную пропаганду. В Москаленском и Любинском районах разоблачены церковные организации, которые «готовили диверсии, осуществляли вредительство в колхозах».

4 октября.

В газете помещена статья «Суд над контрреволюционной вредительской бандой, орудовавшей в колхозе «Комбайн». Пробравшись

в колхоз, вредители срывали уборку урожая, разлагали колхозную дисциплину. Продолжение сведений о суде печаталось 5 и 6 октября. Объявлен приговор. К расстрелу приговорены Захар Урусов, Василий Чикишев, Леонид Волокитин. К 10 годам заключения приговорены Анна Макарова, Георгий Макаров.

5 октября.

Перепечатана передовая статья из «Правды» - «Лозунги борьбы и побед». Речь шла о призывах ЦК ВКП(б) к годовщине Октябрьской революции. В статье отмечалось, что «Славная советская разведка разоблачила фашистскую банду шпионов и убийц... Пусть растет и крепнет советская разведка – грозное оружие советского народа, неусыпный страж социалистической революции!» Будем помнить о том, что капиталистическое окружение, пока оно существует, будет постоянно стремиться засылать в наши тылы свою агентуру. Поэтому на наших знаменах лозунг Центрального Комитета ВКП(б) – «Искореним врагов народа троцкистско-бухаринских и буржуазных националистических шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок. Смерть изменникам родины!»

В этом же номере газеты помещена речь секретаря ЦК ВКП(б) А. Жданова на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ по случаю 20-летия союза молодежи. Отметив выдающийся вклад комсомола в решение хозяйственных задач, в воспитание молодежи, А. Жданов заявил, что ЦК комсомола допустил серьезные ошибки «в деле идейного воспитания молодежи, в деле разоблачения вражеских элементов в комсомоле и очищения от них комсомола».

11 октября.

В материале «В областной прокуратуре» речь шла о врагах народа в Одесском районе. В колхозе «Красная Нива» осужден на 7 лет председатель В.Ф. Уваров. На 3 года ИТЛ осужден комбайнер Буняковской МТС И. Калашников. За саботаж уборочных работ осужден на 3 года комбайнер Казанской МТС А. Ильин.

12 октября.

В передовой статье «Накануне выборов руководящих кадров ВЛКСМ» содержался призыв к дальнейшему повышению бдительности. Важнейшим вопросом на выборах является тщательный отбор руководящих кадров. ЦК ВЛКСМ считает «важнейшей задачей всех комсомольских организаций в предстоящих выборах обеспечить избрание в руководящие комсомольские органы комсомольцев, вполне проверенных в борьбе с врагами народа и способных до конца защищать дело партии Ленина-Сталина».

16 октября.

Помещена статья «Революционная бдительность – важнейшее качество большевиков». Сообщалось о судебных процессах над врагами в районах области.

20 октября.

В газете помещены материалы о «нарушителях революционной законности». Сообщалось о выездной сессии Верховного суда РСФСР по делу о бывшем прокуроре Омской области И.И. Бусоргине и начальнике следственного отдела прокуратуры, которым предъявлено обвинение в нарушении революционной законности и превышении власти, в незаконных арестах граждан.

21 октября.

В «Омской правде» сообщалось, что областная прокуратура за вторую половину 1937 г. и первые 4 месяца 1938 г. «привлекла к ответственности по обвинению в контрреволюционном вредительстве, саботаже и других контрреволюционных преступлениях 483 человека». Из этого числа обвиняемых переквалифицировано как должностные нарушения 244 дела, на доследование направлено 100 дел. Прокурор Бусоргин приговорен к 2-м годам лишения свободы.

26 октября.

Опубликована статья «Отчеты и выборы в комсомоле», в которой содержались призывы проявить активность, провести кампанию в обстановке критики и самокритики, помнить, что ЦК ВЛКСМ призывает «к высокой бдительности при обсуждении кандидатур. Самое главное, чтобы ни одна вражеская сволочь, ни один политически и морально сомнительный человек не проник в руководящие комсомольские органы. Избрать на руководящую работу комсомольцев, вполне проверенных в борьбе с врагами народа, способных до конца защищать дело партии Ленина-Сталина – такова задача».

1 ноября.

Помещено «Обращение Центрального Комитета ВЛКСМ» к молодежи. ЦК призывал к преодолению ошибок «в деле идейного воспитания молодежи, очищения комсомола от враждебных элементов и выдвижении новых кадров комсомольских работников на руководящую работу». Отмечалось, что вражеские элементы смогли разложить «часть комсомольских кадров и сделать их добычей иностранных разведок». Теперь предстоит ликвидировать остатки вражеского охвоста в комсомоле. Священной обязанностью комсомольца «является повышение большевистской бди-

тельности, непримиримая и самая решительная борьба со всеми врагами народа, с врагами нашей партии, с врагами коммунизма... Беспощадно громите и уничтожайте врагов народа и их агентуру в рядах комсомола».

4 ноября.

В газете опубликованы «лозунги» к годовщине Октябрьской революции. Среди них призыв: «Искореним врагов народа троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок! Смерть изменникам Родины!»

23 ноября.

Помещена статья «Почему Омский ПВРЗ не выходит из прорыва». Отмечалось, что «одной из основных причин отставания является слишком медленная ликвидация последствий вредительства... На многих участках работы Омского ПВРЗ еще не приступили к ликвидации последствий вредительства».

24 ноября.

Перепечатана передовая статья из «Правды» - «Могучее средство повышения политической бдительности». Содержался призыв к овладению марксистско-ленинской теорией, к борьбе с врагами этой теории. Проникшие в партию ее враги маскировались, меняли тактику, «а впоследствии превратились в агентуру буржуазных разведок, в банду шпионов, вредителей, убийц... Известно, что враги народа культивировали в комсомоле буржуазное отношение к быту, насаждали собутыльничество, семейственность... В среду комсомола пробрались лютые враги народа, фашистской разведке удалось заманить некоторых руководящих работников комсомола на путь предательства и измены родине».

4 декабря.

Газета поместила материалы о партийном активе г. Омска. Опубликовано обращение актива к Сталину.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Омский городской партийный архив, собравшись для обсуждения постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» шлет Вам, вождю и учителю трудящихся всего мира, пламенный большевистский привет.

«Краткий курс истории ВКП(б)», разработанный при Вашем непосредственном участии, вооружает нашу партию и советскую интеллигенцию знанием основ революционной теории марксизма-ленинизма.

...Понимая всю серьезность предстоящей работы, мы заверяем Вас, товарищ Сталин, что со всей энергией и настойчивостью будем работать над овладением передовой революционной теорией марксизма-ленинизма.

Партийный актив заверяет Вас, товарищ Сталин, что большевики Омска, неустанно повышая свою идейную вооруженность, еще выше поднимут большевистскую бдительность и до конца уничтожат презренных троцкистско-бухаринских агентов фашизма – злейших врагов партии и советского народа.

...Да здравствует наш мудрый и горячо любимый вождь, гениальный продолжатель дела Ленина – великий Сталин!»

Число осужденных по делам ВЧК-ОГПУ-НКВД за 1921-1940 гг.

Год	Всего осуждено	ВМН	Лагеря и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры
1921	35 829	9 701	21 724	1 817	2 587
1922	6 003	1 962	2 656	166	1 219
1923	4 794	414	2 336	2 044	–
1924	12 425	4 151	5 724	–	3 059
1925	15 995	2 433	6 851	6 274	437
1926	17 804	990	7 547	8 571	696
1927	26 036	2 363	12 267	11 235	171
1928	33 757	869	16 211	15 640	1 037
1929	56 220	2 109	25 853	3 741	–
1930	208 069	20 201	114 443	58 816	14 609
1931	180 696	10 651	105 683	63 269	1 093
1932	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228
1933	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345
1934	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498
1935	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400
1936	274 670	1 118	219 418	23 719	30 415
1937	790 665	353 074	429 311	1 366	69 114
1938	554 258	328 618	205 509	16 842	3 289
1939	63 889	2 552	54 666	3 783	2 888
1940	71 806	1 649	65 727	2 142	2 288
Всего	3 080 574	332 819			

*(Отечественные архивы. 1992, – № 2. С. 28-29
Россия. XX век. История России. 1917-1940. Хрестоматия.
Челябинск. 1994. С. 340).*

Вклад в победу омичей - узников ГУЛАГА

(Рукопись Э.П. Оттена)

Обращаясь памятью к трагическим и славным дням Великой Отечественной войны, мы чтим память тех, кто своим ратным подвигом и героическим трудом приближал Победу.

Но, воскрешая в памяти солдат, матросов, офицеров и генералов, партизан, рабочих и крестьян, ученых и деятелей культуры, которые внесли свой вклад в победу над фашизмом, мы часто забываем тех, кто долгие годы был изгоем в своей стране, но также внес вклад в общую Победу. Я имею в виду миллионы заключенных, часто невинно осужденных за деяния, которых они не совершали, и понесших такие наказания, которые никак не соответствовали степени их вины или общественной опасности.

В 20-е годы XX столетия в лагерях ГУЛАГа находилось 12-13 млн. заключенных. Их бесплатным рабским трудом были возведены Беломоро-Балтийский канал и Камск-Москва-Волга, Комсомольск-на-Амуре и БАМ, Кузнецкий и Норильский металлургические комбинаты и десятки других крупнейших строек социализма.

Массовые репрессии, призванные по сталинским идеям, усилить советскую власть, уничтожить ее врагов, на самом деле принесли стране и народу огромный урон. В преддверии надвигающейся войны была снижена обороноспособность страны. Красная армия лишилась лучшей части комсостава. Оголена и ослаблена была наша оборонная промышленность. Начавшаяся вторая мировая война грозила стране катастрофой и заставила партийно-государственное руководство искать выходы. Одним из них было создание из числа арестованных специалистов «закрытых КБ», прозванных «шарашками».

Одна из наиболее известных «шарашек», официально именовавшаяся ЦКБ-29 (Центральное конструкторское бюро), возглавляемая А.Н. Туполевым, была создана под Москвой в 1939 г. подневольным трудом арестованных специалистов, ученых, инженеров, конструкторов. В этих КБ создавались лучшие образцы военной техники.

Из истории известно, что рабский подневольный труд никогда не был высокопроизводительным. Не мог он быть таким ни в «шарашках», ни в целом в ГУЛАГе. Отсюда понятно, что массовые репрессии сильно затормозили все развитие СССР и нашу подготовку к грядущей войне, понятны и причины огромного количества людских и территориальных потерь в первые месяцы войны.

Война в корне изменила всю жизнь страны, переведя ее на военные рельсы. Для предотвращения полной катастрофы был выдвинут лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Когда в армию была мобилизована большая часть наиболее работоспособного населения, особо остро стал ощущаться дефицит рабочей силы и на оборонных предприятиях, и в строительстве. К работе были принудительно привлечены неработающие женщины, старики, подростки, но рабочих рук все равно не хватало. И тогда к работе стали активно привлекать заключенных. Это хорошо видно на примере Омска.

До войны промышленность в городе была развита слабо, а оборонной промышленности не было совсем. В 1941 году из западных областей страны, захваченных немцами, и из прифронтовых территорий, с Украины, из Москвы, Ленинграда и Брянска в Омск были эвакуированы около 100 промышленных, в основном оборонных предприятий. В июне прибыло и Туполевское ЦКБ-29. С эшелонами в Омск прибывали работники с семьями, станочное и другое оборудование, небольшой задел производимой продукции. Все это надо было где-то размещать, а производственных площадей почти не было. Часто станки ставились под открытым небом, а уже потом возводили стены и крышу. В этот период остро не хватало рабочих-строителей. Тогда «вспомнили» о заключенных.

Перед войной в Омске было несколько ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Но находившегося в них контингента з/к явно не хватало. По просьбе руководителей Омской «оборонки» Л. Берия издал приказ о переводе в Омск из-под Иркутска нескольких лагерей и о создании «Омлага» НКВД, затем переименованного в «Омкстрой НКВД». На юго-восточной окраине Омска были созданы крупные колонии ОЛП-2, ИТК-7 и другие. Трудом заключенных этих колоний были возведены корпуса заводов 166-го авиационного, 29-го авиа-моторного (ныне ПО «Полет» и завод им. П.И. Баранова).

Каждые утро и вечер огромные колонны арестованных под охранной конвоиров с собаками шли на заводы и обратно в ИТЛ. Это создавало большие трудности для города: перекрывалось все движение рабочих и транспорта; и чтобы избежать этого, были созданы жилые зоны на территории завода № 166.

Трудом заключенных были возведены производственные корпуса многих других оборонных заводов Омска: № 174 (танковый), № 513 (боеприпасов), № 634 (электроприборов) и другие. Также

были построены два аэродрома: один – на месте Космического проспекта, второй – на левобережье.

Но труд заключенных использовался не только на строительных и земляных работах. Использовали его и непосредственно на производстве оружия и боеприпасов. Так, на Сибзаводе в цехах, производивших мины и снаряды для зенитной артиллерии, работало несколько сотен заключенных-станочников, ежедневно дававших армии и фронту тысячи единиц боеприпасов. Это был ИТЛ-9, жилая зона которого располагалась на территории Сибзавода. Изготавливали мины и в ИТК-5.

Жизнь в тылу в годы войны у всех была тяжелой. Для заключенных она была невыносимой. Бесчеловечными были условия труда и быта в колониях, почти полностью отсутствовала техника безопасности. Голодные, раздетые, разутые, заедаемые вшами заключенные тяжело болели и массово умирали.

Отвергнутые властью и обществом, терпя произвол и издевательства администрации колонии и охранников, заключенные своим тяжелым рабским трудом вносили большой вклад в победу нашего народа над фашизмом. Трудно назвать этот вклад героическим, он, скорее, трагический, жертвенный. Смертность среди заключенных была огромной, что вполне сравнимо с гибелью людей на фронте и в прифронтовой полосе. По составу своему контингент заключенных был разнороден. Различен был и трудовой вклад разных групп в общее дело Победы. Более половины составляли «политические» и осужденные по пресловутой 58-й статье УК РСФСР, это были наиболее образованные и квалифицированные работники. Они и в лагере трудились добросовестно, хотя были наиболее бесправны.

Значительную часть з/к составляли крестьяне. Среди них многие были осуждены по закону от 7 августа 1932 года (за хищение социалистической собственности). Большинство из них – колхозники, получившие по 5-10 лет заключения за кражу горсти зерна или собравших на жниве после комбайна несколько колосков. Приученные в колхозе трудиться за «палочки», они в лагере не отличались большим трудолюбием.

С началом войны очень выросло число осужденных по Указу Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 года за нарушение трудовой дисциплины. Как правило, молодые, не имевшие высокой квалификации, но имевшие опыт заводской работы, они трудились неплохо.

Были в лагерях, конечно, и воры, грабители, убийцы, хулиганы и другой криминальный элемент. Их было меньшинство. Как правило, воры – «блатные» – всячески отлынивали от работы, при этом, как «социально близкие», они были под покровительством администрации и охраны, прощавшим им многие преступления и использовавших их как свою опору.

В мае 1945 года пришла Победа. В ознаменование конца войны была объявлена амнистия. На свободу вышли осужденные по бытовым статьям по большинству законов военного времени. Получили свободу воры, насильники, бандиты и другой криминал (вспомните к/ф «Холодное лето 53-го»). Не коснулась амнистия осужденных по 58-й статье. Они тянули свои «сроки» до смерти «отца всех народов», И.В. Сталина.

Однако опыт ГУЛАГа широко использовался до середины 50-х годов. В Омске начали строить нефтезавод, крупнейший в стране и Европе, и, в большинстве своем трудом з/к. На помощь им из Кемеровской области в Омск был переведен «Камышлаг», целиком укомплектованный «политическими». Их трудом возведены не только нефтезавод, но и большая часть городка нефтяников.

Сегодня, склоняя головы перед памятью тех, кто ценой своих жизней принес нам Великую Победу, вспомним и тех, кто совершил это в нечеловеческих условиях ГУЛАГа.

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В ОМСКУЮ ОБЛАСТЬ

Указ Президиума Верховного Совета СССР О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, - следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороне предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

*Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН
Москва, Кремль. 28 августа 1941 г.
(ГИАОО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 255)*

О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

*Донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина
и А.А. Жданова И.В. Сталину.*

Совершенно секретно.

28 августа 1941 г. Передано по В.Ч. 29. VIII в 10 ч.

Москва, тов. Сталину.

Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек.

Предлагаем выселение произвести в Казахстан – 15 000 человек, в Красноярский край – 24 000 человек, в Новосибирскую область – 24 000 человек, в Алтайский край – 12 000 человек и Омскую область – 21 000 человек.

Организацию переселения возложить на НКВД.

Просим утвердить это предложение.

*Молотов, Маленков, Косыгин, Жданов.
(ГИАОО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 255)*

Омскому обкому ВКП(б)

Докладная записка

Сообщаю, что 2500 человек немецкого населения, прибывающих из Поволжья в пределы Большереченского района, предлагается расселить в 64 колхозах и 5 совхозах. Уточненный список колхозов, принимающих население, при этом прилагается. Всего по колхозам района будет размещено 577 семей с 2195 единицами людского состава.

При этом в свободных домах и квартирах, в которых при проверке выявлено, в 167 будет размещено 267 семей и в порядке уплотнения колхозников и рабочих совхозов 391 семья.

В заселении домов общественного пользования, как-то клубов, изб читален, красных уголков, в уплотнении учителей необходимость не возникает, и район рассчитывает обойтись без этих мер.

Все дома и квартиры в настоящее время ремонтируются и подготавливаются к приему переселенцев. Тем не менее, однако, в этом районе встречается ряд трудностей. Вследствие полного отсутствия строительных материалов в районе (особенно стекло, гвозди) населенным пунктам для удовлетворения нужд колхозни-

ков в материалах для ремонта подготавливаемых переселенцам квартир необходимо сейчас стекла 17 ящиков, гвоздей 2,1 тонны, извести 16 тонн, красок 2 тонны, железа листового 100 листов.

Кроме того, как мы предполагаем, возникнет большая потребность в кухонной хозяйственной посуде, в лампах и ламповых стеклах и керосине, ввиду чего необходим отпуск дополнительных фондов этих товаров.

Разгрузку всех переселенцев необходимо произвести в Большеречье, где они будут учтены и колхозами компактом распределены по населенным пунктам района.

Доставка на места переселенцев будет произведена транспортом местных колхозов, подводы которых ежедневно бывают в Большеречье, доставляют сюда государственные хлебопоставки. В целях, однако, более быстрой вывозки с пристани прибывающих, нами даны указания колхозам выделить дополнительное количество транспорта с тем, чтобы в течение суток все переселенцы были доставлены на места.

Считаясь, однако, с возможностью дождливой погоды и с тем, что некоторые колхозы могут затянуть вывозку переселенцев, нами учтено по Большеречью 257 квартир, клуб, контора маслозавода, дом колхозника, в которых можно временно, дня на 2, на 3 разместить около 1500 человек.

Для медицинского обслуживания переселенцев местный райздрав выделяет необходимое количество медперсонала.

Соответствующая разъяснительная работа среди актива района по вопросу встречи немцев и отношению к ним проведена, и район в основном к приему переселенцев готов.

Секретарь Большереченского райкома ВКП(б) Вайнов

Председатель Райсовета Д. Т. Коминов

Начальник райотдела НКВД Речкалов

9 – IX – 41 г., с. Большеречье (ГИАОО. Ф. 1554. Оп.4. Д.6. Стр. 36)

Омск. Облсполком

Телеграмма

Принято эвакуированных Востока семей 485, человек 1161. Немцев Поволжья Саратовской, Горьковской областей семей 899, человек 3724, Западных областей, Москвы, Ленинграда семей 469, человек 1214.

Всего принято семей 1853, человек 6099. Расселено в колхозах, совхозах семей 1272, райцентре семей 581.

Устроено работу всего 1934 человека, в том числе колхозах 1766, МТС 64, предприятиях, учреждениях 104, не устроено работу 811 человек.

Попов (ГИАОО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 249) (Исилькульский р-н)

Секретно

*ЗАМ. ЗАВ. ОРГИНСТРУКТОРСКИМ ОТДЕЛОМ ЦК ВКП(б)
Товарищу ШАМБЕРГ*

ИНФОРМАЦИЯ

*О приеме, размещении и политических настроениях
эвакуированного в Омскую область немецкого населения*

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26-го августа 1941 года о переселении в Омскую область немецкого населения обкомом ВКП(б) 1 сентября 1941 года был утвержден план приема и размещения 65.000 человек.

В районы области был послан актив, который вместе с райкомами партии провел соответствующую подготовку к приему переселяемых.

Было выявлено и подготовлено к вселению 5.745 свободных домов (из подготовленных для плановых переселенцев) и 17.744 квартиры.

Эшелоны с переселяемыми стали прибывать с 13/Х, а к 1/Х основная масса переселенцев уже была принята и без задержек направлена в районы.

Размещение всех прибывших 83.516 человек произведено в 60 районах, от 120 до 800 хозяйств в каждом, а внутри районов произведено группами семей в колхозы и совхозы. Расселение целыми колхозами не проводилось. Все семьи обеспечены домами или квартирами в домах колхозников.

Немедленно, по прибытии, переселенцы были привлечены к работе в колхозах и совхозах на уборке урожая. Причем такие специалисты сельского хозяйства, как трактористы и комбайнеры, стали сразу же использоваться по специальности. Мужчины работают почти все, женщины же в большинстве случаев от работы в колхозах отказываются.

Так, например, из Называевского, Большереченского и Кормиловского районов были жалобы о плохом обеспечении питанием семей, в которых мало трудоспособных и после принятых мер к удовлетворению просьб они не повторялись.

Поступает много запросов об ускорении выдачи имущества, хлеба и других продуктов, взамен оставленных при выезде.

Проверкой, произведенной областными организациями и по материалам района, установлено, что большинство переселенцев не получило оформленных документов на сданные дома, надворные постройки, скот, хлеб, картофель, овощи и другие продукты, что со многими переселенцами – рабочими и служащими, не произведены предприятиями и учреждениями денежные расчеты.

Сейчас в районах все эти вопросы уточняются, производятся запросы на места прежнего жительства о высылке именных документов на сданное каждым хозяйством недвижимое имущество, а также обменных квитанций на принятый от них при выезде хлеб, скот, овощи, фураж и на начисленные продукты за выработанные ими трудодни в 1941 году. От учреждений и предприятий запрашивается перевод причитающейся задолженности рабочим и служащим. Там из переселенцев, которые имеют на руках обменные квитанции, начата выдача хлеба. Выдачу скота еще не производили.

В Омской области, до переселения немцев из Поволжья, проживало 50 тысяч немцев-колонистов. Общее количество немецкого населения по области в настоящее время составляет около 134 тысяч человек.

В среде немецкого населения, и особенно переселенцев из Поволжья, имеется значительный контингент немцев, враждебно настроенных, пытающихся, как в групповом, так и в одиночном порядке, вести антисоветскую работу. Враждебная деятельность немцев идет по следующим линиям:

1. Распространение провокационных слухов о непобедимости германской армии, бесполезности борьбы с нею со стороны Красной Армии и о необходимости заключить мир с Германией.

«Советскому Союзу – говорил немец Штерн И.А. – все равно ничего не сделать с Германией. Германия гораздо сильнее и Советскому Союзу не устоять против Германии». «Зачем, – говорил немец-переселенец Шайбит, – ваши воюют, зачем губят народ, давно следовало бы заключить мир. Наши прошли далеко, они сильны и все равно победят Советский Союз... В живых из русских останутся только те, кто сдается в плен». Имеется ряд других высказываний по этой линии.

2. Распространение провокационных слухов о немецкой гуманности, о том, что советские сообщения о немецких зверствах выдуманы, что немцы любят русский народ и ненавидят только коммунистов и евреев.

Немка Томояга говорила колхозникам: «Не бойтесь немцев, немцы народ хороший, они над мирным населением и колхозниками не издеваются, а издеваются только над партийными руководителями и евреями. Если бы немцы не жалели народ, они бы пустили газы и взяли бы всю территорию в течение одной недели, но они этого не делают потому, что победят Советский Союз и без этого».

«Немцы, в том числе и Гитлер, – говорил немец-переселенец Шульц А., – такие же люди, как и здесь. В газетах пишут неправду, что немцы издеваются над русскими. Этим только запугивают народ, но это все равно не поможет, победа будет за немцами, и Москва скоро падет. Это видно из того, что соввласть многим русским тоже не нравится».

3. Клевета на Красную армию, на ее, якобы, неумение воевать, на отсутствие в ней талантливых, преданных командиров.

Ссылный доктор Горнштейн говорил: «Война проиграна. У нас нет командного состава, да и неоткуда ему взяться, ведь все командиры малообразованные люди, а нужны стратеги, умеющие думать по-военному. Могут ли такие командиры и маршалы тягаться и равняться с культурными и военно-образованными специалистами? Конечно, нет».

Переселенец Ваал Г. Г. распространил слух, что «в рядах Красной армии уже нет единства. Есть случаи на фронте, что красноармейцы обстреливают свои же самолеты, чтобы помешать им наступать на германскую армию».

4. Распространение провокационных слухов о голоде в СССР.

Берген И.Я. говорил: «Немцы крепко наступают, я уверен, что Германия победит и освободит нас. Ведь воюют 3 месяца, а запасы у Советов вышли, армия голодает, и с чем Советская власть хочет воевать: в газетах писали, что хлеба у нас хватит на 10 лет, а выходит, что на год не хватит».

5. Дискредитация руководителей партии и правительства.

6. Разжигание террористических и повстанческих настроений.

Переселенец Эгер Е.И. высказал: «Эта эвакуация означает, что соввласть боится нас оставить в Поволжье, но придет время, мы им покажем, как нас выселять».

Переселенка Берта говорила колхозницам: «Придет Гитлер, тогда вам плохо будет, мы покажем вам как активничать».

Немка-переселенка (фамилия не устанавливается) говорила колхознице: «Нас переселили в Сибирь потому, что наши мужчины готовились поднять восстание против Советов, но если немцы ближе подойдут, то и здесь можно сделать».

7. Организация саботажа колхозных работ, направленного на срыв уборки и хлебозаготовок.

В Называевском районе, в колхозе «Заветы Ленина» немец-переселенец Симон Д.Н. организовал саботаж, в результате которого 21 человек трудоспособных немцев перестали выходить на работу, 2-х немцев он подговорил самовольно уехать из колхоза, а когда председатель колхоза воспрепятствовал выезду, Симон и Ремпель ударили председателя, и Симон при этом заявил: «Я не только способен драться, а способен на то, чтобы в известное время отомстить правлению колхоза и вообще русскому народу».

Переселенец Гильдерман заявил бригадиру Кейльн: «Я не буду работать в колхозе, я не дурак. Работал у себя дома – выселили и хлеб забрали ... уходи и на работу меня больше не приглашай – я сам знаю, что мне надо делать».

Немец-переселенец Гехт говорил: «У нас хлеб лежит в копнах в степи, мы не стараемся его убирать и молотить. Мы думаем, чтобы нам побольше осталось».

Переселенец-комбайнер Штеркир заявил правлению колхоза: «Я за ржаной хлеб работать не буду».

Ряд немцев-переселенцев не желает вступать в члены колхозов, в которые они переселены, проявляя при этом фашистские националистические настроения.

Переселенец Гиске говорил: «Мы совместно с русскими в одном колхозе работать не будем, пусть нам выделяют участок, возместят потерянное и оставленное в Поволжье, тогда мы организуем свой немецкий колхоз».

Немец Гросс заявил: «Ни в какой колхоз не вступлю. Пусть делают, что хотят».

8. Возбуждение недовольства среди немцев-переселенцев фактом переселения и их хозяйственным неустройством.

Немцы-переселенцы, братья Кнауб В.Г. и Г.Г., говорили: «Советская власть хотя и обманула нас, выселила, разбила по частям, забрала все наше имущество, но все равно придется нам все воз-

вратить, Гитлер нас выручит и мы, немцы, скоро будем над вами, русскими, хозяевами».

Переселенец Дегенгард К.Е. говорил: «Нас выселяют для того, чтобы уничтожить как немецкую расу. Завезут нас подальше, чтобы никто не знал и не слышал, и там бросят на поле, где мы будем умирать по одному».

Переселенец-коммунист Шредер А.Я. говорил: «Вообще это неслыханное безобразие – это все выселение. Судя по постановлению правительства, все 800.000 немцев Поволжья являются фашистами и диверсантами. Я, как партиец, не могу этому верить и не допускаю, чтобы среди немцев были шпионы и диверсанты».

Переселенец Шик А., оценивая переселение немцев, говорил: «Вот вам и Сталинская национальная политика. В чем тут разница с фашистскими деяниями? Да еще хуже».

По всем фактам антисоветских проявлений Управлением НКВД по Омской области приняты соответствующие оперативные меры. За период войны по области арестовано 119 человек немцев по ст. 58 УК РСФСР. За это же время обкомом ВКП/б/ исключено из ВКП/б/ 9 человек немцев, из них 4 человека за антисоветскую деятельность и как политически неустойчивые и 5 человек за другие уголовные преступления.

*27/XI-41 Секретарь Омского обкома В. К. П. (б) /КУДИНОВ/
(ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2697. Л. 6-11)*

РЕШЕНИЕ № 907с

*Исполнительного Комитета Омского областного
Совета депутатов трудящихся*

г. Омск

9 сентября 1944 года

По вопросу: Об устройстве и обеспечении детей немцев, мобилизованных в трудколонны, для работы в оборонной промышленности.

В соответствии с постановлением ГОКО № 2383с от 7/Х – 1942 г. были мобилизованы в трудколонны немцы-немки, у многих из них остались несовершеннолетние дети, и местные Советы депутатов трудящихся обязаны были принять меры к устройству и обеспечению детей этой категории мобилизованных, если они остаются безнадзорными (постановление бюро Обкома ВКП(б) и Облисполкома № 341-251 от 12/Х – 1942 г.)

Между тем поступает значительное количество заявлений мобилизованных в рабочие колонны немцев-немок с просьбами о де-

мобилизации или предоставлении отпусков для устройства оставшихся без надзора и помощи их детей.

В ряде районов постановление ГОКО не выполняется. Мобилизованные, получая сообщения о тяжелом положении их детей, стремятся освободиться из рабочих колонн, как путем получения отпусков, так и дезертируя из них.

Кроме того, неуверенность в обеспечении их детей резко снижает производительность труда.

В связи с этим Исполком областного Совета РЕШИЛ:

Обязать председателей Исполкомов Райсоветов:

1. Немедленно выявить наличие безнадзорных и неустроенных детей из числа немцев, мобилизованных в трудколонны.
2. Принять меры к устройству и обеспечению детей этой категории мобилизованных среди родственников в немецких колхозах.
3. Осуществлять постоянное наблюдение за устройством и обеспечением этих детей, не допуская случаев безнадзорности и беспризорности их.

О принятых мерах сообщить к 25 сентября 1944 г.

*Председатель Исполкома Облсовета
депутатов трудящихся – Д. Токарев
И.О. Секретаря Исполкома Облсовета
депутатов трудящихся – И. Горохов.
(ГИАОО. Ф. 1554. Оп.4. Д. 12. Стр. 82)*

Депортация немцев в Омскую область

Великая Отечественная война является важнейшим событием XX века, эта война вошла в жизнь всей страны и каждой семьи. Героические и трагические события Великой Отечественной войны определили будущее и судьбу целых народов. В полной мере это относится к депортированным народам – корейцам, немцам, калмыкам, чеченцам и ингушам, крымским татарам и др. Массовые депортации до сих пор вызывают неоднозначные оценки, а их причины – разные, порой противоположные точки зрения. Независимо от отношения к факту депортации, общепринятым является признание этой меры как перестраховочной, неадекватной сложившейся тогда ситуации и политически мотивированной. Не случайно депортированные народы называют «наказанными». Депортация имела огромные негативные последствия для этих народов, в особенности для тех, чья государственность, чьи республики не были восстановлены после реабилитации – это крымские татары и немцы.

Немцы являются самым крупным по численности депортированным народом. Всего в годы войны и в послевоенный период в восточные районы СССР было выселено около миллиона немцев. Довольно значительное количество немцев было размещено и в Омской области.

До начала массовой депортации в Сибири проживало около 100 тыс. немцев. Это были и горожане, и сельские жители, представители самых разных социальных групп, но в основной своей массе это были крестьяне, приехавшие в Сибирь в конце XIX в. и в годы столыпинской аграрной реформы. Основная масса этих добровольных переселенцев происходила из Поволжья и Новороссии. Немцы-горожане – явление вполне типичное для Омска с момента основания города, а первое немецкое село – Александровка, было основано в 1893 г. Основными районами расселения немцев на современной территории Омской области были участки вдоль Транссибирской магистрали, к югу от Омска и к северу от Тары.

Накануне Великой Отечественной войны, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Омской области проживало 59 832 немца (в то время Омская область включала в себя Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, но численность немцев в них была всего 278 чел.). Всего в Сибири, в основном, в Западной, проживало чуть более 100 тыс. человек немецкой национальности.

Депортация немцев в Сибирь привела к многократному увеличению их численности в регионе. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) определяли районы расселения немцев в Сибири и Казахстане, а также численность групп, которые должны были принять конкретные области. Из Поволжья было выселено около 450 тыс. немцев, из них в Омскую область – 82,9 тыс. чел., что составило 18,5% от общей численности депортированных немцев Поволжья.

Почти три четверти немецкого населения бывшей АССР немцев Поволжья было переселено в Сибирь, в том числе 252 тыс. (56,1%) в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край и лишь чуть более четверти – в Казахстан. Но немцы Поволжья оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. В 1941-42 гг. были депортированы почти все немцы, проживавшие в европейской части СССР. Основной территорией, на которой позже размещались

депортированные немцы, а затем и другие народы, стала именно Казахская ССР. Всего из европейской части России в Сибирь и Казахстан было депортировано 805 тыс. немцев.

В Сибири оказалось 49,3% немцев, т.е. почти половина всех депортированных, из них 317,9 тыс. – в Западной Сибири (почти 40% всех депортированных и 80% депортированных в Сибирь). В Омской области, которая приняла почти 84 тыс. чел., кроме депортированных из АССР НП, были размещены немцы из Саратовской, Сталинградской, Воронежской, Горьковской, Калининской, Ленинградской областей и Крымской АССР.

Размещались депортированные почти исключительно в сельской местности. Чаще всего эшелоны разгружали на станциях, не доезжая до крупных городов, откуда подводы с людьми сразу отправлялись по деревням. Например, на станции Куломзино в нескольких километрах от Омска, в сентябре-октябре 1941 г. было разгружено 10 эшелонов, в которых находилось 26 058 человек, которые были расселены в Азовском, Таврическом, Черлакском, Дробышевском, Русско-Полянском, Молотовском, Саргатском, Держинском, Горьковском, Знаменском, Большеуковском, Усть-Ишимском, Седельниковском, Колосовском, Москаленском, Ульяновском, Любинском районах, всего – в 50 районах Омской области (включавшей тогда территорию современной Тюменской области). Таким образом, депортация привела к многократному увеличению численности немцев именно в сельских районах.

Депортированные немцы размещались как в немецких селах, так и в русских, и в смешанных. Поэтому, с одной стороны, в результате депортации произошло увеличение числа немцев в тех местах, где они уже жили компактно. Но, наряду с этим, расселение происходило и в других районах, поэтому в результате депортации произошло дисперсное расселение немцев на огромной территории, своеобразное «распыление» немецкого народа по территории Сибири.

Прием депортированных осуществляли местные районные власти, которым определялось количество людей, которых они должны принять и распределить по колхозам. Отказов практически не было, потому что, во-первых, это было распоряжение, которому нужно было подчиняться, а во-вторых, все колхозы испытывали острую нехватку рабочих рук в связи с начавшейся мобилизацией на фронт. Количество депортированных было огромным, поэтому в очень многих селах и практически во всех немецких поселениях в Сибири в 1941 г. появились депортированные немцы.

Так, в Исилькульском районе Омской области было размещено 2500 поволжских немцев. Несколько позже здесь были размещены депортированные калмыки и немцы с Украины. Депортированных размещали по домам местных жителей по 4-5 семей. Контакты между местными немцами и депортированными были слабыми, браков между собой они не заключали из-за значительных различий в языке и религии. Поволжские немцы были католиками, они не понимали платтдойч, на котором говорили меннониты, кроме того, они различались и между собой, одни называли себя «луговыми», другие – «горными», так как они были выселены из разных районов Поволжья, с луговой и горной сторон.

Депортированные немцы отличались от местных и диалектами, и вероисповеданием, когда, например, поволжских расселяли в меннонитских селах. Но как сказал Андрей Иванович Берх из Неудачино: «Это мы сначала были разные немцы, а трудармия сравняла всех».

В некоторых поселках, небольших по численности, депортированные немцы стали составлять большинство жителей. Например, в д. Гофнунгсталь Исилькульского района, основанной в 1902 г. меннонитами из Таврической губернии, были размещены немцы, депортированные из Каменского района Саратовской области. Они стали численно преобладать над местным населением, и, поскольку они были католиками, местным немцам пришлось ходить на религиозные собрания в соседнее с. Маргенау, где была меннонитская община.

Депортированные немцы размещались без всякого учета национальной принадлежности, их селили в тех поселках, где было хоть какое-то жилье: пустующие дома, казармы, сараи, фермы. Часто «уплотняли» местных жителей, иногда переселенцы рыли землянки. Так немцы оказались во многих русских деревнях. Поскольку расселены они были небольшими группами, по несколько семей, после войны они старались переехать в те поселки, где уже жили немцы, искали родственников, знакомых. Многим это удалось, но в то же время возникли места компактного расселения именно депортированных немцев. Из таких мест следует назвать, например, с. Новорождественка Исилькульского района Омской области. Изначально местность эта заселялась казаками, и носила название «Озерки». В 1941 г. здесь были размещены немцы, депортированные из Франковского и Красноармейского районов Саратовской области (сел Нейвальтер, Шук, Каменка). Некоторые немцы попали в Новорождественку после трудармии (например, Анна Вольф,

депортированная из с. Grimm Саратовской области). Несколько немецких семей переехало сюда из Новосибирской области и Казахстана в 1956 г. после отмены режима спецпоселения. Это семья Бауэр, депортированная из д. Гаврино Старобешевского района Волгоградской области в Алма-Атинскую область, семьи Эпп и Функ, депортированные в Новосибирскую область из с. Централь Новохоперского района Воронежской области, семья Гернер, депортированная в Кокчетавскую область из Крыма. Таким образом, все немецкое население с. Новорождественка – это депортированные немцы и их потомки.

Большая группа депортированных немцев была размещена на территории современного Горьковского района Омской области. До 1941 г. на этой территории существовало 12 населенных пунктов с преобладающим немецким населением. Большинство из них были более или менее однородными по составу: в Чучкино проживали поволжские немцы, лютеране по вероисповеданию, в Халдеевке – крымские меннониты. Одна деревня – Осиповка, была разделена на две части: основавшие поселение волынские немцы были лютеранами. Переселявшиеся позже, до середины 1930-х гг. украинские немцы из Екатеринославской губернии были католиками. Католиками были также депортированные в Осиповку поволжские немцы. Обе общины действовали вплоть до последнего времени, в Осиповке сохраняются два кладбища – католическое и лютеранское.

В 1941 г. в Горьковском районе была размещена большая (более тысячи человек) группа немцев, депортированных из Поволжья, в основном из Сталинградской области. Депортированных немцев размещали не только в немецких, но и в русских деревнях. Так, в с. Лежанка, основанном русскими в XIX в. на берегу Иртыша, в 1941 г. была поселена группа немцев, выселенных из д. Семеновка Сталинградской области. В период укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных деревень в Лежанку были переселены жители таких деревень, как Розановка, Крупянка, Ливенка, Ивановка, Березовка, Липатовка, Михайловка и Горький Лог – и русские, и немцы.

В 1941 г. в маленькой русской деревне Октябрьское, состоявшей всего из нескольких дворов, были размещены немцы, депортированные из Сталинградской области. В отличие от других населенных пунктов, где депортированные размещались по семьям или в пустующих домах, здесь переселенцев разместили в бараках. В Октябрьское отбирали хороших специалистов: механиков, трак-

тористов, кузнецов, так как, видимо, хотели организовать здесь какое-то производство. Но с января 1942 г. началась мобилизация в трудармию. После войны большинство оставшихся в живых вынуждено было жить в Октябрьском, потому что возвращаться в Поволжье было запрещено. Поэтому в тех местах, куда направлялись крупные группы депортированных немцев, сложилось несколько поселений, где немцы стали преобладающим над местными жителями населением.

Сохранились воспоминания немцев о депортации и войне. Например, жительница д. Осиповка Омской области Н.А. Шрейдер рассказывала, что их семью выселили 10 сентября 1941 г., погрузили на баржи, везли по Волге, потом посадили на поезд, довели до Омска и опять на баржах отправили вниз по Иртышу. Часть людей высадили в Горьковском районе, а остальных отправили в Саратовский район. Ей тогда было 14 лет, и она не говорила по-русски. Она попала в мордовскую деревню Курьяновка, где местные жители тоже плохо знали русский язык. Поэтому в школе детей первым делом учили русскому языку. 19 января 1942 г. родителей забрали в трудармию, в Свердловскую область. Сама девушка работала сборщицей молока и должна была выполнять по две нормы в сутки, поэтому она редко приходила домой, так и спала по 2-3 часа на телеге, на которой собирала молоко.

В целом, в 1941-1942 гг. численность немцев Западной Сибири составляла 415-420 тыс. человек, из которых около 318 тыс. были депортированные. В конце 1941 – начале 1942 гг. все дееспособные немцы были мобилизованы в рабочие колонны, получившие название «трудармии». С января по октябрь 1942 г. происходит массовый призыв в трудармию немцев – мужчин от 17 до 50 лет, первоначально тех, кто подвергся депортации, а затем и всех остальных, постоянно проживавших в восточных районах страны. С октября 1942 по декабрь 1943 гг. была проведена самая массовая мобилизация советских немцев, к которой привлекались не только мужчины, но и женщины. С января 1944 г. и до ликвидации трудармии (в основном в 1946 г.) значительных по количеству призывов немцев уже не проводилось, и пополнение рабочих отрядов шло за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, репатриированных из освобожденных Красной армией стран и Германии.

Размещались военизированные формирования из советских немцев практически на всей территории СССР. Они формирова-

лись при лагерях и стройках НКВД, наркоматах угольной и нефтяной промышленности, боеприпасов и строительства. Всего военизированные формирования из граждан немецкой национальности функционировали в 34 наркоматах. В связи с тем, что военная промышленность и добывающие отрасли народного хозяйства были сосредоточены в восточных районах страны, подавляющая часть рабочих отрядов и колонн функционировала на Урале и в Сибири. Достаточно большое их число имелось на севере европейской части СССР и в Казахстане. В других районах бывшего СССР отряды трудармии были немногочисленны. Мобилизация в трудармию привела к оттоку немецкого населения на Урал, в Восточную Сибирь, на Дальний Восток, европейский Север.

В 1945 г. начинается репатриация советских граждан. По приблизительным подсчетам, к моменту окончания войны за рубежом СССР оказалось 8,5-8,7 млн. человек, из них 300-350 тыс. немцев – граждан СССР. Возвращено в Советский Союз было около 200 тыс. немцев-репатриантов. 70% из них было размещено в РСФСР, 20% – в Казахстане, 10% – в других республиках. Наибольшее число репатриированных проживало на Урале, европейском севере и в Сибири. В Омской области число репатриантов составило 1869 человек.

В годы войны произошло оформление режима спецпоселения, который был связан с необходимостью закрепления переселенцев в местах переселения. Наличие в восточных районах страны огромного числа спецпереселенцев разных национальностей (немцев, калмыков, татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, болгар, греков и др.), репатриантов, тех, кто был обвинен в соучастии с оккупационными властями, и других категорий требовало установления над ними контроля. В январе 1945 г. СНК СССР принимает постановление «О правовом положении спецпереселенцев», которое и оформило режим спецпоселения.

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание тем наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало фактически конец трудовой армии. Однако все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев и, как крепостные, прикреплялись к своим предприятиям, стройкомбинатам, лагерям. Были введены спецкомендатуры, и коменданты должны были осуществлять контроль за спецпоселенцами, выдавать им разрешения на выезд за пределы

зоны действия комендатуры. Самовольная отлучка за пределы комендатуры влекла за собой уголовную ответственность.

По данным НКВД на 1 октября 1948 г. численность немцев, как самостоятельного контингента спецпоселения, составляла 1 012 754 человека. Первоначально местные сибирские немцы не попали в число спецпоселенцев. Первыми на спецучет были поставлены местные немцы в Новосибирской области. В Алтайском крае и Омской области режим спецпоселения был введен окончательно лишь в 1951 г. В 1953 г. на спецпоселении находилось 1 223 968 немцев, из них 412 518 проживали в сибирском регионе. Немцы составляли 2,2% всего населения Сибири, они жили практически во всех населенных пунктах, а в Алтайском крае и в Омской области немцы стали третьими по численности после русских и украинцев.

Только после смерти Сталина происходит смягчение режима спецпоселения, а затем и поэтапная его отмена. Определенную роль в этом процессе сыграли визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в сентябре 1955 г. и установление дипломатических отношений СССР с ФРГ. 13 декабря 1955 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» все категории спецпоселенцев были освобождены. Несмотря на то, что немцы снимались с учета спецпоселения и освобождались из-под административного надзора, текст Указа гласил, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Таким образом, несмотря на отмену режима спецпоселения, депортированные немцы вынуждены были оставаться в местах поселения еще очень длительное время, вплоть до 1972 г., когда был опубликован Указ, снимающий ограничения на выбор места жительства.

К 1989 г. численность немцев достигла своего максимума. Всего в СССР проживало 2 038 603 чел. немецкой национальности, из них наибольшее количество – 134 199 в Омской области. В этот момент начинается массовая эмиграция в Германию, в результате которой численность немцев в Омской области снизилась до 50 тыс. человек.

Депортация и трудармия, режим спецпоселения оставили глубокий след в судьбах всех немцев, живших в Советском Союзе.

Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: по документам Исилькульского архива

Изучение роли советского, в том числе и сибирского тыла 1941-1945 годов, остается одной из приоритетных задач российских исследователей. Обратим внимание на проблему депортации немцев и мобилизацию их в трудовые колонны на примере Исилькульского района. Источниковедческий материал Исилькульского муниципального архива, отражающий жизнь в тылу, представляют списки эвакуированных в фонде Солнцевского сельского Совета, похозяйственные книги сельских Советов, неопубликованные заметки, письма, отклики жителей об истории района. При написании работы использованы также источники мемуарного характера, собранные в книге «Не исчезли по милости Господа», об истории села Аполлоновка, которая с момента ее образования являлась в Исилькульском районе местом компактного проживания немцев.

С первых дней войны советские немцы, оказавшиеся в районах боевых действий, проявляли мужество и героизм в борьбе с гитлеровскими фашистами. Принял участие в первых оборонительных боях и погиб в августе 1941 года сержант Адольф Адольфович Гиль, призванный в РККА еще до начала войны из Исилькуля. Нет сомнения в том, что бились бы на смерть рядом с ним и сотни других сибирских немцев, но советское правительство видело в каждом российском немце врага и предателя, поэтому их оставляли в тылу. В соответствии с директивой, появившейся в сентябре 1941 года об отзыве («изъятии») военнослужащих-немцев из армии и флота, из воинских частей и даже с фронта немцы направлялись в тыл. Однако и после этого по разным причинам на фронте оставалось некоторое число советских немцев. Многие из них, чтобы попасть на фронт, действовали нелегальными путями: меняли свои фамилии на русские, украинские и т.п. По-видимому, этим можно объяснить пропажу «без вести» в октябре 1941 – январе 1942 года восьми немцев, которые были призваны на фронт из Исилькульского района и остались воевать и после «запрета».

С июня 1941 года началась депортация немцев из регионов, находившихся на территориях, подверженных скорой оккупации немецкими войсками. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года отмечалось: «...для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья... Для расселения выделены районы... Новосибирской и Омской об-

ластей...». Так, 6 сентября 1941 года бюро Исилькульского райкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О приеме переселенцев в Исилькульский район в количестве 2500 человек». Это были немцы из Саратовской и Горьковской областей, высланные в связи с появлением вышеупомянутого указа. А вскоре стали прибывать немцы и из других областей европейской части Советского Союза.

Депортированные размещались обычно по несколько семей в один населенный пункт, частично попадали и в немецкие села. Большие проблемы возникали с обеспечением депортированных жильем, работой. Из воспоминаний Итальяны Иосифовны Тевс: «В начале сентября 1941 года нам пришлось покинуть обжитые места. Взять с собой мы могли очень мало. Нас увозили на повозках. Маленькую семью с вещами сажали на одну повозку, а если в дороге лошади было тяжело тащить, тогда сбрасывали сундуки с вещами. Поздно вечером, 10 сентября 1941 года, мы приехали в Аполлоновку. Нас поместили в здании клуба. Утром нас разобрали по домам. Летом мне надо было идти со всеми детьми на поля выдергивать сорняки, пропалывать пшеницу».

По свидетельству Итальяны Тевс (Гейм), в Аполлоновку были высланы десять семей, восемь из них были из одного села Пфайферс Поволжья. В книге «Не исчезли по милости Господа» Петр Эпп приводит сведения о депортированных в Аполлоновку:

Ф.И.О.	Год рождения	Семейное положение
Алксир Василий Фридрихович	1910	семья
Бургардт Екатерина Касперовна	1895	мать с детьми
Гаас Иван Иосифович	1908	семья
Гейм Иосиф Антонович	1891	семья
Киснер Иван Петрович	1894	семья
Леер Яков Иванович	1909	семья
Майер Владимир Георгиевич	1902	семья
Напп Елизавета Яковлевна	1905	мать с детьми
Пфайфер Иван Петрович	1906	семья
Трей Эмалия Фридриховна	1914	мать с детьми
Штехман Елизавета Георгиевна	1917	мать с детьми

Взяв в руки похозяйственную книгу д. Аполлоновка за 1943-1945 годы, можно проследить судьбы этих людей. Практически никто даже к 1945 году не обзавелся хозяйством, выращивали лишь ово-

щи и картофель. Только у семьи В.Г. Майера в 1944 году появилась корова. Владимир Георгиевич по образованию бухгалтер, работал в колхозе учетчиком в тракторной бригаде, Елена Васильевна – учительница, работала в колхозной школе. Против фамилий трех семей сделана пометка: «неймущие». Трагично даже на страницах похозяйственной книги выглядит судьба Елизаветы Георгиевны Штехман, прибывшей в Аполлоновку с младшими братьями и сыном семи лет: сама Елизавета Георгиевна была мобилизована на трудовые работы 25 сентября 1943 года, а напротив имен детей в графе «отметки об отсутствующих» сделана запись: «неизвестно где».

В списке лиц, временно проживающих на территории Солнцевского сельского Совета в колхозе Буденного, видим прибывших 14 августа 1941 года немцев Поволжья, которые были размещены на квартирах у местных жителей.

Немцы, депортированные в к-з Буденного:

Ф.И.О.	Год рождения	Семейное положение
Амрей Мария Адамовна	1911	мать с детьми
Герр Каспер Андриасович	1884	семья
Мельхер Михаил Яковлевич	1910	семья
Кизнер Анна Петровна	1903	мать с детьми
Штрак Варвара Каспаровна	1907	с матерью, двумя сестрами и дочерью, 1941 г.р.

И если у семей, эвакуированных с востока России, можно заметить наличие коров, овец, свиней, то немцы прибывали без скота.

В похозяйственной книге д. Память Свободы колхоза Буденного за 1940-1942 годы записано 17 семей депортированных немцев, которые были размещены на квартирах у местных жителей. Интересен тот факт, что у всех мужчин-немцев в графе «отметка об отсутствующих» помечено не «на трудовых работах», а «в РККА». Все они отсутствуют с 26 января 1942 года, сразу после принятия Постановления ГКО «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», которое предписывало мобилизовать немцев Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев в рабочие колонны на время войны.

В похозяйственных книгах д. Петровки за 1940-1942 годы видим, что в деревне были размещены немцы из Саратовской области – двенадцать семей, и две семьи немцев с Кавказа.

Отношение к прибывающим немцам в большинстве случаев было враждебное, об этом свидетельствует и информация УНКВД по Омской области: «Смотрят на них недоброжелательно, враждебно, потому что по их вине происходит война». В Исилькульском районе в колхозе «Большевик» спецпереселенцы проживали в своих землянках на окраине села, жили уединенно и с русскими колхозниками не общались».

Свидетельство Ирмы Пфейфер: «Мои родители, когда приехали в Исилькуль (в 1941 году), на них смотрели как на врагов народа. Две недели жили на улице, около вокзала. Ночи были холодные. Люди грелись, прижавшись друг к другу. Из Исилькуля всех распределяли в близлежащие села. Нас переселили в пустой дом. Не было печки, окна разбитые, двери не закрывались».

Труд депортированных использовался в колхозах и совхозах. На тяжелых работах использовался труд женщин и детей. И хотя в многочисленных инструкциях говорилось о равных условиях труда для местных жителей и депортированных, в реальной жизни все было по-другому.

Настоящей трагедией для советских немцев стало использование их на принудительных работах, в так называемой «трудовой армии». Однако само это понятие использовалось только в бытовом лексиконе, в похозяйственных книгах по Исилькульскому району встречаются формулировки – «трудовой фронт», «трудовые работы» или просто пометка – «мобилизован».

В условиях военного времени остро ощущалась нехватка рабочих рук, в этих условиях на самых тяжелых работах стали использовать немцев. И хотя первое официальное решение ГКО о формировании из немцев-мужчин рабочих колонн было принято 10 января 1942 года, существовали они с первых недель войны. Свидетельством этого является и распоряжение по исполнению Указа от 28.08.1941 года: «После обыска в доме объявить лицам, подлежащим изгнанию, что они по решению правительства выселяются в другие области Союза... главы семей распоряжением ответственных работников должны быть погружены в специальные, для них заранее подготовленные ж.д. вагоны... Предстоящее разлучение с главой семьи не разглашать». Формировавшаяся из спецпереселенцев трудовая армия использовалась в качестве бесплатной рабочей силы, содержалась под стражей с вооруженной охраной, строгими запретами и ограничениями, направлялась на самые тяжелые объекты оборонного значения.

Большинство немцев Исилькульского района в возрасте от 15 до 55 лет были мобилизованы через военкоматы в трудармию. Трудно назвать хоть одну немецкую семью, в которой бы уцелели все. Масштабы мобилизации по району можно представить, открыв похозяйственную книгу села Аполлоновка. Из каждой немецкой семьи было мобилизовано от двух до пяти человек, нередко мобилизовывалась вся семья полностью, включая 13-14-летних детей. Всего из небольшой деревни за 1942-1943 годы было отправлено в трудовые колонны 163 человека, а прибыло из них – 18. Из воспоминаний Егора Якоба, жителя д. Новодонка Исилькульского района, депортированного из Поволжья: «В первых числах холодной январской ночи сорок второго года эшелон с трудармейцами оставил город Исилькуль. Что нас ждет там, впереди, никто не знал... После жидкой баланды получили рабочие инструменты, прошли пересчет, и недалеко от зоны начался первый день бесконечного каторжного труда. С самого начала жизнь превратилась в кошмар повседневного существования. С утра до вечера голодные, на жгучем морозе, долбили до камня промерзшую землю. Долбили месяцами, и, казалось, этому не будет конца... Выполнять нормы с каждым днем становилось все труднее. Не выполнивших норму без ужина возвращали на довыполнение...».

В октябре-декабре 1942 года по всей Западной Сибири прошла дополнительная мобилизация немцев. 9 октября Омский обком партии и облисполком приняли совместное постановление «О дополнительной мобилизации немцев, проживающих в Омской области». По этому решению было мобилизовано 25 тысяч немцев. Поскольку мужчин почти не осталось, забирали в основном женщин.

Несмотря на насильственное переселение, унижения, тюремный быт и тяжелые условия труда на новом месте, в незнакомой среде, депортированные вместе с местным населением терпеливо переносили все тяготы военного времени, выпавшие на их долю, и, как могли, приближали победу над фашизмом.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

У К А З

от 27 декабря 1943 года

«О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР»

Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территорий Калмыцкой АССР, многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить калмыков в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в гор. Астрахани.

Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР — Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Улан-Хольский, Черноземельский и Юстинский и гор. Элиста; районы Астраханского округа — Владимирский, Володарский, Енатаевский, Икрянинский, Камызякский, Красноярский, Наримановский, Харабалинский и гор. Астрахань.

Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать.

3. Районы бывшей Калмыцкой АССР — Мало-Дербетовский и Сарпинский включить в состав Сталинградской области; Западный (Башанта), Яшалтинский — включить в состав Ростовской области; Приютинский — в состав Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

(ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136.)

Постановление СНК СССР № 1432/425сс
«О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР»

28 декабря 1943 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.

Выселение калмыков возложить на НКВД СССР.

2. Обязать НКВД СССР направить выселяемых калмыков в Алтайский край – 25 000 чел.; в Красноярский край – 25 000; в Омскую область – 25 000; в Новосибирскую область – 20 000.

3. Возложить на Алтайский и Красноярский крайисполкомы, Новосибирский и Омский облисполкомы:

а) прием, размещение и вовлечение прибывающих спецпереселенцев в члены сельскохозяйственных, рыболовецких и промышленных артелей и наделение приусадебными участками в соответствии с уставом сельхозартели;

б) оказание содействия по строительству собственных домов переселяемым путем предоставления местных строительных материалов;

в) расселение калмыков производить главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах. Рабочих и служащих в предприятиях районов вселения с использованием по специальности.

Расселение производить в первую очередь в пустующие здания колхозов и совхозов, путем освобождения части зданий в трудпереселенческих и спецпоселках, а также путем уплотнения жилых зданий в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах.

4. Обязать председателей крайисполкомов: Алтайского — т. Корчагина и Красноярского — т. Токарева и Омского — т. Гришина для обеспечения приема и размещения прибывающих переселенцев провести следующие мероприятия:

а) создать краевые и областные комиссии в составе председателя крайоблисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД.

Возложить на эти комиссии проработку и проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

б) командировать в места вселения ответственных представителей исполкомов для проведения организационных хозяйственно-подготовительных мероприятий по размещению прибывающих;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и УНКВД.

На указанные тройки возложить организацию встречи прибывающих спецпереселенцев и направление их к месту вселения;

г) обеспечить наличие, к моменту прибытия эшелонов с переселенцами, на станциях разгрузки представителей колхозов, совхозов и подсобных предприятий, в которые вселяются прибывающие, а также достаточное количество мобилизованного транспорта для перевозки вещей и детей спецпереселенцев;

д) в местах вселения ко времени прибытия переселяемых обеспечить подготовку помещений для их размещения.

5. Для обеспечения питанием прибывающих спецпереселенцев в первые дни их устройства и освоения Наркомзагу СССР и Наркоммясомолпрому СССР выделить Красноярскому и Алтайскому краям, Омской и Новосибирской областям продовольственные фонды по расчету, согласно приложению № 1, в счет оставленного спецпереселенцами на месте скота и зерна.

6. Обязать Правление Сельхозбанка (т. КРАВЦОВА) обеспечить выдачу кредитов для спецпереселенцев на индивидуальное жилищное строительство и хозяйственное обзаведение из расчета до 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой на 7 лет под гарантию колхоза или совхоза.

7. Обязать Госплан СССР (т. ВОЗНЕСЕНСКОГО) выделить в 1-м квартале 1944 г. для производства ремонта и приспособлений жилых зданий и других построек спецпереселенцев в течение декабря 1943 г. и января 1944 г.:

	Пиломатериалов	Катанки для гвоздей	Стекла
Алтайскому краю	8 тыс. м ³	10 тонн	2 вагона
Красноярскому краю	5 тыс. м ³	10 тонн	2 вагона
Омской области	6 тыс. м ³	10 тонн	—
Новосибирской области	5 тыс. м ³	10 тонн	2 вагона

8. Предоставить право Красноярскому и Алтайскому крайисполкомам, Омскому и Новосибирскому облисполкомам мобилизовать для перевозки спецпереселенцев авто- и гужтранспорт любых предприятий союзной и местной промышленности и колхозов, а также использовать автотранспорт, работающий на вывозке зерна в попутном и порожнем направлении.

9. Обязать НКВД СССР организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнестя их содержание за счет сметы НКВД СССР. Зарплату работникам спецкомендатур установить наравне с оперативными работниками УНКВД.

10. Обязать Наркомзем СССР (т. АНДРЕЕВА), Наркомсовхоз (т. ЛОБАНОВА), Наркоммясомолпром (т. СМИРНОВА), Наркомрыбпром (т. ИШКОВА), Наркомзаг СССР (т. СУББОТИНА) организовать прием от спецпереселенцев в районах по указаниям НКВД СССР: Наркомзему — лошадей и другой рабочий скот, Наркомсовхозу — племенной скот, Наркоммясомолпрому — молочный и другой продуктивный скот, Наркомрыбпрому — рыбную продукцию и орудия лова, Наркомзагу — продукцию сельского хозяйства.

Прием всего скота, рыбной продукции и продукции сельского хозяйства, а также компенсацию за принятое имущество спецпереселенцев производить на условиях, установленных Постановлением СНК СССР № 1118-342ес от 14 октября 1943 г.

11. Обязать Наркомздрав СССР (т. МИТЕРЕВА) обеспечить, по согласованию с НКВД, санитарно-медицинское обслуживание эшелонов со спецпереселенцами в пути.

*Заместитель председателя Совета
Народных Комиссаров СССР В. Молотов
(ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 3-6. Копия.)*

Зав. совхозным отделом Обкома ВКП(б) тов. КУЗНЕЦОВУ

ДОКЛАДНАЯ

По вопросу выполнения решения бюро Омского Обкома ВКП(б) о материально-бытовом устройстве спецпереселенцев калмыков.

Райкомом ВКП(б) проведена проверка устройства и обеспечения спецпереселенцев калмыков. В результате проверки установлено, что спецпереселенцы калмыки, особенно в совхозах и подсобном хозяйстве 174 завода, находятся в крайне тяжелом состоянии.

В совхозах «Стрункенском» и «Искра» в феврале и марте месяце большое количество из спецпереселенцев были в истощенном состоянии, в результате на почве недоедания и другим болезням умерло всего калмыков в совхозе «Искра» 21 человек и «Стрункенском» 14 человек. Плохое снабжение продуктами питания объясняется, прежде всего, тем, что в январе и феврале месяце на спецпереселенцев фонды зерна не получали, к тому же совхозы недополучали большое количество продовольственного хлеба для рабочих совхоза.

Вот совхоз «Стрункенский» должен был получить в феврале 43 цент., а получил 20 центнеров, совхоз «Искра» должен был получить 113 цент., а получил 64 центнера. Это создало крайне тяжелое положение в совхозах, но я должен сказать, что если бы со стороны руководства совхоза были приняты надлежащие меры по экономному и правильному использованию отпускаемых фондов, то можно было предотвратить такое состояние, однако т. Постников и Пичугин вместо принятия мер по обеспечению рабочих совхозов хлебом встали на путь разбазаривания продфондов. Так, в совхозе «Искра» 96 кг муки продано за тулупы, 4 цент. выдано руководящему составу совхоза, 20 цент. овса скормлено лошадям, расходовали хлеб по другим каналам. В «Стрункенском» совхозе т. Постников 60 кг крупы, предназначенной для спецпереселенцев, выдал руководящему составу совхоза, в том числе себе 9 кг. Не были созданы и другие условия спецпереселенцам. Квартиры не оборудованы, бани не работали. Все это вместе взятое создало просто нетерпимую обстановку. Бюро РК ВКП(б) вынуждено было по «Стрункенскому» совхозу принять решение о привлечении виновных к судебной ответственности, и приняло ряд мер по наведению порядка и созданию нормальных условий спецпереселенцам. Второй проверкой установлено, что т. Постников исправил допущенные ошибки и принял меры по созданию условий как спецпереселенцам, так и рабочим совхоза, и я считаю, что нет надобности его привлекать, учитывая, что он работает впервые на руководящей самостоятельной работе.

По совхозу «Искра» решением бюро п/орг. тов. Борщевский с работы снят и исключен из партии, а директор совхоза тов. Пичугин выведен из членов РК ВКП(б) и предупрежден. По этому совхозу также приняты меры, и сейчас спецпереселенцы продуктами обеспечены, а также приняты меры по улучшению снабжения дет. учреждений. Я считаю, что нельзя обойти молчанием и о руководстве Ишимского треста, когда тов. Зяблов, зная о таком крайне тяжелом состоянии дел в совхозах, не принял никаких мер по оказанию помощи и, хуже того, будучи в совхозе «Искра» в течение 3-х дней с 25/III по 28/III, прошел мимо преступных факторов, которые творились в совхозе «Искра»: разбазаривание хлеба, продажа сена, уход 60 рабочих и др. Вместо того, чтобы предупредить руководство совхоза, он восхвален и премирован. К тому же Зяблов, зная о крайне тяжелом положении в «Стрункенском» совхозе, он, проезжая из совхоза «Искра» мимо «Стрункенского» совхоза, не

заехал, с РК ВКП(б) никакой связи не держит. Я считаю просто возмутительным поведение тов. Зяблова и прошу разобраться с ним на бюро Обкома, а в совхозах сейчас все меры приняты и положение исправили.

*Секретарь Называевского РК ВКП(б) /Гриценко/
(ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3834)*

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 121-376с

*Исполкома Омского областного Совета депутатов трудящихся
и бюро Обкома ВКП(б)*

г. Омск

30 апреля 1944 г.

О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Оборона от 18 января 1944 года «О подготовке к весенней путине и увеличении добычи рыбы в 1944 году по Наркомрыбпрому СССР» во изменение решения бюро обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 2 марта с.г., бюро обкома ВКП(б) и исполком Областного Совета депутатов трудящихся

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Утвердить план завоза спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области для работы на предприятиях рыбной промышленности и в рыболовецких колхозах в количестве 18 718 чел., из них трудоспособных 8 960 человек (согласно приложениям 1-7).

2. Обязать управляющих госрыбтрестами и председателям исполкомов: Ямальского – тт. Засыпкина и Горина, Ханты-Мансийского – тт. Боганова и Комарова и Тобольского – тт. Шведова и Мехрякова обеспечить прием, перевозку, расселение, бытовое и трудовое устройство переселенцев-калмыков.

3. Для непосредственного руководства и контроля за переселением создать при Облсполкоме комиссию в составе: т. Захарова – Зам. председателя исполкома Облсовета депутатов трудящихся (Председатель комиссии), т. Шеварова – зам. нач. облуправления НКВД и т. Попова – зам. секретаря обкома ВКП(б) по рыбной промышленности.

4. Возложить персональную ответственность за прием, перевозку и расселение спецпереселенцев-калмыков на управляющих госрыбтрестами, председателей окрисполкомов и начальников окрот-

делов НКВД: по Ямало-Ненецкому округу – на тт. Засыпкина, Горина и Скачилова; по Ханты-Мансийскому округу – на тт. Боганова, Комарова и Зубенко; по Тобольскому округу – на тт. Шведова, Мехрякова, Лаптева; по районам – на директоров рыбзаводов, председателей райисполкомов и начальников райотделов НКВД: по Тарскому району – на тт. Рогачева, Правдина и Иванова; Знаменскому району – на тт. Биякова и Миронова, Тевризскому району – на тт. Губина, Рязанова и Трондика; Усть-Ишимскому району – на тт. Целменко и Пшеничникова и Большереченского района – на тт. Игнатова и Черкашина.

5. Обязать облуправление НКВД т. Захарова обеспечить подъем спецпереселенцев в установленные сроки к местам концентрации и их сопровождение к местам заселения.

6. Обязать Облрыболовпотребсоюз т. Семерякова выделить Облпотребсоюзу и ОРСу НИРПа необходимое количество продуктов за счет фондов Облрыболовпотребсоюза. Председателю Облпотребсоюза т. Уленкову выдать выделенные продукты в районах подъема спецпереселенцев, а начальнику ОРСа НИРПа т. Кисилевскому организовать из них двукратное горячее питание на пути следования на судах.

7. Обязать начальника Омской железной дороги т. Пушкова обеспечить подачу вагонов для перевозки спецпереселенцев-калмыков в сроки и пункты, согласно приложению № 6.

8. Обязать секретарей РК ВКП(б), председателей исполкомов райсоветов и начальников райотделов НКВД: Тюменского ..., Ялуторовского ..., Велиженского ..., Н-Заимского ..., Омутинского ..., Голышмановского ..., Ишимского ..., Любинского ..., Москаленского ..., Марьяновского ..., Шербакульского ..., Исилькульского ..., Полтавского ..., Кормиловского ..., Калачинского ..., Называевского ..., Ульяновского ..., Кагановического ..., Азовского ... (фамилии неразборчиво. - Ред.) районов обеспечить подъем и доставку к пристанционным пунктам всего контингента спецпереселенцев-калмыков, подлежащих расселению на север области, выделив для этой цели необходимое количество транспорта.

9. Обязать секретарей РК ВКП(б) и председателей горсоветов: Омского т. Алтынцева и т. Кошелева; Тюменского – т. Осипова и т. Богонастюк выделить для временного размещения спецпереселенцев-калмыков помещения в пристанционных районах города и обеспечить транспортировку с вокзалов на пристань.

10. Обязать Облздравотдел т. Ларина и Водздрав т. (неразборчиво. – Ред.) организовать санобработку спецпереселенцев в местах погрузки и медицинское обслуживание на судах.

11. Обязать начальника НИРПа т. Мясникова предусмотреть и провести завоз спецпереселенцев-калмыков в период мая-июня и закончить перевозку не позднее 1 июля с.г.

*Секретарь Обкома ВКП(б) – т. Румянцев
Председатель исполкома Облсовета – т. Токарев
(ГИАОО. Ф. 1554. Оп. 4. Д. 12. Стр. 48-49)*

СЕКРЕТНО

**РЕШЕНИЕ № 1118с
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ОМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

г. Омск

4 декабря 1944 г.

**По вопросу «Об улучшении бытовых условий
спецпереселенцев-калмыков»**

В соответствии с распоряжением СНК СССР №21593-рс от 19 ноября с. г. в целях улучшения бытовых условий спецпереселенцев-калмыков исполком Областного Совета РЕШИЛ:

1. Обязать Облторготдел тов. БОРОДИНА продать за наличный расчет спецпереселенцам-калмыкам в ноябре и декабре 1944 года мыла хозяйственного по 200 грамм, чая плиточного по 100 грамм, соли по 0,5 кгр. на каждого человека в месяц, а хлопчато-бумажные ткани продавать наиболее нуждающимся спецпереселенцам-калмыкам и в первую очередь их детям, согласно приложению № 1 и 2.

2. Обязать Заготживсырье тов. ПОПОВА передать предприятиям районной промышленности исполкомам райсоветов – шерсть на изготовление валенок для спецпереселенцев-калмыков, согласно приложению № 3.

3. Установить, что изготовленную из этой шерсти валяную обувь продать за наличный расчет наиболее нуждающимся спецпереселенцам-калмыкам и в первую очередь их детям.

4. Обязать исполкомы райсоветов совместно с райкомендантами НКВД установить контингент наиболее нуждающихся спецпереселенцев-калмыков для продажи им в первую очередь хлопчато-бумажной ткани и обуви и обеспечить наблюдение за использованием по назначению всех выделенных настоящим решением для спецпереселенцев-калмыков прод. и промтоваров.

*Зам. Председателя исполкома Областного Совета
депутатов трудящихся (ДЕМИДЕНКО)
Секретарь исполкома Областного Совета
депутатов трудящихся (ГОРОХОВ)*

*Приложение к решению
испол. Облсовета №1118 от 4 декабря 1944 г.*

ВЕДОМОСТЬ
выдачи мыла, чаю, соли спецпереселенцам-калмыкам

№ п/п	Наименование района	Мыло	Чай	Соль	хлопчато-бумажные ткани в метрах	Шерсть кгр.
1.	Марьяновский	408,4	204,2	1021	856	589
2.	Исилькульский	555,2	277,6	1388	1175	801
3.	Москаленский	515,2	257,6	1288	1080	743
4.	Кормиловский	378	189,0	945	792	545
5.	Кагановический	208,8	104,4	522	437	301
6.	Полтавский	223,2	111,6	558	468	322
7.	Любинский	263,2	131,6	658	552	380
8.	Калачинский	187,6	93,8	469	393	271
9.	Азовский	100,8	50,4	252	211	145
10.	Ульяновский	474	237	1185	994	684
11.	Называевский	144	72	360	302	208
12.	Тарский	18,8	9,4	47	39	27
13.	Тевризский	63,2	31,6	158	132	91
14.	Усть-Ишимский	34,4	17,2	86	72	50
15.	Шербакульский	296	103	515	432	297
16.	Знаменский	31,2	15,6	78	65	45
	Итого-	3812	1906	9530	8000	5499

Остается резерв:

а) мыла хозяйственного 188 килограммов

б) чай плиточный 9 килограммов

(ГИАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 145)

СССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Управление НКВД по Омской области

г. Омск

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП/б/ тов. РУМЯНЦЕВУ

Докладной запиской № 15598 от 31/Х-1944 г. информировали Вас, что в соответствии с проведенной проверкой состояние жилищно-бытовых условий и хозяйственное устройство спецпереселенцев-калмыков совершенно неудовлетворительное.

Поступающие из мест сигналы свидетельствуют о том, что улучшений в этих вопросах нет, а наоборот положение с каждым днем ухудшается.

Отпущенные в июне месяце 1944 г. кредиты на индивидуальное строительство, которое максимально должны улучшить жилищные условия, недопустимо медленно осваиваются в районах расселения. Всего освоено 28,3%. В то время как калмыки живут скученно и в совершенно непригодных для жилья помещениях.

Выдача скота составляет 63%, но и в этом случае не оказывается помощь в сохранение скота /не обеспеченность кормами, утепленными стойлами/, вследствие этих причин, имеет место убоя и продажи полученного скота. Примерно 25-30% спецпереселенцев-калмыков не трудоустроены и вопросом максимального охвата работой и повышения производительности труда никто не занимается.

Из 184 человек специалистов не работает вообще 34 человека, а многие используются не по специальности, как трактористы, комбайнеры, учителя.

Многие из быв. ответственных партийно-советских работников используются на рядовых работах, так, например: УЛЮМДЖИНОВ Эрдни б/зав. орг. инструкторским отд. РК ВКП/б/ – сейчас работает бригадиром совхоза Ульяновского района, в Исилькульском районе СЕРГЕЕВ Дорджи б/пред. РИКа – сейчас зоотехник, БАД-МАЕВ Булахан – быв. инструктор Обкома – не работает, САЛЫКОВ Толташ б/зав. отд. РК ВКП/б/ – сейчас весовщик Заготзерно, САНГАДЖИЕВ Хора б/Военком – сейчас статист-кассир Конезавода, УТАЕВ Утул б/инструктор РК ВКП/б/ – сейчас колхозник.

В Москаленском районе БАТЫРЕВ Сергей б/первый секретарь РК ВКП/б/ – сейчас пред. колхоза. САНГАДЖИЕВ Дермен б/ответственный редактор районной газеты – сейчас счетовод колхоза.

ЛИДЖИЕВ Бодия б/инструктор РК ВКП/б/ – сейчас пастух колхоза «3-я Пятилетка». И ряд других бывших ответственных работников используются на рядовых работах.

Между тем, как в указаниях Наркома Внутренних Дел СССР тов. Л.П. БЕРИЯ, прямо говорится использование б/ответственно партийно-советских работников в Калмыкии на руководящей Советско-хозяйственной работе в районах расселения, а при невозможности переводить в другие районы.

На местах о перечисленных серьезных недостатках известно – однако районные и партийно-советские организации мер к устранению их не принимают.

Нахождение в дальнейшем в таком состоянии калмыков, помимо антисоветских и пораженческих настроений, которые сейчас фиксируем, может привести к более нежелательным последствиям.

Вторично информируя – о состоянии калмыков, прошу принятия срочных мер.

*НАЧАЛЬНИК УНКВД ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ЗАХАРОВ/
(ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3919)*

СЕКРЕТАРЮ ОМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ПО КАДРАМ

Тов. НИКИТЕНКО

ДОКЛАДНАЯ

Проверкой состояния жилищно-бытового и хозяйственного устройства спецпереселенцев-калмыков в Марьяновском районе установлено, что в районе было поселено 416 семей в количестве 1431 человек. За период с января 1944 года по 20 апреля 1945 года отправлено для работы: на север 464 человека, умерло 25 человек, выехало на соединение с семьями 18 человек, таким образом, на день проверки было спецпереселенцев 924 человека или 294 семьи, из общего числа мужчин 148, женщин 355, подростков от 14 до 16 лет 65 человек и детей до 13-летнего возраста 356 человек.

Среди оставшихся членов ВКП/б/ 5 человек, кандидатов в члены ВКП/б/ – 3, членов ВЛКСМ – 12 человек.

По образованию: высшее 1, среднее 23, н/среднее 73, низшее 406 человек.

Специальное зоотехническое образование имеет 2 человека, ветеринарное 1 чел., медицинское 1 чел. и педагогическое 5 человек.

Расселены спецпереселенцы-калмыки в 21 колхозе, 2-х сельских советах, в 3-х совхозах, конезаводе № 40.

Проживают они в домах, принадлежащих колхозам, совхозам и на квартирах у колхозников.

В большинстве своем калмыки живут в плохих квартирных условиях, квартиры не отремонтированы, холодные, а на ферме № 3 Южно-Любинского совхоза 5 семей (17 человек) живут в бывшем телятнике, совершенно непригодном для жилья помещении, в колхозе «2-я Пятилетка» Степнинского с/совета спецпереселенка Ушакова с тремя детьми живет в саманном домике, у которого вывалилась стена, в зимнее время все стены внутри промерзли; в Лесоотделе Москаленского совхоза в клубе проживает 10 семей (27 человек) и т. д.

Квартиры калмыков содержатся в грязном состоянии, не побелены, в некоторых необходим ремонт, поправка дверей и т. д.

Средства, отпущенные на строительство домов, ремонт квартир спецпереселенцам использованы не полностью, и часть сумм использована не по назначению, так из 200 тысяч рублей выдано 175 тысяч, а приобретено всего 20 домов – землянок, как, например, калмык Чаврунов – агент уполнаркомзага – проживает в колхозе «Красный Сибиряк», Некенов – колхоз «Успех», Бадминов – колхоз «Арбитр» и др. получили по 5 тыс. рублей денег и израсходовали их на приобретение обуви, одежды и продуктов питания.

Необходимо отметить, что спецпереселенцы-калмыки находятся в тяжелом материальном положении, нет обуви, одежды, а также не совсем благополучно с питанием, огороды в 1944 году они не сажали, в связи с этим не имели своей картошки и овощей. Калмыки, которые живут в колхозах, получают государственный паек по норме 100 грамм хлеба и 25 гр. крупы в день и плюс к этому получают на заработанные трудовые наравне с колхозниками. В Южно-Любинском совхозе работающие получают 300 грамм хлеба и 100 грамм на иждивенца.

Работающие калмыки в совхозе к столовой не прикреплены и питаются тем, что в настоящее время собирают мороженую гнилую картофель и колосья с полей.

В Москаленском совхозе для рабочих и работающих калмыков хлебная норма совершенно другая – работающий получает 600 грамм, а иждивенцы 200 грамм в день. В колхозе им. Сталина проживает 4 семьи, которые питаются исключительно сбором от колхозников и падалью (съели павшего жеребца, теленка и т. д.).

В колхозе «2-я Пятилетка» спецпереселенка Ушакова с тремя детьми работает в колхозе телятницей, а питается собранными колосьями с полей и гнилой картофелем.

Колхозы и совхозы помогают спецпереселенцам-калмыкам очень мало.

Одним из видов улучшения материальных условий является разведение огородов, но до сих пор спецпереселенцы не наделены земельными участками для индивидуальных огородов, к тому же своих семян не имеют, а председатели колхозов и директора совхозов, а также председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся тов. Есин семенного картофеля дать переселенцам не обещают, объясняя отсутствием его в районе.

Государственный паек выдается неаккуратно, спецпереселенцы-калмыки Орловского сельсовета не получали паек за 3 месяца – февраль, март, апрель. При проверке оказалось, что райпотребсоюз относится к этому вопросу формально, и только после нашего вмешательства калмыцкие семьи паек получили.

Необходимо также отметить, что очень тяжелое материальное положение спецпереселенцев-калмыков, проживающих в немецких колхозах. В этих колхозах калмыки к работе не привлекаются и их считают людьми временными. В члены колхоза они не приняты.

Из выделенных 499 килограмм шерсти, из которой изготовлены были валенки и распределены по сельпо, часть валенок калмыками получена, а часть не получена в силу отсутствия денег у калмыков.

Из 650 овчин переработано только 36 овчин.

Выдано по району спецпереселенцам–калмыкам 206 семьям крупного рогатого скота 127 голов и 365 овец. Не получили скот 88 семей из-за отсутствия такового на базе Заготскот.

Сохранность выданного скота не была обеспечена, почти по всем колхозам скот был прирезан или продан так: из полученного скота в Южно-Любинском совхозе в 40 семьях сохранились лишь 7, в Новопановском сельском совете получили скот 36 семей, а сохранили 6 семей и т. д.

Продажу скота производят «якобы» из-за отсутствия питания, одежды, обуви и т. д.

За истребление скота ни одна калмыцкая семья не была привлечена к уголовной ответственности.

Трудоспособных спецпереселенцев-калмыков в районе насчитывается 504 человека, работает в колхозах 182 человека, из них трактористами 4 человека, остальные на подсобных колхозных работах и в животноводстве.

В совхозах – 181 человек работает в животноводстве и на разных подсобных работах, в госучреждениях – 53 человека, 88 человек

трудоспособных калмыков до сих пор не работают, объясняя это отсутствием обуви и одежды. Некоторые калмыки к работе относятся недобросовестно, так в колхозе «2-я Пятилетка» НАЗАРОВ – инвалид Отечественной войны, работает сторожем в колхозе, на дежурство опаздывает, а в большинстве совсем не выходит на работу, за что несколько раз предупреждался правлением колхоза, также и жена его, которая проживает в колхозе около 3 месяцев, сменила три работы, работала в полевой бригаде, в школе и т. д. В колхозе имени Сталина проживает Ингенова, живет одна, нигде не работает и не хочет работать и т. д.

Однако, есть ряд калмыцких семей, которые хорошо работают, так, председатель колхоза «2-я Пятилетка» характеризует пастуха Манжикова с хорошей стороны, как добросовестно относящегося к работе, он всю зиму пас 40-50 молодых лошадей в степи и сэкономил около 100 тонн сена.

В колхозе Дзержинского р-на работают 4 человека пастухами: Эльджиринова, Эринцинова, Джанова и Эмкенов, которые к своим обязанностям относятся хорошо.

Специалистов спецпереселенцев-калмыков в районе насчитывается 13 человек, из них: зоотехников 2, учителей 4, трактористов 4, шоферов 1, бухгалтеров 2 человека, все они работают по специальности.

Такие работники, как инспекторы Райзо, заготовители, агенты уполнаркомзага, председатели сельпо используются на этих же должностях.

Детей спецпереселенцев-калмыков школьного возраста насчитывается 323 человека, обучается только 21 человек. РайОНО не имеет полного учета детей школьного возраста и не знает, сколько из них обучается. Дети не ходят в школу из-за отсутствия обуви и одежды. Дети дошкольного возраста детскими садами и яслями не охвачены.

Медицинская помощь калмыкам в колхозах оказывается наравне со всеми колхозниками. Комплексных санобработок не проводится. В таких колхозах, как им. Сталина, «Путь Ленина», «Арбитр» и др. в банях бывают очень редко, а на 3 ферме Южно-Любинского совхоза, по заявлению калмыков, в бане они были только в прошлом году, когда приехали.

Исполком районного совета депутатов трудящихся мало занимается спецпереселенцами-калмыками, зная тяжелое состояние спецпереселенцев-калмыков, особенно в Южно-Любинском совхозе

зе и немецких колхозах, где калмыцкое население проживает в жутких условиях, никаких мер не принял.

Ни от одного председателя сельсовета, колхоза, директора совхоза не потребовали улучшения материально-бытового и хозяйственного устройства спецпереселенцев-калмыков.

Райком ВКП/б/ так же вопросом спецпереселенцев-калмыков не занимался, ни на одном заседании бюро райкома ВКП/б/ вопрос о трудоустройстве калмыков и их материальном обеспечении не обсуждался.

Решение бюро обкома ВКП/б/ от 17 января 1945 года «О материально-бытовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев-калмыков» до сего времени не выполнено ни райкомом ВКП/б/, ни райисполкомом.

Районная спецкомендатура свою работу среди спецпереселенцев-калмыков проводит односторонне, больше занимается следственной и оперативной работой, а материально-бытовому и хозяйственному устройству калмыков мало уделяет внимания. Мало выдвигает и ставит вопросов перед районными организациями.

Спецкомендатура не имеет точного учета, в каком колхозе, сколько проживает калмыков.

Массово-политическая и разъяснительная работа среди калмыков не проводится, газет и журналов они не имеют и не обеспечиваются этим. Многие калмыцкие семьи до сих пор настроены на выезд из Омской области.

Приезжая на места, работники спецкомендатуры, исполкома райсовета и райкома ВКП/б/ не интересовались, как живут калмыки, и ни одного вопроса о плохом положении калмыков не поставили на заседаниях сельских советов, правлениях колхозов или перед директорами совхозов.

Все это привело к тому, что спецпереселенцы-калмыки живут в плохих материально-бытовых условиях.

Полученный скот большинство калмыцких семей прирезали или продали.

Отпущенные государственные кредиты на индивидуальное жилищное строительство используются не по прямому назначению.

Спецпереселенцы-калмыки до сих пор не оформлены в члены колхоза и в большинстве очень плохо относятся к работе.

Приусадебными участками калмыки не наделены, семенным картофелем не были обеспечены ни в 1944 году, ни в 1945 году.

Большинство спецпереселенцев-калмыков не имеют обуви и одежды, особенно дети и престарелые (колхоз им. Тельмана, Сталина, Южно-Любинский совхоз и т. д.).

*Члены бригады: Плеханова 13/V-45 г.
(ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4230)*

ПИСЬМО
группы спецпереселенцев-калмыков И. В. Сталину
с просьбой о политической реабилитации и возвращении
на родные земли калмыцкого народа

29 апреля 1946 г.

г. Барабинск, Новосибирская область

Дорогой и глубоко уважаемый Иосиф Виссарионович!

Обращаясь к Вам, приносим наше глубокое извинение за беспокойство Вас этим письмом.

Народы Союза Советских Социалистических Республик, нашей страны, не исключая даже самой маленькой этнической группы, счастливо и радостно взирают на свое будущее, они послали своих лучших людей в Верховный Совет как равноправные члены одной семьи. Это понятно, ибо в нашей стране нет и не может быть расовой или национальной исключительности и дискриминации. Национальная политика нашего правительства и партии большевиков учит нас, что винить людей по принадлежности крови, по общности языка, по цвету кожи и т. п. признакам – преступление в нашей стране. Если ко всему этому добавить великий гуманитарный принцип, выставленный Вами о том, что даже сын за родного отца не отвечает, то станет понятным то радостное будущее, когда человеческая личность и ее достоинство в нашей стране будет еще больше уважаться, чем сейчас.

Но только мы, калмыки, по нашему несчастью, составляем исключение из этого. Начиная с трагического дня утраты своей национальной автономии (и национального облика) и обрыва своей истории, калмыки, разбросанные по 3-5-10 семей по необъятной и суровой Сибири, неприспособленные и непривыкшие к этим условиям жизни, физически вымирают, терпя нужду и лишения, без родного очага и крова, терпя моральное и национальное унижение, постепенно становятся на путь физического вымирания.

И это оказалось возможным только потому, что среди нас, калмыков, нашлась ничтожная кучка предателей, проклятых своим народом, ненавидимых им и потерявших всякую связь с ним.

Хотя по этой причине мы выселены из веками обжитых мест наших предков, и прошло уже с тех пор больше 2 лет, но мы знаем, что человеческая, гражданская совесть подавляющего большинства калмыков (мы не говорим – калмыцкого народа, ибо его нет теперь) осталась чистой, ибо калмыки были и остались, несмотря на все пережитое унижение и лишения за последние два года, Советскими людьми. Да иначе не может и быть, так как за четверть века Советской власти идея последней, идея нашей великой партии прочно овладела национальным самосознанием калмыков, чего не было во всей их предшествующей истории.

Когда мы читаем и слушаем ежедневно священные слова: братство, дружба, равноправие народов СССР, когда мы читаем бесчисленные материалы о Сталинской конституции, о нашей советской власти, о счастливой и радостной жизни народов СССР и когда в то же время мы, калмыки, пытаемся сравнить свое положение с положением народов страны, живущих своей национальной жизнью, и совместим это положение с указанными великими принципами, просто по-человечески, до глубины души, до боли сердца переживаем мы свое национальное горе и несчастье.

Уже одно то, что даже самые мелкие национальные меньшинства и группы послали наравне с другими большими и малыми народами СССР своих представителей в высший орган страны, а мы, калмыки, лишены этого величайшего счастья, – уже одно это является самым незабываемым унижением национального и человеческого достоинства калмыков. Но несмотря на это, калмыки (мы говорим о всех честных калмыках, а их абсолютное большинство) отдали свои голоса за лучших людей советского народа, ибо их совесть осталась такой, как была на прежней родной земле – совестью советских людей.

Дорогой Иосиф Виссарионович, калмыки, политически убитые, национально раздавленные и опозоренные, со слезами на глазах читали и слушали Вашу историческую речь, где Вы говорите: «...Наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, культивирует чувство дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства».

Все это естественно, каждый из народов страны отчитывается о своих победах и достижениях за годы Отечественной войны, а мы, калмыки, лишены этой возможности, хотя и они тоже в меру своих сил трудились вместе с другими народами. За два с половиной года

войны этот маленький народ дал стране и (Красной армии) фронту шесть миллионов пудов хлеба, сотни тысяч тонн овощей, шестьсот тысяч голов скота, один миллион центнеров рыбы, построил своими силами 250 км. ж. д. линии в прифронтовой полосе, не считая другой многообразной помощи фронту. За успешную помощь фронту в 1942-43 годах калмыки удостоились получить две Ваши телеграммы с выражением благодарности за помощь героической Красной армии. Тысячи сыновей калмыков честно и мужественно сражались на всех фронтах Отечественной войны, из них до пяти тысяч человек за мужественную борьбу с врагом награждены правительством орденами и медалями. Сотни и тысячи калмыков погибли на полях сражений, они отдали жизнь за Советскую власть, за Вас, тов. Сталин, за счастье своего народа. Они пали смертью храбрых, защищая сердце родины – Москву, города-герои Ленинград и Сталинград, Кавказ, Дон и другие места от врага; калмыки дали и своих Героев Советского Союза, в Сталинском генералитете Красной армии два наших славных земляка – генералы Городовиковы, которые с честью выполняли в годы войны (Ваши) приказы своего Верховного Главнокомандующего.

В труднейших условиях открытой степной пустыни, несмотря на ошибки своего руководства, калмыки организовали и подняли вместе с русскими и украинцами партизанскую войну против захватчиков, многие из них награждены правительством.

Навсегда прославили свои имена калмыки: Герои Советского Союза Эрдени ДЕЛИКОВ, Лиджи МАНДЖИЕВ, полковник (герой Гражданской войны) Василий ХОМУТНИКОВ, комсомолец САТКУЕВ и многие, им подобные; бессмертны подвиги партизан калмыков АДУЧИЕВА Бодма-Холга, комсомольцев Тамары ХОХЛИНОВОЙ, Владимира КОСИЕВА, как и их русских товарищей – Сергея КОЛОМЕЙЦЕВА, Юрия КЛЫКОВА и многих других, отдавших жизнь за Родину, за свой народ.

Не будь с нами трагедии 27 декабря 1943 года, кто мог бы сомневаться в том, что мы, калмыцкий народ, сделали бы значительный вклад в общее дело победы над врагом Родины.

Могут сказать, что всего этого мало. Но нельзя забывать того, что нас, калмыков, численно меньше, чем русских в тысячу раз, чем украинцев в 400 раз, чем белорусов в 100 раз, меньше чем казахов в 60 раз, меньше чем грузин в 30 раз.

Дорогой Вождь и учитель, мы верим, что лично Вы, наше правительство будете судить о национальности и исторической жизнеспособности и полноценности калмыков именно по этим фактам, а

не по злодеяниям шайки предателей, хотя они были и не только из среды калмыков, которые (предатели) уже пойманы и наказаны за свои преступления, ибо предателями могут быть единицы и десятки людей, но никогда не будет предателем целый народ.

Если до выселения сюда калмыки законно гордились свободой, равенством, счастьем и, не покладая рук, работали, то и сейчас, и здесь в Сибири, отбрасывая от себя личное и свое национальное горе, они работают честно каждый и все вместе на тех участках, где их ставят.

Товарищ СТАЛИН, не может быть в нашей стране такого положения, когда целый народ ставится в такие условия, в каких находимся мы, калмыки.

Тяжело жить в таких условиях, в каких находимся мы. Только Советское правительство, партия большевиков и лично Вы, наш вождь и учитель, можете понять, что значит жить нам, вчера еще жившим как целый народ, разбросанными по необъятной и суровой Сибири, прикрепленными к одному месту с отметками на паспортах: «разрешается жить только в пределах такого-то района». И когда любому калмыку при передвижениях выдают волчьи билеты, в которых пишется: «калмык такой-то (имя рек) подлежит задержанию и водворению на место жительства, если таковой (этот несчастный калмык) окажется не там, где ему надлежало быть». Стоит ли нам в таком положении жить в нашей свободной стране, где священными являются равноправие, национальная свобода и уважение личности человека.

Наше правительство и лично Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, всегда выступали и выступаете (а народы нашей страны единодушно поддерживают такую политику правительства) за свободу и независимость народов малых и зависимых стран. Поэтому вполне понятно, почему советские люди осуждают звериные законы, устанавливающие «зону резервации» для индейцев, «цветной барьер» для негров и т. п. Но в то же время, таково же положение калмыков сегодня, посудите сами, дорогой Иосиф Виссарионович. Вспомните нашу трагическую историю. Калмыки потеряли в 1771-72 годах, убегая из-под гнета русского абсолютизма, 10 тысяч человек, они потеряли 80 тысяч человек во время Гражданской войны, когда их вымиранию был положен конец великим ЛЕНИНЫМ и лично Вами подписанием и претворением в жизнь знаменитого «Обращения к братьям калмыкам». Мы потеряли теперь, после выселения в Сибирь, до 3 десятков тысяч человек, – неужели чаша страдания калмыков до сих пор не переполнена.

Калмыки сейчас вымирают здесь в Сибири. Ясно, что после выселения в Сибирь мы также имеем потери в людях. Мы знаем, что в нашем горе и несчастье виновата война и те из нашей среды, кто изменил Родине. Но ведь война кончилась, а виновники нашего несчастья понесли заслуженное наказание от Советского правосудия.

Могут спросить, почему вымирают калмыки, несмотря на оказанную им правительственную помощь. Смертность их объясняется огромной, почти поголовной заболеваемостью, в первую очередь, туберкулезом; далеко зашедшими материальными нуждами и лишениями, которые поглощают ту экономическую помощь, оказываемую им правительством, за которую калмыки безмерно благодарны Вам; неустроенностью семейной жизни, отсутствием родного очага, всеобщим чувством «виновности» без действительной вины; разъединенностью калмыков, наконец – что самое страшное и непоправимое здесь, - тоска по родным местам, уничтоженное национальное достоинство и утраченное национальное единство, политический позор, павший на них. Ибо, если русский, украинец, белорус, грузин, армянин и др., уходя из родного очага в чужую далекую сторону, берет с собой горсть родной земли, как знак и воспоминание о родной стороне, о родном очаге, такое же, если не большее чувство тоски по родным очагам и родной земле присуще каждому калмыку.

Товарищ СТАЛИН, калмыки ждут решения своей судьбы от своего правительства и от Вас, дорогой Иосиф Виссарионович. Они, еще вчера составляющие целую национальную автономию, должны быть возвращены на родные места, на родные земли, национально объединены, политически реабилитированы и экономически возрождены. Это будет еще одним проявлением торжества справедливости, которая торжествует в нашей Советской стране, этим самым наше правительство и Вы, тов. СТАЛИН, спасете нас, калмыков, от неминуемой гибели и дадите нам возможность окончательно и бесповоротно очиститься от пятна позора.

Если этой работы нашим правительством не будет проявлено, калмыки, политически убитые, национально униженные сегодня, под тяжестью политического позора и национального унижения, несмотря ни на какую экономическую помощь как народность вымрут физически.

По нашему глубокому убеждению, нашему правительству и Вам, нашему вождю и учителю, не безразлична сложившаяся трагическая судьба целого народа, о которой калмыки написали Вам ты-

сячи писем. Калмыки могут и хотят жить в нашей Советской стране только своей национальной жизнью.

В этом их спасение и их же счастье. Но для этого их, прежде всего, надо вытащить из той пропасти, в которую они попали по вине войны и кучки изменников из своей среды.

Еще мы хотим сказать Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, может быть, кое-кто пишет Вам, правительству о том, что, дескать, среди части калмыков имеется центробежное стремление. Так пусть знают наше правительство, весь советский народ, знайте и Вы, товарищ СТАЛИН, что это проявление того шовинизма, который создавал угар, застилавший глаза и отуманивший сознание многим в Калмыцких – Астраханских степях (мы все хорошо помним эти зловещие слова: «Вы, калмыки, все бандиты, вас надо выселить в Сибирь»., «Об этом знает Москва» и т. д.) и который погубил нас. Хотя этот угар давно прошел, но следы его кое-где до сих пор остались. Мы, калмыки, хотим, чтобы этого шовинизма в окружении и среди нас не было. Это наше последнее пожелание, о котором мы Вам сообщаем.

Дорогой тов. СТАЛИН, Вы спаситель народов нашей страны, отец и вождь наш. Так к кому же нам обращаться со своими думами и чаяниями, надеждой и верой в свое свободное будущее, как не к Вам, к своему правительству, ибо наше счастье, наше спасение, наше будущее в Ваших руках (только в Вашей воле) и не удивительно поэтому, что каждый из нас, калмыков, ложится спать и встает утром только с одной мыслью, с одной думой: «Не может быть, чтобы нас навсегда так бросили наше правительство, тов. СТАЛИН. СТАЛИН нас спасет, восстановит нас в правах наших». И мы ежечасно и поминутно просим наше растерзанное сознание, делая все для того, чтобы не поддаться горю и несчастью своему, забываясь только в работе.

Может ли быть сомнение в том, что калмыки найдут в себе достаточно людских средств и сил для того, чтобы под руководством и при помощи своего правительства и партии большевиков смыть пятно позора с себя навсегда и восстановить достойное место в семье братских народов СССР. А братские народы помогут нам в нашем возрождении. Живите, здравствуйте на долгие годы, наш Вождь, учитель и отец тов. СТАЛИН.

*С коммунистическим приветом:
Корсунжеев Церен, Тахаев Дорджи, Андраев Дорджи
29 апреля 1946 года, г. Барабинск НСО
(ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 205. Л. 28а-30)*

Еще одно преступление сталинизма

В конце 1943 г., когда перелом в ходе войны уже наступил, сталинский режим осуществил одну из своих преступных акций – депортацию калмыцкого народа. Изгнание из родных мест десятков тысяч людей обосновывалось предательством “многих” калмыков. Как стало известно позднее, с немцами ушли не более 5 тыс. человек, в то время как в РККА в годы войны были призваны и доблестно сражались около 20 тыс.

Ложные обвинения в измене Родине, передаче немцам скота и саботаже мероприятий советской власти послужили основанием для появления 27 декабря Указа Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР, а на следующий день Постановления СНК СССР «О выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области». На основании этих актов НКВД была проведена операция «Улусы».

Уже 2 января 1944 г. Л.П. Берия составил доклад на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова о результатах чекистско-войсковой операции «Улусы», из которого следует, что с 28 по 31 декабря 1943 г. в Сибирь были отправлены 93 139 калмыков в 46 эшелонах. Значительную часть данного «спецконтингента» приняла (с 9 января) Омская область: к 18 января 1944 г. число калмыков составило 27 158 человек. 20 марта прибыли еще 89 калмыков из Астрахани. В итоге число депортированных на территорию Омской области в январе-марте 1944 г. составило 27 247 человек. Подавляющее большинство – женщины и дети.

Местами поселения депортантов стали 19 районов области. В целом по области калмыцкие семьи были расселены следующим образом: в колхозах – 6668 семей, в совхозах – 802, в райцентрах и поселках – 798 семей. При этом почти 4/5 калмыков были поселены в дома местных жителей, которых «уплотнили». Практика «уплотнения» породила ряд конфликтов, однако они не переросли в системное противостояние и, как отмечали уполномоченные исполкома, расселение прошло «организованно и спокойно».

Постановлением Омского обкома и исполкома от 30 апреля 1944 г. было санкционировано вторичное переселение калмыков. Отправку на Север начали 15 мая, закончить должны были к 15 июня. Фактически переселение затянулось до конца октября. Расселение вторично переселенных было произведено в трех северных округах в системе трех рыбопромышленных трестов: Тобольского – 1879; Ханты-Мансийского – 5999; Ямало-Ненецкого – 1467

человек. После административно-территориального размежевания и выделения 14 августа 1944 г. из состава Омской области самостоятельной Тюменской все калмыки, переданные в рыбную промышленность, оказались на территории последней. В Омской области численность калмыков на 1 января 1945 г. составила 9601 человек.

Налаживание контактов с местным населением осложнялось тем, что среди сибиряков распространился миф о «людоедах-калмыках». Спецпереселенец-калмык Борис Пахомкин, размещенный в с. Сыропятка Кормиловского района, отмечал, что перед прибытием «прошел слух, что везут выселенцев калмыков-«людоедов». Аналогичные слухи распускались на ст. Куломзино. Поэтому местное население и даже ссыльные довоенных лет первоначально относились к калмыкам с опаской. Однако уже вскоре сибиряки «поняли, что мы достойны сочувствия и помощи». Отношение местного населения к калмыкам было в большинстве случаев доброжелательным. П.Т. Гуцин вспоминал: «... в холод со станции Исилькуль на подводах в наше село [Вольное Полтавского района] привезли несколько семей калмыков. Местные жители и власти встретили переселенцев дружелюбно, помогли устроиться на работу, детей определили в школу. До сих пор остались в моей памяти доброта, порядочность, трудолюбие калмыков». Вторит ему Н.П. Колмогоров из Горьковского района: «Мне было 13 лет, когда зимой, в сильные морозы, привезли к нам в Малокулачье калмыков-переселенцев. Проживали эти четыре семьи в опустевших избах, претерпевали они и голод, и холод, и незаслуженное унижение. Со временем калмыки узнавали односельчан, стали работать и вместе переживать все те невзгоды, которые принесла нам война».

Холод, голод и военные невзгоды были в числе главных причин большого количества жертв среди депортированных. Первым и наиболее тяжелым результатом спецпереселения стали почти 3000 умерших на омской земле за год нахождения на поселении – более чем каждый десятый от числа депортированных. Согласно современным историко-демографическим исследованиям, общие демографические потери калмыцкого народа в период депортации составили не менее 40 процентов от общей численности. Высокая смертность и низкая рождаемость на поселении (смертность превосходила рождаемость с момента завоза до 1 октября 1948 г. в 6,1 раза) в сочетании с «рассеиванием» народа по огромной территории создавали угрозу самому существованию этноса. Именно

поэтому в этническом сознании калмыков годы, проведенные на спецпоселении, ассоциируются с геноцидом, попыткой уничтожить народ, а множество индивидуальных травм переросли в одну – коллективную депортационную травму, проявления которой заметны и сегодня.

Чувство унижения и неполноценности, с которым связывается пребывание в Сибири, было связано с режимом комендатуры, который довлел над всеми спецпереселенцами. Кратко, но емко его охарактеризовала К.Д. Насунова-Сенглеева: «Я думаю, что это была «свободная тюрьма», где жили и работали под надзором».

В обыденном представлении режим спецпоселения связан, прежде всего, ограничениями перемещения. На самом деле перечень вопросов, находящихся в ведении комендатур, был значительно шире, в него входили: предупреждение побегов, розыск бежавших (за 3 года нахождения на поселении в области было поймано более 80 процентов бежавших – 31 человек), выявление антисоветских и уголовных элементов, контроль над политическими настроениями, посемейный учет спецпереселенцев, поддержание режима спецпоселения в целом. Комендант имел право налагать административный арест на 5 суток и штраф в размере 100 руб.

Чтобы покинуть район поселения, человеку требовалось получить временное “разрешение” на выезд за его пределы от периферийного надзирающего органа. В этом документе указывался срок поездки и пункт, где поселенцу разрешалось находиться. По прибытии в пункт назначения спецпоселенцы ставились на учет уполномоченным органом по месту временного пребывания, о чем ставилась в известность комендатура. По возвращении к основному месту спецпоселения разрешение на право выезда у депортантов изымалось.

Несмотря на все трудности, калмыки добросовестно трудились, что отразилось в документах. Согласно докладной записке УНКВД Омской области, только за четвертый квартал 1946 г. им выдали в качестве премий за хорошую работу 17 голов скота. Упомянутый Николай Павлович Колмогоров также характеризует калмыков как добросовестных тружеников: «Хорошо помню деда Култая со старухой и дочерью Марией. Летом он пас овец колхозников, к работе относился добросовестно, к осени жители деревни забирали своих хорошо упитанных овец».

На всем протяжении ссылки (до 1956 г.) труд калмыков использовался в аграрном секторе. К началу 1950-х гг. 81 процент пред-

ставителей калмыцкого населения был трудоустроен в колхозах и совхозах. Калмыки всеми силами стремились интегрироваться в существующие производственные и общественные структуры, но это было не так-то просто. Бывший спецпереселенец Э.М. Павлов в письме подруге юности Г.В. Гурьяновой писал: «Своей добротой ты мне во многом помогла морально, поддерживала, и вообще девчата из Портновского уважали меня в те годы, когда калмыцкая молодежь считалась «второсортной» ... я желал вступить в комсомол и в то же время знал, что нас, калмыков, власть считает «врагами народа». На первичном [собрании] меня приняли, из бюро РК ВЛКСМ тогдашний первый [секретарь] Г. отверг мою кандидатуру, после этого ты обратилась ко второму секретарю РК КПСС М., тот отнесся положительно [к] приему меня в комсомол, видимо, потому, что он знал меня (я обшивал его семью – по сапожному цеху). Ты добилась своего решения, и я был принят, комсомольцем ходил долго, до конца 1957 года, конечно, комсомол дал мне многое в становлении моей жизни и росте».

К моменту прибытия на поселение среди калмыков было значительное количество коммунистов (226 человек) и комсомольцев (177 человек). Показательно, что с 1944 по 1954 гг. в омскую партийную организацию вступили 15 калмыков, причем первый из них стал кандидатом в члены ВКП(б) уже в первом квартале 1944 г., т.е. в первые месяцы нахождения на спецпоселении.

Власть пристально следила за судьбами этих людей и рассматривала кандидатуры на вступление в ВКП(б) и ВЛКСМ в строго индивидуальном порядке, а к началу 1950-х гг. вообще закрыла для калмыков возможность для вступления в партийные ряды, по всей видимости, это было связано с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., объявлявшем спецпоселение «наказанного народа» вечным. Количество подозреваемых в преступной деятельности постоянно росло.

Власть тщательно следила за судьбами этих людей, благодаря этому нам известно о том, что на территории Омской области сложилась группа руководящих советских и партийных работников упраздненной республики: бывший зам. председателя Совнаркома, два зав. отделами обкома ВКП(б), три зав. отделами РК ВКП(б), три председателя райисполкомов. За одним исключением: все они заняли на поселении нерядовые должности. К примеру, бывший заведующий отделом Калмыцкого обкома ВКП(б) работал на поселении инструктором райкома партии, а бывший заведующий от-

делом райкома ВКП(б) – председателем колхоза. Управленческий опыт этих людей оказался востребован в ситуации острого дефицита кадров, наблюдавшегося в военное время. Были также востребованы коммунисты, имевшие производственный опыт, один из таких практиков-производственников стал заместителем директора Усть-Иртышского рыбозавода. Фиксировались случаи использования коммунистов и комсомольцев для агитации среди соплеменников, не владеющих русским языком.

В особую группу были фактически выделены сотрудники спецслужб, и, важно отметить, что от их профессиональных услуг власть отказалась по мере решения проблемы кадрового голода в конце 1940-х гг.

И в целом государство сознательно ограничивало возможности выбора рода деятельности спецпереселенцам. Отчетливо это ощущала калмыцкая молодежь, фактически ограниченная в возможностях получения образования. Ю.О. Оглаев, окончивший школу на спецпоселении в Любинском районе, вспоминал: «Только что закончился XIX съезд КПСС – первый после войны съезд партии ... нас по-прежнему не призывали в армию, чего мы жаждали всей душой; не имели права свободного выезда за пределы ведения местной спецкомендатуры; наконец, по-прежнему мы не имели права свободного поступления в вузы...». Юлия Очировича не приняли на исторический факультет омского вуза, поскольку существовало, со слов работника приемной комиссии, ... некое указание: калмыков в пединститут не принимать, а тем более – на исторический факультет». Тем самым пресекалась возможность создания среди калмыцких кадров специалистов гуманитарного профиля.

Известно, что, несмотря на административные препоны, четыре калмыка окончили вузы Омска, причем один из них в 1948 г. Один калмык работал в Омском пединституте, один защитил кандидатскую диссертацию. К началу 1956/1957 учебного года в средних специальных учебных заведениях Омской области обучалось три калмыка.

Депортированные продолжали активно трудиться, участвуя в основных хозяйственных мероприятиях и кампаниях. Так, Борис Мукабенов, работавший токарем на омском заводе им. Розы Люксембург, в 1954 г. выехал в Полтавский район на освоение целинных земель.

Именно в первой половине 1950-х гг. мы можем говорить о нормализации материально-бытового положения калмыков, когда на-

блюдается постоянный рост численности калмыцкого населения на территории областей вселения. В это время народ перешел из режима выживания к относительно стабильной жизни, предполагавшей развитие и рост. На 1 января 1956 г. в Омской области из 6211 взрослых калмыков имели собственные дома, приусадебные участки и скот 2598 человек (41,8 процента). При этом понятие «нормальные условия», на протяжении всего периода ссылки, включало норму жилой площади в 3 квадратных метра на одного спецпереселенца.

К 1 января 1956 г. на спецучете состояли: в Омской области – 6163, в Тюменской – 6153 человека. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении», калмыки были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органов МВД. При этом вторым пунктом разъяснялось, что «снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Подготовка к переселению уже началась, но только 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР», которым вторая статья Указа от 17 марта 1956 г. в части запрещения калмыкам и членам их семей, снятым с учета спецпоселения, возвращаться в места, откуда они были выселены, была признана утратившей силу. Приказ МВД, разрешающий калмыкам прописку и проживание «в местностях, откуда они были выселены», появился 25 января 1957 г.

Выезд калмыцкого населения с территории сибирских краев и областей начался еще до получения бывшими спецпоселенцами права на возвращение в родные края и поэтому изначально заключал в себе определенный элемент стихийности. В организованном порядке он проходил с марта 1957 г. до конца 1959 г. Пик миграционной активности пришелся на 1957 г., когда в организованном порядке переселилась самая большая группа калмыков. В 1958 г. количество переселяемых сокращается и проходит более упорядоченно, по отработанной технологии. За два года организованного переселения (1957–1958 гг.) с территории Омской области выехало более 80 процентов бывших спецпоселенцев. 1959 г. можно назвать годом «остаточного» переселения (из области в организованном

порядке выехали 64 семьи). После завершения организованного возвращения калмыцкого населения в родные края на омской земле осталось около 500 человек. В местах поселений, как правило, остались те, кто лишился родственников в местах выселения, либо лица, вступившие в брак с некалмыками, и их дети.

Депортация калмыков в Омскую область

В 1920 г. была образована Калмыцкая автономная область. В 1936 году она преобразована в автономную республику. С началом Отечественной войны в республике, как и по всей стране, множество людей шли в военкоматы с заявлениями о призыве в Армию. К 30 июня 1941 г. в военкоматы Калмыкии поступило до 2 тыс. заявлений добровольцев. Сформировано народное ополчение, в котором к концу июля насчитывалось 8,6 тыс. человек. В сентябре 1941 г. сформирован калмыцкий кавалерийский полк в 1 200 сабель. За первые 8 месяцев из Калмыкии направлено в Армию свыше 20 тыс. человек. К началу 1943 г. в Красной армии насчитывалось 23 тыс. солдат из Калмыкии. Правда, исследователи не указывают, были ли это только калмыки или общее число призванных граждан из Калмыкии. Дальнейшая судьба калмыцкого народа определялась решениями правительства.

28 декабря 1943 г. приняты Указ Президиума Верховного Совета и постановление СНК о выселении калмыков. В зимнюю стужу эшелоны с калмыками двинулись в Сибирь. «Операцию» выполнил НКВД. Сталинский подручный по палаческим делам Л. Берия докладывал:

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы... Всего было погружено в эшелоны 26 359 семей, или 93 139 человек переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области...

Л. Берия».

Можно полагать, что это была не окончательная цифра. Выселение продолжалось из других районов страны. В литературе встречаются разные сведения о численности калмыков, выселенных в Сибирь. Так, в «Книге исторических сенсаций» сообщается, что направлено калмыков: в Алтайский и Красноярские края, в Омскую

область по 25 тыс. человек, в Новосибирскую область – 20 тыс. Таким образом, это составляет уже 95 тысяч, что больше цифры, названной в докладе Л. Берии.

В Омском центре документации новейшей истории имеется документ, в котором значится, что область должна была принять 35 тыс. калмыков. До разделения области в августе 1944 г. это означало, что это население намечалось разместить на всей территории вместе с тюменским севером.

Применительно к Омской области можно полагать, что расхождения с первоначальными планами размещения калмыков происходили в силу «текущих обстоятельств». Область оказалась первой на пути следования депортируемых. Нередко на станциях останавливали эшелоны и выгружали людей, предназначенных к размещению в других районах Сибири. Так или иначе, «друг степей калмык» оказался в Сибири, в самых суровых ее местах. Он стал рыбаком на северных речных просторах. В Красноярском крае 900 семей калмыков направлены на Таймыр.

Совершенно не приспособленные к сибирским условиям жизни, не знакомые с новой трудовой деятельностью, при отсутствии должных жилищных условий, медицинского обслуживания калмыки обрекались на гибель.

В земледельческих районах Омской области положение ссыльных калмыков оказалось также нелегким. В справках «О состоянии устройства и материально-бытового положения спецпереселенцев калмыков» для омского обкома ВКП(б) отмечалось: «Имеется много случаев опухания и смертности на почве недоедания. Спецпереселенцы употребляют в пищу трупы павших животных, занимаются нищенством и попрошайничеством, а в ряде случаев хищением скота в колхозах, у колхозников, рабочих и служащих». В январе 1945 г. представлено описание жилищных условий: «Многие калмыки продолжают проживать в полуразрушенных землянках, банях, амбарах и т. п.». Полуразрушенные помещения остаются «без крыш, без окон и дверей». На постройку жилья для калмыков было выделено 2,2 млн. руб., но освоено только 800 тыс. Многие семьи не имеют трудоспособных. Областные власти просили ЦК партии и Совнарком разрешить для спасения калмыков отпускать ежемесячно по 250 тонн зерна, 400 тонн картофеля. Но остановить высокую смертность не удалось. Калмыцкий народ вымирал.

Выселение калмыков объяснялось по уже опробованной схеме – сотрудничество с немцами. Но если поволжских немцев обвинили

в том, что среди них действует масса шпионов и диверсантов, которые только ожидают сигнала для активных действий, то в Калмыкии ситуация была иной, более «доказуемой». Здесь, действительно, часть калмыков открыто перешла к сотрудничеству с немцами. Причины этого, конечно, разные.

Известный отечественный историк А. Некрич отмечает, что в связи с наступлением немцев в 1942 г. в тылу Красной армии стали возникать вооруженные калмыцкие группы, главным образом, из числа дезертиров. В начале августа 1942 г. значительная территория Калмыкии была занята немецкими войсками. Вскоре им удалось склонить к сотрудничеству часть населения. Уже в конце 1942 г. немцы свели калмыцкие отряды в некий «калмыцкий добровольческий легион». В его составе было 10 кавалерийских эскадронов (1 500 человек). Началось формирование кавалерийского корпуса. К середине 1943 г. в его составе было 4 кавалерийских дивизиона с 5 эскадронами в каждом. Численность корпуса составила 2 200 солдат, позднее в нем насчитывалось 3 тыс. К концу войны, как отмечают исследователи, калмыцкие части насчитывали не менее 5 тыс. человек.

И, тем не менее, это не дает основания для обвинения всего калмыцкого народа в переходе на сторону врага. Тысячи калмыков до выселения народа служили в Красной армии и сражались на фронтах. С выселением калмыков из своей республики из Красной армии, в том числе с фронта, калмыков «изымали» и отправляли в строительные батальоны.

Депортированные народы в Сибири переживали невероятные трудности. Это касалось и калмыков. Но историческая справедливость требует обратить внимание и на меры по облегчению участи ссыльных.

Так, по распоряжению СНК СССР от 29 мая 1944 г. Омской области отпущено 307 400 рублей «для выдачи остро нуждающимся спецпереселенцам калмыкам как безвозмездное денежное пособие». Эти средства в области были распределены по районам. Можно, однако, полагать, что эта государственная помощь не доходила в полном объеме остро нуждающимся. По крайней мере, подтверждением этому является докладная управления УВД. «... Усть-Ишимскому району выделено 3 200 рублей, из которых выдано остро нуждающимся семьям спецпереселенцев калмыков 1 600 рублей, а остальная сумма – 1 600 рублей Усть-Ишимским райисполкомом израсходована на выдачу зарплаты работникам райисполкома». Председатель райисполкома отказался восстановить эту сумму.

Постановлениями СНК в 1945 г. были предусмотрены меры по «укреплению общественного стада и тягловой силы колхозов, в которых расселены спецпереселенцы калмыки». Всего для районов ссылки предусматривалось выделить колхозам 1 230 голов крупного рогатого скота, 370 лошадей и 487 волов. Эту кампанию намечалось провести до конца 1945 г.

В Омской области из 16 были выделены пять районов, в которых расселили калмыков. Это Исилькульский, Ульяновский, Калачинский, Полтавский, Усть-Ишимский. Колхозам этих районов намечалось выделить 250 голов крупного рогатого скота. К середине декабря 1945 г. это «укрепление» колхозов выглядело весьма скромным. Усть-Ишимский район должен был получить 4 головы скота. Получил две. Называевский вместо пяти голов получил три. Кормиловскому району выдано 130 голов, Исилькульскому – 210, Полтавскому – 89. Требуется специальное исследование, какую роль эта помощь колхозам сыграла в улучшении положения калмыков.

Местные власти должны были заниматься острой проблемой снабжения продовольствием депортированных людей, в том числе калмыков. Выполняя распоряжение правительства, Омский облисполком в апреле 1947 г. принял решение «О выдаче продуктивного скота спецпереселенцам калмыкам». Контора «Заготскот» должна была выделить 277 «голов телок из расчета одну голову весом в 200 кг на одну спецпереселенческую семью, разнарядив их в районы расселения спецпереселенцев калмыков, согласно приложению». В приложении названо 15 районов, каждому из которых установлено количество голов телок для калмыков:

Москаленский – 34, Азовский – 30, Кормиловский – 40, Шербакульский – 23, Калачинский – 20 и т. д.

Некоторые районы должны были получить совсем немного: Называевский – 3, Усть-Ишимский – 5, Тевризский и Тарский – по 6 голов и т. д.

В ряде случаев на предприятиях, использовавших труд калмыков, вопросы снабжения продовольствием решались в меру возможностей местной администрации. Так, в конце марта 1947 г. из Знаменского района сообщали в облисполком, что в Знаменском леспромхозе устроено 27 семей калмыков (68 человек). В этих семьях 4 мужчины, 34 женщины и 20 детей до 16-летнего возраста. Можно обратить внимание, что в 27 семьях было всего четверо мужчин. В 1946 г. калмыкам выделены 12 квартир, «купленных за средства государства». Еще в 1944 г. 24-м семьям бесплатно

выданы коровы. Сложнее обстояло снабжение хлебом. «В 1946 г. из промтоварного и продуктового фонда калмыкам выдано муки 512 кг, крупы 32 кг, сахара – 12 кг и соли – 63 кг».

Немного. На 68 человек 512 кг муки – это около 8,4 кг на человека. Еще 0,5 кг крупы. Это на целый год...

В традиционной отечественной историографии неизменно повторялись утверждения о том, что в Отечественной войне победили не только Вооруженные силы СССР. Победил социалистический строй, морально-политическое единство общества, победил колхозный строй...

Действительно, ценой невероятных усилий хлеборобов обеспечивались необходимые, чаще всего минимальные, потребности страны в продовольствии. Историки Сибири немало и справедливо писали о том, что колхозники этого российского региона вложили весомый вклад в продовольственное обеспечение страны. В самые сложные периоды, когда страна потеряла крупные зерновые районы, Сибирь давала четвертую-пятую часть всех продовольственных поступлений в государственный фонд. За годы войны сибирское поле дало стране около 9,9 млн. тонн зерна. Сообщаются сведения о поставках продовольствия Омским Прииртышьем. За годы войны область дала около 2 млн. тонн зерна. Далее будут называться крупные цифры по поставкам мяса, молока, картофеля... И еще неизменно к заслуге сибиряков, в том числе и населения Омской области, справедливо будет отнесено то, что сибирская земля приняла сотни тысяч эвакуированных граждан, сюда был направлен густой поток депортированных народов – поляков, немцев, калмыков и других. К приему таких масс населения Сибирь не была подготовлена. Само собой, требовалось решать жилищную проблему для размещения громадного количества людей. Надо было делиться продовольствием с этим крупным контингентом. Из государственных фондов на это население выделялись (а на спецпереселенцев в первое время не выделялись вовсе) весьма скудные ресурсы.

В этих условиях тяжелая ноша легла на плечи сибирских хлеборобов. Снабжая страну продовольствием, крестьяне Сибири сами находились в полуголодном состоянии. В 1944 г. на члена крестьянской семьи здесь приходилось 225-280 граммов хлеба. «Ни одна категория населения, находившаяся тогда на нормированном государственном снабжении, не получала столь мизерного пайка».

Трудности снабжения продовольствием коснулись всех слоев и категорий сельских жителей. Но при этом, конечно, труднее всего приходилось переживать депортированным гражданам. Они не успели освоиться на местах вселения, нередко не имели ни жилья, ни приусадебных участков, никаких запасов продовольствия или дополнительных ресурсов продовольствия. Не могли рассчитывать и на поддержку родственников. Все близкие находились в такой же ссылке...

Надо признать, что в обращении с депортированными гражданами было немало проявлений бюрократизма и казенщины. Это было отражением уже сформировавшегося отношения к «врагам народа». Тем более, что и теперь людей ссылали по обвинению в предательстве, измене. Документы свидетельствуют, что нередко проявлялось безразличие к судьбам переселенцев. Так, управление МВД докладывало председателю Омского облисполкома Кузику в ноябре 1947 г., что направленные в «Омсклес» спецпереселенцы брошены на произвол судьбы. На станции Куломзино находится 100 человек, «продуктами питания снабжаются нерегулярно, поэтому они вынуждены заниматься нищенством». Но еще трагичнее является положение других семей, брошенных по пути следования в северные леспромхозы. В докладной сообщалось: «Остальные спецпереселенцы направлены в северные леспромхозы, но до места постоянного поселения не довезены, брошены в пути... Продуктами питания не снабжаются, в результате чего имеются нездоровые явления. Например, спецпереселенцы, направленные в Тевризский и Усть-Ишимский районы, довезены до Большеуковского района и брошены на произвол в селах: Яковлевка (220 семей) и Усть-Тарка (220 семей)... Среди спецпереселенцев вспыхнула эпидемия тифа и других заболеваний. Имеется ряд случаев смертности».

Можно представить положение этих семей. Начинаясь декабрь. У ссыльных не было никаких продовольственных припасов, нет «обычной» огородной продукции. Теперь они не имеют ни жилья, ни работы. Даже при ином отношении леспромхозов к этим людям обеспечить их работой в зимних условиях было сложнее, чем летом.

В сентябре 1947 г. управление НКВД представило сведения о положении спецпереселенцев, работавших на омских кирпичных заводах № 6, 7, 8. Размещены они в непригодных помещениях, печи не пригодны для отопления и не могут использоваться для приготовления пищи. «Из 320 человек трудоустроенных спецпереселенцев-немцев 25-30% нуждаются в обуви и одежде.

Снабжение продовольствием проводится неудовлетворительно и только хлебными карточками, другими продуктами не обеспечиваются. Овощи из подсобных хозяйств заводов совершенно не выделяются». Зарплата выдается нерегулярно. Рабочие самовольно уходят с работы (точнее совершают побеги).

Снабжение спецпереселенцев постепенно отлаживалось. Но при общих трудностях это не позволяло решить проблему питания их на должном уровне. Потребуется немало времени, чтобы преодолеть полугодовые нормы снабжения.

В январе 1957 г. была восстановлена Калмыцкая автономная область, в июле 1958 г. – автономная республика. Калмыки вернулись на свою историческую землю.

Общий проверенный итог депортации калмыков отразили переписи населения. В 1939 г. в стране зарегистрировано 134 тыс. калмыков. В 1959 г. численность их составила 106 тыс. человек. Это после возвращения бывших военнослужащих и через несколько лет после возвращения народа из ссыльных мест.

И пережившие депортацию, и умершие в местах ссылки калмыки реабилитированы.

**«Политические репрессии в Омской области»
(По страницам областной Книги памяти жертв политических репрессий)**

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»),
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34, тел. (3812) 212-111,
2023. – 196 с., тираж 1000 экз.

Редакционная коллегия: Сбитнева М.А., Тикунова З.В.

Распространяется бесплатно.

Центр развития общественных инициатив
г. Омск, 644043, ул. Красный Путь, 9, к. 327
Тел.\факс (3812) 23-23-20
Сайт: www.omskngo.ru,
e-mail: info@omskngo.ru

*Издание осуществляется в рамках проекта
«Помня прошлое, мы обещаем будущему»,
реализуемого ОРОО «Центр развития общественных инициатив»
на средства гранта, предоставленного Правительством Омской области
при софинансировании Фондом президентских грантов.*

